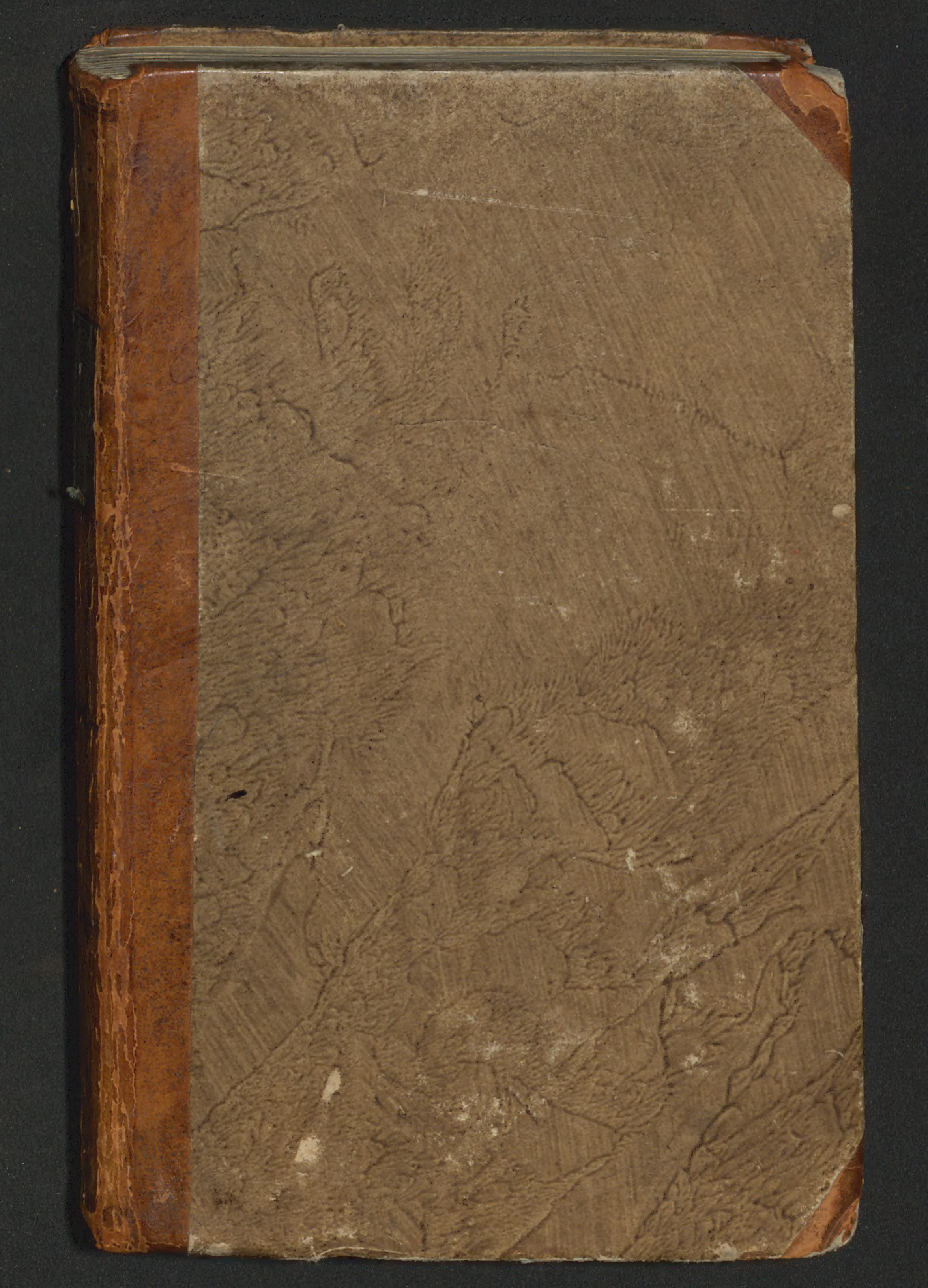

ОПЫТЪ
РЕТОРИКИ,

сокращенный большею частію изъ наставленій

ДОКТ. БЛЕРОМЪ

въ сей наукѣ преподаваемыхъ.

СЪ Аглинскаго языка на Россійскій преложенъ

А. К. и *В. С.*

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ,

1791 года.

Предувѣдомленіе.

Недостатокъ въ систематической, кратко сложенной и при томъ недорого стоющей Риторикѣ, содѣлаетъ чаятельно сію книжицу не неприятною для всѣхъ вообще. Краткое собраніе во едино той науки, которая по обширному пространству разсѣяна, хотя не имѣетъ достоинствъ подлинника, заключаетъ однакожъ въ себѣ ту выгоду, что оно къ употребленію полезно. Тѣ, кои стараясь приобрѣсти знанія, страшатся проходить большія сочиненія, употребятъ по крайней мѣрѣ малое время на познаніе науки съ удовольствіемъ и съ пользою. Тѣ, въ пользу коихъ наипаче сей опытъ сложенъ, будутъ ощущать особое удовольствіе отъ той краткости, которая въ ономъ заключается. Для юношей, кои упражняются въ познаніи начальныхъ основаній наукъ, и коихъ время и вниманіе должно быть занимаемо различными предметами, каждая отрасль

науки должна содѣлана быть толь кра̄ткою, сколь токмо возможно. Ибо чрезъ сїе ни вниманїе ихъ не изтощается, ни память не обременяется.

Всякъ долженъ признаться, что познанїе Риторики составляетъ весьма существенную часть воспитанїя каждаго благонравнаго юноши. По сему, всякое старанїе къ вящшему разпространенїю познанїя толь преполезной науки прилагаемое, коль бы слабо оно ни было, имѣетъ право на ту похвалу, которая заключается въ уваженїи всякаго благаго намѣренїя. Сїя же самая награда удовлетворитъ довольно и издателя; поелику одно то, что мы явили услугу другимъ, есть самое прїятнѣйшее средство удовлетворять самихъ себя.

СОДЕРЖАНІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Читай.*
II	23	или	кои
III	13	оныя	оныя,
19	15	подходитъ	подходитъ она
53	10	шатающейся	шатающійся
76	1	кожу	кору
—	7	послѣдніе	послѣднія
—	25	держатся	держаться
94	5	познаніе	знаніе
97	5	кои не	кои мы
105	21	родяся	родился
160	1	сличеніе	противуположеніе

п
с
н
м
п
с.
н
л
вѣ
н
к
сп
н
кл
сл
ла
д
сн
д
сп
хв
сл
во
ро

ВВЕДЕНІЕ.

КЪ ученію Риторики и словесныхъ наукъ потребны достаточныя свѣденія во всѣхъ свободныхъ наукахъ. Распространеніе познанія оныхъ, должно составлять первой предметъ старанія тѣхъ, кои желаютъ или писать красно или изъясняться во всякихъ случаяхъ такъ, чтобы возбуждать вниманіе. У древнихъ было существеннымъ правиломъ, что ораторъ долженъ быть свѣдущъ въ каждой части наукъ. Не возможно во истинну вообразить себѣ никакой такой науки, которая бы могла насъ убѣдить о достоинствѣ сочиненія въ разсужденіи обильности и ясности выраженій, когда оное заключаетъ въ себѣ простыя или ложныя мысли. Справедливо, что ораторія часто была обезобразуема различными покушеніями достоинство ея на ложныхъ признакахъ основать стремящимися. Писатели тщилися дополнять недостатокъ въ мысляхъ прияттствами слога, и домогались преходящей похвалы невѣждъ, вмѣсто долговременнаго прославленія свѣдущихъ людей. Но могущество таковаго заблужденія должно было скоро прекратиться и изчезнуть. Составъ и

самое существо каждаго хорошаго сочиненія, должно основываться на знаніяхъ и наукѣ. Риторика изправляетъ расположеніе таковаго состава, и придаетъ оному большую красоту; но одни токмо твердые и основательные составы способны къ воспріятію таковаго украшенія.

Ученые долгое время спорили и даже до сего дня оставили въ нерѣшимости слѣдующей вопросъ: Природа или наука способствуетъ наипаче къ изящности писанія и разговора? Пусть они разномыслятъ, помня токмо тѣ случаи, когда наука дѣйствительно большее можетъ доставить пособіе для таковаго намѣренія. Предосудительно бы было предполагать, что однѣ риторическія правила, коль бы оныя справедливы ни были, въ состояніи учинить кого ни есть ораторомъ. Частное упражненіе и раченіе, предполагая при томъ природное къ тому дарованіе, безъ сумнѣнія превосходятъ всякую систему всеобщаго наставленія. Но хотя правила и наставленія не могутъ вмѣщать въ себѣ всего того, что потребно; однакожъ онѣ могутъ доставить намъ великую пользу и выгоду. Ежели оныя не въ силахъ вдохнуть въ насъ остроуміе, то по крайней мѣрѣ могутъ дать уму

нашему надлежащее направленiе и подкрѣпить оной. Ежели онѣ не въ состоянiи изъ неплодiя въ мысляхъ, сдѣлать плодовитость, то по крайней мѣрѣ могутъ расположить порядочно обилiе оныхъ. Онѣ открываютъ намъ истинные образцы подражанiя, показуютъ превосходнѣйшiя красоты, коихъ достигать мы должны, и главнѣйшiя погрѣшности, коихъ избѣгать намъ надобно; а по сему и стремятся къ просвѣщенiю вкуса, къ отвлеченiю ума нашего отъ всѣхъ неестественныхъ путей и къ направленiю онаго по надлежащему теченiю. Хотя оныя можетъ быть, не въ состоянiи произвесть отмѣнныхъ превосходствъ; однакожъ могутъ служить къ предохраненiю насъ отъ великихъ погрѣшностей.

При воспитанiи юношей всякаго возраста, ничто благоразумные люди толь не уважали, какъ то, чтобы внушить въ оныхъ заблаговременно удовольствiе къ прiятностямъ вкуса: ибо съ симъ самымъ, поступъ къ исполненiю знатнѣйшихъ и важнѣйшихъ житейскихъ должностей, соединенъ естественнымъ и удобнымъ образомъ. Въ разсужденiи таковыхъ душъ, кои имѣютъ сiе прекрасное и благородное качество, можно имѣть самую

пріятнѣйшую надежду; такъ какъ на противъ того, совершенное безчувствіе къ краснорѣчію, стихотворству или другой какой ни есть словесной наукѣ, должно почитать за признакъ юношей ничего необѣщающихъ; оно предполагаетъ, что они склонны къ низкимъ удовольствіямъ, или способны токмо вести самой обыкновеннѣйшей и неблагороднѣйшей родъ жизни.

Усовершенствованіе вкуса, кажется, соединено болѣе или менѣе со всякимъ добрымъ и благороднымъ расположеніемъ. Отъ частаго упражненія во всѣхъ нѣжныхъ и пріятныхъ страстяхъ изощренной вкусъ возвеличиваетъ чувствительность; но притомъ и стремится возбудить гораздо сильнѣйшія и жесточайшія движенія.

Jngenuas didiciſſe fideliter artes,
Emollit mores, nec ſinit eſſe feros.

То есть, правое познаніе наукъ, смягчаетъ нравы, и отвлекаетъ ихъ отъ звѣрства.

Стихотворство, краснорѣчіе и исторія безпрестанно представляютъ очамъ нашимъ толь высокія мысли и толь великіе примѣры, кои стремятся питать въ сердцахъ нашихъ, приверженность къ общему благу, любовь къ славѣ и уваженіе всего того, что истинно велико, благородно и преславно.

О ВКУСѢ.

Вкусъ есть способность ощущать удовольствіе отъ красотъ, и отвращеніе отъ безобразностей природы и искуства. Всѣ люди вообще имѣютъ въ нѣкоторой степени таковую способность. Во всей человѣческой природѣ, ничто толь не обыкновенно, какъ ощущеніе удовольствія отъ того или другаго рода красоты, во всемъ томъ, что порядочно, соразмѣрно, велико, согласно, ново или увеселительно. Въ робятахъ оказываются начала вкуса весьма рано въ премногихъ случаяхъ; въ ихъ пристрастіи къ правильнымъ тѣламъ, въ чрезмѣрномъ удовольствіи, которое они отъ картинъ и статуевъ ощущаютъ и въ ихъ сильной привязанности ко всему тому, что ново или удивительно. Самые грубые сельскіе жители ощущаютъ удовольствіе отъ сказокъ и простыхъ пѣсенъ, и увеселяются прекрасными видами природы, какъ на земли такъ и на небѣ встрѣчающимися. Даже и въ дикихъ Американскихъ степяхъ, гдѣ человѣческая природа, кажется, находится въ самомъ грубѣйшемъ состояніи, дикіе народы имѣютъ

свои украшенія въ одѣяніи, свои орудія, свои надгробныя пѣсни, свои народныя рѣчи и своихъ ораторовъ. По сему основанія вкуса, должны быть глубоко начертаны въ душѣ человѣка. Умѣть нѣсколько различать красоту, не менѣе свойственно человѣку, какъ и имѣть даръ говорить и разсуждать.

Хотя ни единъ человѣкъ не можетъ быть совершенно лишенъ сея способности; однакожъ всякъ имѣетъ оную въ весьма различной степени. Въ нѣкоторыхъ людяхъ усматриваются однѣ токмо слабыя искры вкуса; красоты, въ коихъ они обрѣтаютъ удовольствіе, суть токмо грубаго рода; и сіи дѣйствуютъ на нихъ слабо и непорядочно; между тѣмъ, когда въ другихъ вкусъ возрастаетъ до острой способности различать самыя нѣжнѣйшія красоты, и до живѣйшей чувствительности къ онымъ.

Сіе различіе вкуса между людьми происходитъ безъ сумнѣнія, нѣкоимъ образомъ, отъ различнаго расположенія ихъ свойствъ, отъ тонкости ихъ чувствъ, и отъ большей нѣжности внутреннихъ способностей, коею иные болѣе другихъ одарены; но наипаче произходитъ оно отъ образованія и воспи-

шанія. Вкусъ есть одна изъ тѣхъ природу нашу украшающихъ способностей, коя наиболѣе усовершенствована быть можетъ. Мы легко увѣримся о истиннѣ сего утвержденія, ежели токмо разсудимъ то неизрѣченное преимущество, которое воспитаніе и исправленіе просвѣщенному народу предъ закоснѣлыми въ невѣжествѣ, въ разсужденіи совершенства вкуса доставляютъ, и купно вообразимъ себѣ ту выгоду, которую отъ нихъ, въ одномъ и томъ же самомъ народѣ, приобрѣтаютъ тѣ, кои болѣе упражнялись въ свободныхъ наукахъ, нежели простой и непросвѣщенный народъ.

Умъ и хорошій смыслъ имѣютъ толь обширное вліяніе на всѣ дѣйствія и опредѣленія вкуса, что совершенно хорошій вкусъ можно почесть за способность состоящую изъ врожденной чувствительности къ красотѣ и изъ изощреннаго ума. Дабы въ семъ удостовѣриться, должны мы разсудить, что большая часть произведеній ума, ни что иное есть, какъ подражанія природѣ, изображенія свойствъ, дѣяній или поступокъ людскихъ. Удовольствіе, которое мы ощущаемъ отъ таковыхъ подражаній или изображеній, основывается един-

ственно на собственномъ нашемъ вкусѣ; но судить объ оныхъ, точно ли оныя совершены, предоставляется уму, которой сравниваетъ всякое подражанïе съ подлинникомъ.

Читая, на примѣръ, Виргилïеву Енеиду, большая часть ощущаемаго нами удовольствïя произтекаетъ отъ того, что расположенïе или повѣсть хорошо составлена и всѣ части соединены между собою вѣроятностïю и такъ, какъ требуетъ того связь; что свойства взяты изъ природы; что родъ мыслей сообразенъ со свойствами, а слогъ съ самыми мыслями. Удовольствïе произтекающее отъ поемы такимъ образомъ расположенной, ощущаетъ вкусъ, такъ какъ нѣкоторое внутренное чувство; что же принадлежитъ до обрѣтенïя сего расположенïя въ поемѣ, то сïе должно приписывать уму; и чемъ болѣе умъ способствуетъ намъ находить таковыя свойства въ расположенïи, тѣмъ болѣе будетъ ощущаемое нами удовольствïе.

Свойства вкуса, въ самое совершеннѣйшее состоянïе приведеннаго, могутъ заключаться въ слѣдующихъ двухъ: а именно, въ нѣжности и правильности.

Нѣжность вкуса состоитъ наипаче въ совершенствѣ тоя врожденной чувствительности, на которой вкусъ основывается. Она употребляетъ толь нѣжныя орудїя, которыя дѣлаютъ насъ способными находить сокровенныя отъ простаго ока красоты. Объ оной судимъ мы по тѣмъ же самымъ признакамъ, по которымъ мы обыкновенно разсматриваемъ нѣжность всякаго внѣшняго чувства. Поелику мы о добротѣ внѣшняго вкуса не по силѣ приятностей онаго судимъ, но по смѣси частей, изъ коихъ каждую, не смотря на ихъ смѣшенїе, можемъ мы еще чувствовать; то равнымъ образомъ познаемъ мы нѣжность внутреннаго вкуса, по острой и нѣжной чувствительности ко всѣмъ самымъ нѣжнѣйшимъ, многосложнѣйшимъ и сокровеннѣйшимъ онаго предметамъ.

Правильность вкуса заключается въ томъ усовершенствованїи, которое сїя способность посредствомъ связи своея съ разсудкомъ приобрѣтаетъ. Человѣкъ правильнаго вкуса есть тотъ, которой никогда не обманывается въ ложныхъ красотахъ, и въ коего душѣ обрѣтается всегда тотъ образецъ хорошаго смысла, которой онъ употребляетъ, когда судитъ о какой нибудь вещи. Онъ

измѣряетъ надлежащимъ образомъ относительное достоинство различныхъ красотъ, въ какомъ нибудь произведенiи ума имъ обрѣтаемыхъ; относитъ оныя къ собственному ихъ роду; назначаетъ всѣ возможныя правила, по коимъ должно выводить силу приятности, и ощущаетъ приятность, точно въ той степени, въ которой надлежитъ, а не большую.

Вкусъ точно не есть какая ни будь произвольная способность, которая бы отъ силы воображенiя каждаго человѣка зависѣла, и не дозволяла бы опредѣлить признаки всему тому, что ложно и что справедливо. Основанiе онаго есть одинаково въ душѣ каждаго человѣка; ибо оно сооружено на мнѣнiяхъ и понятiяхъ отъ природы нашей нераздѣльныхъ, кои вообще съ тою же самою равномѣрностiю дѣйствуютъ, какъ и прочiя наши умственныя способности. Ежели сiи мнѣнiя изпровержены невѣденiемъ и предразсужденiемъ, то могутъ оныя быть возстановлены разсудкомъ. Невредимое и естественное ихъ состоянiе съ точностiю опредѣляется чрезъ сравненiе оныхъ съ общимъ вкусомъ всѣхъ людей. Утверждай кто хочетъ, произвольность и неизвѣстность вкуса; опытами най-

дено, что находятся такія красоты, которыя, ежели оныя не нравятся въ собственномъ видѣ, могутъ однакожъ возбудить общее и долговременное удивленіе. Во всякомъ сочиненіи, все то, что плѣняетъ воображеніе и дѣйствуетъ надъ сердцемъ, приятно всякому возрасту и всякому народу. Оно уподобляется нѣкоторой струнѣ, съ которою, ежели она токмо будетъ надлежащимъ образомъ натянута, человѣческое сердце по расположенію своему согласуется.

Отъ сего произходитъ то общее уваженіе, которое самые непросвѣщеннѣйшіе народы на земли, уже нѣсколько лѣтъ совокупно изъявляютъ къ нѣкоторымъ токмо твореніямъ ума; какъ то на прим: къ Иліадѣ Гомеровой и къ Енеидѣ Виргиліевой. Отъ сего произтекаетъ та важность, которую таковыя творенія, такъ какъ нѣкоторые образцы стихотворческихъ сочиненій, приобрѣли; поелику онѣ содѣлали насъ способными изслѣдовать, каковъ есть смыслъ людей въ разсужденіи тѣхъ красотъ, или доставляютъ имъ самое высочайшее удовольствіе, и кои по сему должны быть въ поезіи употребляемы. Слѣпое уваженіе или предразсужденіе могутъ, когда ни будь и гдѣ ни будь доставить скоро преходящую

славу какому ни есть простому стихотворцу или мало смыслящему художнику; но когда иноземцы или потомки начнутъ изслѣдовать его творенія, то погрѣшности онаго откроются, и прямой вкусъ человѣческой природы усмотрится. Время опровергаетъ ослѣпляющія мечтанія, и утверждаетъ опредѣленія природы.

Критика, дарованіе, приятности вкуса, высокость въ предметахъ.

Истинная критика есть приложеніе вкуса и хорошаго смысла къ различнымъ изящнымъ наукамъ. Намѣреніе оныя состоитъ въ томъ, чтобы отличать въ каждомъ произведеніи все то, что имѣетъ красоту, отъ того, что исполнено погрѣшностей; отъ частныхъ примѣровъ доходить до общихъ правилъ, и такимъ образомъ выводить на конецъ правила или заключенія касательно различныхъ родовъ красоты въ твореніяхъ ума обрѣтаемыхъ.

Критика есть такая наука, которая совершенно основывается на испытаніяхъ и на замѣчаніяхъ такихъ красотъ, кои по большой части людямъ нравятся. На примѣръ Аристотелевы правила въ разсужденіи одина-

кости дѣйствія въ драмматическихъ и эпическихъ сочиненіяхъ, не были сперьва обрѣтены посредствомъ логическихъ разсужденій, а потомъ приложены къ стихотворству; но выведены были чрезъ упражненіе въ Гомеровыхъ и Софокловыхъ твореніяхъ. Онѣ найдены тогда, когда стало быть примѣчено, что та приятность, которую мы обрѣтаемъ въ повѣсти какого ни есть одного и полнаго дѣянія, превосходитъ ту, которую мы ощущаемъ отъ повѣствованія разсѣянныхъ и несвязныхъ дѣлъ.

Человѣкъ превосходнаго дарованія въ самомъ дѣлѣ могъ бы самъ собою, безъ всякаго наставленія, совершить такое сочиненіе, которое бы, судя по самымъ важнѣйшимъ правиламъ критики, было приятно; ибо, поелику сіи правила основаніе свое имѣютъ во природѣ, то и могутъ оныя при упражненіи всегда изъ оной быть почерпаемы. Гомеръ, точно кажется, не вѣдалъ никакой системы Поэзіи. Руководствуемъ однимъ токмо своимъ дарованіемъ преложилъ онъ на стихи порядочную повѣсть, которой всѣ грядущія времена дивились. Однакожъ сіе не есть доказательство противу пользы критики; ибо, поелику никакое человѣческое дарованіе не есть совершенно, то

нѣтъ такого писателя, которой бы не могъ получить пособія отъ критическихъ замѣчаній красотъ и недостатковъ его предшественниковъ. Никакія правила, въ самомъ дѣлѣ, не могутъ замѣнить недостатокъ въ дарованіи, или вдохнуть оное, когда его совсемъ недостаетъ; но онѣ могутъ часто направить оное на надлежащій путь, изправить его заблужденія, и научить, коимъ образомъ должны мы употреблять оное къ справедливому и точному подражанію природѣ. Критическія правила служатъ наипаче къ тому, дабы открывать намъ тѣ погрѣшности, коихъ избѣгать намъ надлежитъ. Мы должны быть обязаны природѣ за произведеніе превосходныхъ красотъ.

Дарованіе есть такое слово, которое въ обыкновенномъ знаменованіи, болѣе въ себѣ вмѣщаетъ, нежели предметы вкуса. Оно означаетъ тотъ даръ или ту способность, которую мы отъ природы получаемъ, дабы превознести себя въ томъ или другомъ чемъ ни будь. Мы говоримъ о комъ ни будь, что онъ имѣетъ дарованіе къ Маѳематикѣ, также что онъ имѣетъ дарованіе къ стихотворству, къ воинскимъ, политическимъ или какимъ ни есть механическимъ упражненіямъ.

Дарованіе можетъ быть весьма усовершено наукою и раченіемъ; но ими одними не можетъ оно никогда быть пріобрѣтено. Поелику оно есть способность превосходящая вкусъ, то и ограничено гораздо болѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, согласно съ общею бережливостію природы. Не рѣдко обрѣтаются такія особы, кои имѣютъ превосходный вкусъ въ различныхъ изящныхъ наукахъ; какъ то: въ музыкѣ, поезіи, живописи и краснорѣчіи; но превосходныя произведенія во всѣхъ сихъ наукахъ одного и того же самаго человѣка, весьма рѣдко находятся; а болѣе обрѣтаются такія, коихъ невозможно превосходными почесть. Человѣкъ общаго дарованія, или такой, которой одинаково и равнодушно склоненъ ко многимъ различнымъ упражненіямъ и наукамъ, нескоро превознесетъ себя въ одной которой ни есть изъ оныхъ. Хотя и могутъ сему быть нѣкоторыя изъятія, однакожъ вообще справедливо, что ежели склонность ума стремится совершенно къ какому ни есть одному предмету, то въ такомъ случаѣ можемъ мы имѣть прекраснѣйшій видъ въ разсужденіи того превосходства, котораго таковой умъ въ предметѣ своемъ

достигнетъ. Чрезвычайная теплота можетъ быть произведена тогда, когда лучи въ единую токмо точку сойдутся. Молодые люди должны весьма замѣчать сіе примѣчаніе; поелику оно научитъ ихъ изыскивать со тщаніемъ ту стезю, которую природа назначила для частныхъ ихъ упражненій, и слѣдовать по оной съ ревніемъ.

Изъяснивъ такимъ образомъ свойства вкуса, свойства и важность критики, и различіе между вкусомъ и дарованіемъ, разсмотримъ теперь источники пріятностей вкуса. Здѣсь открывается намъ обширнѣйшее поле; а именно, не менѣе какъ всѣ пріятности воображенія, такъ какъ оныя обыкновенно имянуются, хотя бы почерпаемы были изъ самыхъ естественныхъ предмѣтовъ, или изъ подражаній и описаній оныхъ. Однакожъ не нужно для предмета сего сочиненія, всѣ оныя изслѣдовать подробно; поелику пріятность, которую мы ощущаемъ отъ разговоровъ или сочиненій, есть главнѣйшій онаго предметъ. Намѣреніе наше состоитъ въ томъ, чтобы дать нѣкоторыя понятія о пріятностяхъ вкуса вообще, и заниматься наипаче высокостію и красотою.

Но мы не имѣемъ еще доселѣ никакой порядочной системы въ разсужденіи сего предмета. Порядочное изслѣдованіе онаго предпринято было во первыхъ г. Аддисономъ, въ опытѣ его о пріятностяхъ воображенія. Онъ раздѣлилъ сіи пріятности на три статьи, на красоту, величество и новость. Умствованія его въ отношеніи къ сему предмету, хотя не суть отмѣнно глубоки, однакожъ пріятны и увеселительны; и мы должны приписать ему въ достоинство, что онъ показалъ намъ путь, которой до него не былъ извѣстенъ. Учиненные съ сего времени поступы, въ сей части философской критики, не суть большой важности; что самое, безъ сумнѣнія, происходитъ отъ той тонкости и нѣжности, кои оказались свойствами всѣхъ чувствованій вкуса. Трудное дѣло изчислить всѣ тѣ различные предметы, кои вкусу пріятность доставляютъ; но еще сего труднѣе опредѣлить всѣ тѣ, кои уже найдены, и расположить оные по надлежащему порядку; и ежели мы захотимъ поступить далѣе, и изслѣдовать причины производящія ощущаемую нами отъ таковыхъ предметовъ пріятность, то мы найдемъ себя въ разсужденіи сего весьма недостаточными. На при-

мѣръ: мы всѣ познаемъ изъ опытовъ, что нѣкоторые виды тѣлъ кажутся намъ пріятнѣе другихъ; поступая же въ изысканіяхъ нашихъ далѣе, находимъ мы, что правильность нѣкоторыхъ видовъ, и пріятная разнообразность другихъ, суть основанія той красоты, которую мы въ нихъ обрѣтаемъ. Но ежели мы понудимъ себя учинить еще поступъ, и изслѣдовать, по какой причинѣ правильность и разнообразность производятъ въ душахъ нашихъ чувствованіе красоты, то всякой толкъ, какой бы мы сему ни дали, былъ бы чрезвычайно несовершенъ. Кажется, что природа съ намѣреніемъ сокрыла отъ насъ первѣйшія причины внутренняго чувствованія.

Но для насъ утѣшительно нѣсколько то, что хотя дѣйствующая причина таковыхъ чувствованій совершенно отъ насъ сокрыта; однакожъ конечная обыкновенно болѣе бываетъ намъ видна; при семъ должны мы устремить вниманіе наше на то сильное впечатлѣніе благоизволенія Творца нашего, которое сила вкуса и воображенія намъ доставить стремятся. Таковыми дяніями обширно разпрозстранилъ онъ кругъ пріятностей человѣческой жизни, а наипаче пріятностей чистѣйшаго и непорочнѣйшаго рода. Для нуж-

нѣйшихъ намѣренiй жизни нашея довольно бы было, ежели бы мы, къ различенiю внѣшнихъ предметовъ, употребляли однѣ токмо чувства зрѣнiя и слышанiя, не получа въ даръ ни единаго изъ тѣхъ превосходныхъ и нѣжныхъ чувствъ красоты и великости, посредствомъ коихъ мы нынѣ толь великiя ощущаемъ удовольствiя.

Прiятность происходящая отъ высокости или великости заслуживаетъ наипаче быть подробно разсмотрена; поелику признакъ оныя съ большею точностiю и ясностiю означенъ, нежели признакъ всѣхъ другихъ прiятностей воображенiя; а по сему и подходитъ паче всѣхъ другихъ къ главнѣйшему нашему предмету. Самой простѣйшiй образъ наружной великости, усматриваемъ мы въ обширныхъ и безпредѣльныхъ видахъ природою намъ представляемыхъ; каковы суть, обширно разпростертыя ровнины, предѣлы коихъ никакое око назначить не можетъ, небесная твердь или безпредѣльная обширность океана. Всѣ обширности раждаютъ идею высокости. Однакожъ пространства въ длину разпростершыя не производятъ толь сильнаго впечатлѣнiя, какъ тѣ, кои простираются болѣе въ

вышину или во глубину. Хотя безпредѣльная ровнина есть предметъ великой; однакожъ еще большïе суть высокая гора, на которую мы возводимъ взоръ нашъ, или ужасная пропасть или башня, съ которой мы взоръ нашъ на стоящïе въ низу предметы устремляемъ. Чрезмѣрная высокость тверди происходитъ какъ отъ вышины, такъ и отъ безпредѣльнаго оныя пространства; и великость Океана зависитъ не отъ единыя онаго обширности, но также и отъ безпрестаннаго движенïя и непреодолимаго стремленïя водъ онаго. Какое бы пространство мы ни взяли, то очевидно, что обширность или величина котораго ни есть протяженïя, нераздѣльна отъ его великости. Отними предѣлы у какого ни есть предмета, и ты содѣлаешь его непосредственно высокимъ. По сему безконечное пространство, безконечныя числа и безконечныя продолженïя раждаютъ въ душѣ нашей великïя идеи.

Кажется, что самой обильнѣйшïй источникъ высокихъ идей, должно производить отъ дѣйствïя какой ни есть власти и силы. Отъ сего произходитъ величïе землетрясенïй и огнедышущихъ горъ, великихъ пожаровъ, свирѣпствующаго Океана, вели-

кихъ бурь, молнiи и грома, и всякаго чрезвычайнаго насилiя стихiй. Кротко текущая въ берегахъ своихъ рѣка, есть предметъ красивой; но когда оная низвергается со стремленiемъ и съ шумомъ подобно ручью, тогда изъявляетъ она предметъ высокой. На хорошаго коня смотримъ мы съ удовольствiемъ; но рыцарской конь, коего выя брящающею збруею украшена, подаетъ о себѣ величественную идею. Бой между двумя мощными войсками, поелику въ ономъ человѣческая сила изъявляется въ самомъ высочайшемъ степени, представляетъ намъ разнообразные источники высокости; а по сему и былъ оной всегда почитаемъ за одно изъ самыхъ разительнѣйшихъ и великолѣпнѣйшихъ позорищъ, кои токмо оку представить, или воображенiю въ описанiи предложить возможно.

Всѣ печальныя, почтительныя и даже страшныя идеи, какъ то, мрачность, уединенiе и тишина, весьма способствуютъ къ возвеличенiю высокости. Твердь украшенная звѣздами, разсѣянными въ толь безчисленномъ множествѣ и съ толикимъ пышнымъ обилiемъ, плѣняетъ воображенiе гораздо почтительнѣйшимъ величiемъ, нежели когда

мы на оную, свѣтомъ солнца озаренную, взираемъ. Низкой звукъ огромнаго колокола, или біеніе огромныхъ часовъ, есть нѣчто и великое и почтительное; но когда оныя среди ночнаго безмолвія слышимы бываютъ, тогда производятъ они сугубое впечатлѣніе. Мрачность весьма обыкновенно употребляется къ содѣланію всѣхъ нашихъ идей о Божествѣ великими. „Оно избираетъ мракъ „своимъ закровомъ; оно обитаетъ въ густыхъ „облакахъ. Такимъ образомъ Мильтонъ. —

—— —— —— Не рѣдко посреди
Густыхъ и мрачныхъ тучь померклаго Эѳира
Свой зиждетъ славы тронъ Господь Владыка міра:
Священнымъ мракомъ онъ обводитъ свой Престолъ.

При томъ должно также замѣтить, что и темнота способствуетъ къ величію. Описанія данныя намъ о видахъ сверъхъестественныхъ существъ заключаютъ въ себѣ нѣкоторую высокость, хотя понятія, кои оныя намъ доставляютъ, темны и неявственны. Высокость оныхъ произходитъ отъ тѣхъ съ нѣкоторою неявственностію сопряженныхъ идей, кои они намъ о вышшемъ могуществѣ и власти доставляютъ. Никакія идеи, очевидно, столь не высоки, какъ тѣ, кои мы о вышшемъ существѣ, о

самомъ неизвѣстнѣйшемъ, но самомъ большемъ изъ всѣхъ предметовъ получаемъ; безконечность его, вѣчность его бытїя, купно со всемогуществомъ его власти, хотя и превосходятъ всѣ наши понятїя, однакожъ возвышаютъ оныя въ самомъ высочайшемъ степени.

Равно и безпорядокъ весьма приличествуетъ величїю, поелику сїе онымъ весьма часто возвышается. Не многїя вещи, кои точно правильны и порядочны, кажутся высокими. Мы обрѣтаемъ всюду предѣлы, видимъ себя ограниченными, и не находимъ довольнаго пространства для важнаго какого ни есть упражненїя души нашея. Хотя точная соразмѣрность въ частяхъ придаетъ часто красоту; однакожъ въ высокости оная весьма мало уважается. Чрезвычайное множество каменныхъ утесовъ, рукою природы съ нѣкоторою дикостїю и безпорядкомъ другъ на друга намѣшанныхъ, наполняютъ мысль большимъ величїемъ, нежели когда бы оныя были соединены съ самою точною соразмѣрностїю.

Еще остается намъ упомянуть объ одномъ родѣ высокихъ предметовъ, которые могутъ быть названы нравственно или мысленно высокими; поелику оные раждаются

отъ нѣкосго душевнаго упражненія, отъ извѣстныхъ нѣкоторыхъ страстей и дѣяній нашихъ ближнихъ. Найдено, что оные наипаче принадлежатъ къ тому роду, которой намъ извѣстенъ подъ именемъ великодушія или геройства; и производятъ подобное дѣйствіе тому, которое видъ великихъ предметовъ въ природѣ раждаетъ, наполняя душу удивленія и возвышая оную превыше себя. Всегда, когда мы зримъ человѣка, которой, находясь въ нещастномъ и опасномъ положеніи, чрезвычайно бодрствуетъ, уповаетъ единственно на самаго себя, попираетъ страсть и боязнь и побуждается нѣкоею великою мыслію къ презрѣнію людскаго мнѣнія, собственной своей корысти, напастей или самой смерти, плѣняемся мы въ такомъ случаѣ чувствіемъ высокости. Такимъ образомъ Поръ, будучи по славной оборонѣ полоненъ Александромъ, и вопрошаемъ, коимъ образомъ желалъ бы онъ, чтобы съ нимъ было поступаемо? отвѣтствуя, „такъ какъ съ Государемъ; и Кесарь, изъявляя тако негодованіе къ кормчему отплыть съ нимъ во время бури страшившемуся, „Чего страшишься? везешь „бо Кесаря;„ представляютъ хорошіе примѣры мысленной высокости.

Высокость въ естественныхъ и нравственныхъ предметахъ, представляетъ намъ въ нѣкоторомъ видѣ, и сравниваетъ оныя г. Екензидъ въ слѣдующемъ мѣстѣ творенія своего о пріятностяхъ воображенія:

Взгляни по томъ на всю кругомъ тебя природу,
На солнце, на міры, на всѣ шары блестящи,
Что стройно толь текутъ въ назначенномъ пути;
Взгляни ты, и по томъ вѣщай, о смертный! мнѣ,
Ты можешь ли сравнить едину половину
Въ природѣ зрѣлища сего великолѣпна,
Съ той славой, съ коей Брутъ, тѣмъ блескомъ раздраженъ,
Которымъ толь блисталъ санъ Кесарской, возсталъ
Между защитниковъ отечества толпою,
И руку къ верьху вздѣвъ Юпитеру подобно,
Когда онъ мещетъ громъ отъ высоты небесъ,
Звалъ громко Туллія по имени къ себѣ,
И потрясая мечь съ величествомъ багровый
Отечества отца велѣлъ представъ поздравить;
Велѣлъ; и се! тираннъ низверженный упалъ;
Римъ узы вдругъ свои позорны разорвалъ.

Нѣкто изъ остроумнѣйшихъ писателей чаялъ, что ужасъ есть источникъ всего высокаго, и что не иные какіе предметы имѣютъ сіе свойство, какъ токмо тѣ, кои производятъ впечатлѣніе смятенія и опасенія Нѣкоторые страшные предметы истинно весьма высоки; и величіе никогда не от-

вергаетъ союза съ идеею опасенія. Но высокость не состоитъ совершенно въ однихъ токмо измѣненіяхъ опасенія или смятенія. Въ нѣкоторыхъ великихъ предметахъ, нѣтъ ничего такого, чтобы сходствовало съ ужасомъ; какъ то въ великолѣпныхъ видахъ обширно разпростертыхъ ровнинъ, и звѣздами изпещренной тверди; или въ нравственныхъ разположеніяхъ, на кои мы взираемъ съ толикимъ удивленіемъ; такъ какъ и въ нѣкоторыхъ отвратительныхъ и страшныхъ предметахъ, очевидно, нѣтъ никакого величія. Отсѣченіе какого ни есть члена, или уязвленіе отъ змѣи, суть въ самомъ высочайшемъ степени страшны; но не имѣютъ ничего такого, по чему бы можно было имъ приписать высокость. Должно, кажется, признаться, что великая сила или могущество, хотя бы оное сопровождалось страхомъ или нѣтъ, хотя бы было употреблено къ защищенію или ополченію насъ, имѣетъ большее право, нежели которая ни будь изъ упомянутыхъ вещей, быть первоначальнымъ свойствомъ высокости. Изъ сего явствуетъ, что тотъ предметъ не есть высокъ, въ идею коего, могущество, мощность и сила, или не входятъ прямо, или по крайней мѣрѣ не столь тѣ-

сно съ оною соединены, дабы могли возбудить въ мысляхъ нашихъ удивительное могущество, такъ какъ того произведеніе всякаго высокаго предмета требуетъ.

Высокость въ писаніи.

Основаніе высокости въ сочиненіи, должно всегда полагать въ свойствахъ описываемаго предмета; изключая токмо тотъ случай, когда оной предметъ будетъ такого свойства, что будучи представленъ очамъ нашимъ и предложенъ намъ въ существенности, возбудитъ онъ идеи того возвышеннаго, почтеннаго и великолѣпнаго рода, которой мы имянуемъ высокимъ; а самое описаніе, хотя и хорошо сложено, не можетъ еще однакожъ быть причислено къ сему роду. Сіе изключаетъ всѣ предметы, которые суть токмо прекрасны, приятны и увеселительны. Притомъ, долженъ предметъ не токмо быть самъ по себѣ высокъ, но и представленъ такъ, чтобы мы могли получить объ ономъ ясное и полное понятіе; онъ долженъ быть описываемъ съ удареніемъ, краткостію и простотою. Сіе наипаче зависитъ отъ живности того понятія, которое стихотворецъ или ораторъ о томъ предметѣ имѣетъ, о которомъ онъ

предлагаетъ, и отъ сильнаго впечатлѣнія тою высокою идеею произведеннаго, которую онъ возбудить желаетъ. Ежели собственное его чувствованіе вяло, то онъ никогда не возможетъ произвесть въ читателяхъ своихъ какое ни есть сильное движеніе. Примѣры, которые для сего предмета чрезвычайно нужны, ясно докажутъ важность таковыхъ требованій, о коихъ мы теперь упомянули.

Наипаче у древнихъ писателей должны мы искать самыхъ разительнѣйшихъ примѣровъ высокости. Кажется, что раннія времена свѣта, и грубое непросвѣщенное состояніе обществъ, наипаче благоприятствовали высокости. Человѣческой умъ былъ тогда весьма наклоненъ къ удивленію и къ изумленію. Обрѣтая безпрестанно новые и странные предметы, воображеніе ихъ сохранялось въ пылкости, и страсти ихъ возходили часто до крайности. Они мыслили и изъяснялись вольно и безъ всякаго принужденія. Съ успѣхами усовершенствованія обществъ людской умъ и разположеніе претерпѣли перемѣну, которая болѣе преклоняетъ ихъ къ точности, нежели къ силѣ и высокости.

Изъ всѣхъ твореній, какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ писателей, священное писаніе представляетъ намъ самые разительнѣйшіе примѣры высокости. Обрѣтающіяся въ оныхъ описанія вышшаго существа, суть удивительно великолѣпны, какъ величіемъ своего предмета, такъ и искуствомъ въ изображеніи онаго. Коликое собраніе почтительныхъ и высокихъ идей представляетъ намъ то мѣсто седьмаго надесять псалма, въ которомъ описывается видъ Божества? „Внегда скорбѣти ми, при„звахъ Господа, и къ Богу моему возвахъ; услы„ша отъ храма святаго своего гласъ мой, и „вопль мой предъ нимъ внидетъ во уши его. И „подвижеся и трепетна бысть земля и осно„ванія горъ смятошася и подвигошася, яко „прогнѣвася на ня Богъ. Взыде дымъ гнѣ„вомъ его, и огнь отъ лица его воспламенит„ся, угліе возгорѣся отъ него. И преклони „небеса и сниде и мракъ подъ ногама его. „И взыде на херувимы и летѣ, летѣ на „крилу вѣтреню. И положи тьму закровъ „свой, окрестъ его селеніе его, темна во„да во облацѣхъ воздушныхъ.„ Тьма и ужасъ употреблены здѣсь пристойно и щастливо, дабы возвеличить высокость.

Знаменитой примѣрѣ взятой Лонгиномъ изъ Моисея „рече Господь, да будетъ свѣтъ; „и бысть свѣтъ„ принадлежитъ также къ истинно высокому, и высокость его произтекаетъ отъ сильнаго того понятія, которое оной намъ доставляетъ, о силѣ могущества производящаго дѣйствіе свое съ крайнею скоростію и легкостію. Подобная мысль великолѣпно выражена въ слѣдующемъ мѣстѣ Исаіи „(гл. 44. ст. 24,27,28.) Сице глаголетъ Господь „избавляяй тя, и создавый тя отъ чрева: азъ „Господь совершаяй вся, распрострохъ небо „единъ, и утвердихъ землю. Глаголяй без„днѣ, опустѣеши, и рѣки твоя изсушу. Глаго„ляй Киру смыслити, и вся воли моя сотво„ритъ; глаголяй Іерусалиму, возградишися, „и храмъ святый мой осную.

Во всѣ времена обще дивились Гомеру въ разсужденіи его высокости; онъ обязанъ величіемъ своимъ по большей части той природной и непринужденной простотѣ, которая составляетъ общій признакъ его рода писанія. Описанія его сражающихся войскъ, духъ бодрости, огнь, стремленіе, кои онъ въ бой ихъ бросаетъ, представляютъ каждому читателю Иліады частые примѣры высокаго писанія. Величіе военныхъ его дѣйствій час-

то возвышается въ высочайшемъ степени тѣмъ, что онъ вводитъ въ оныя боговъ. Въ двадесятой книгѣ, гдѣ всѣ сіи вышшія существа приемлютъ участіе въ бою, поелику одни изъ оныхъ особо покровительствовали Грекамъ, а другіе Троянамъ, кажется, употребилъ стихотворецъ самое высочайшее напряженіе; и описаніе возносится до самаго почтительнѣйшаго великолѣпія. Вся природа кажется быть въ смятеніи; Юпитеръ гремитъ сквозь облака; Нептунъ ударяетъ по землѣ своимъ трезубцомъ; суда, города и горы потрясаются, земля колеблется; Нептунъ оставляетъ свой престолъ, боясь дабы тайная адскихъ странъ не явились на конецъ предъ очами смертныхъ.

Краткость и простота всегда найлутся необходимыми для высокаго писанія. Простота противополагается собственно излишно обильному украшенію, а краткость излишнему выраженію. Легко усмотрѣть можно, по чему недостатокъ какъ въ краткости такъ и въ простотѣ наипаче вреденъ высокости. Движеніе возбужденное въ душѣ, какимъ ни есть великимъ или великолѣпнымъ предметомъ, возноситъ оную превыше обыкновенной ея высоты. Раждается нѣкоторой

родѣ восторга, которой дотолѣ чрезвычайно пріятенъ, доколѣ оной продолжается; но отъ онаго стремится душа ежеминутно притти опять въ обыкновенное свое состояніе. По сему ежели писатель привелъ, или тщится привести насъ въ сіе состояніе; но ежели онъ безъ нужды умножаетъ слова, ежели покрываетъ высокой предметъ отвсюду блестящими украшеніями; ежели онъ помѣщаетъ какое ни есть украшеніе, которое хотя въ самомъ малѣйшемъ ниже главнаго вида; то въ туже минуту перемѣняетъ онъ ключь, ослабляетъ напряженіе духа, и сила чувствія изтощается; хотя и остается красота, однакожъ высокости уже болѣе нѣтъ. — Гомерову описанію Юпитерова помаванія главою, отъ коего потряслись небеса, дивились во всѣ времена, такъ какъ чему ни есть чрезвычайно высокому. Ежели оное преложить отъ слова до слова, то будетъ оно течь тако: „Онъ „рекъ, и нахмуривъ черныя свои брови, кив„нулъ съ важностію своею главою; между „тѣмъ, когда онъ потрясъ небесные власы „безсмертной своей главы, поколебался весь „Олимпъ. — Г. Попе изображаетъ сіе такимъ образомъ; „онъ рекъ, и вздернувъ съ важно„стію черныя свои брови, потрясъ благовон-

„ные свои власы, и учинилъ помаванїе, аки нѣ-
„кое утвержденїе судьбы и опредѣленїе бо-
„жїе. Высокїя небеса восприяли сей знакъ съ
„трепетомъ и весь Олимпъ поколебался.

Видъ распространенъ, и какъ будто бы тщательно изукрашенъ; но въ самомъ дѣлѣ, оной уничиженъ. Слова„ аки нѣкое утвержденїе судьбы и опредѣленїе Божїе„ совершенно излишни; онѣ прерываютъ описанїе и препятствуютъ картинѣ. Равнымъ образомъ представленъ Юпитеръ такъ, якобы онъ потрясъ власы свои прежде, нежели кивнулъ главою: „потрясъ благовонные свои власы и учинилъ помаванїе„ что совсемъ негодно и посмѣянїя достойно: между тѣмъ когда въ подлинникѣ потрясенїе волосъ главы его, есть слѣдствїе его помаванїя, и составляетъ въ описанїи нѣкоторое удачно съ картиною сходствующее обстоятельство.

Сверьхъ простоты и краткости, необходимо потребна также и сила къ высокому писанїю. Сила описанїя произходитъ, отъ нѣкоторой простой краткости; но иногда заключаетъ оная въ себѣ болѣе, а именно, нѣкоторой разсудительной выборъ потребныхъ къ описанїю обстоятельствъ, дабы явить предметъ въ самомъ совершеннѣйшемъ

и выгоднѣйшемъ онаго видѣ. Поелику каждой предметъ имѣетъ различныя свои стороны, то, ежели выраженіе онаго, посредствомъ коего онъ намъ представляется, признано будетъ за сходственное съ тѣми обстоятельствами, коими мы оной окружаемъ; то, говорю я, покажется онъ намъ или въ превосходномъ степени высокимъ, или совсемъ инаковымъ, смотря по тому, щастливо ли избраны оныя обстоятельства, и суть ли онѣ высокаго рода. Въ семъ состоитъ великое искуство каждаго писателя, и составляетъ дѣйствительно главнѣйшую трудность высокаго описанія. Ежели описаніе съ лишкомъ обще, и распространено обстоятельствами, то предметъ изъявится не ясно: а посему и произведетъ въ читателѣ либо слабое впечатлѣніе, либо совершенно никакого. Притомъ, ежели какія ни есть маловажныя и низкія обстоятельства вмѣшаны, то чрезъ сіе все унижается.

То движеніе, которое возбуждается высокимъ описаніемъ, по свойству своему не приемлетъ никакой умѣренности, и не можетъ пребыть въ посредственномъ состояніи; но оно должно насъ, или привести въ высочайшей восторгъ, или, ежели оно въ дѣйствіи

своемъ безуспѣшно, оставить насъ въ непріятномъ и намъ противномъ положеніи. Мы стараемся возвышаться купно съ писателемъ; воображеніе возбуждается, и напрягается; но оно должно быть поддерживаемо; и ежели среди своего напряженія внезапно будетъ оставлено, то должно оно съ пречувствительнымъ ударомъ низринуться. Когда Мильтонъ въ бою своемъ между ангелами, представляетъ ихъ якобы они взрывали горы, и метали оныя другъ на друга, то въ семъ его описаніи нѣтъ, по примѣчанію г. Аддисона, иныхъ обстоятельствъ, кромѣ такихъ, кои дѣйствительно высоки.

От мѣстъ своихъ во всѣ металися страны,
И твердые бугры со всею тяготою,
Съ лѣсами, съ камнями, съ сокрытой въ нихъ водою,
Взрывали и поднявъ за шписты ихъ верхи,
Таскали въ бѣшенствѣ вездѣ въ рукахъ своихъ.

Сія идея о исполинахъ метающихъ горы, которая сама по себѣ столь велика, учинена Клодіаномъ странною и смѣшною, тѣмъ однимъ обстоятельствомъ, якобы одинъ изъ сихъ исполиновъ, вскинувъ на рамена свои гору Иду, держалъ оную въ семъ положеніи, купно съ рѣкою по оной текущею и вдоль тыла его низвергающеюся. Виргилій въ описаніи сво-

емъ горы Этны погрѣшилъ въ нѣкоторой неточности сего рода. Изобразивъ различные великолѣпные виды, заключаетъ стихотворецъ, оживотворенїемъ горы въ слѣдующемъ видѣ.

Eructans viscera cum gemitu.

,,Изрыгая чрева съ ревомъ,, чрезъ которое уподобленїе горы человѣку даже до пьянства виномъ упившемуся, уничижаетъ онъ величество описанїя. Уничижительное дѣйствїе представленной здѣсь идеи, окажется тогда еще съ большею ясностїю, когда мы узримъ, какой видъ представляетъ она въ поемѣ г. Ричарда Блекмора, которой, по причинѣ чрезвычайно изпорченнаго вкуса, избралъ оную въ своемъ описанїи за главнѣйшую; а по сему [такъ какъ Докт. Ербутнотъ въ шуткахъ замѣчаетъ] представилъ гору якобы у ней корчило утробу.

Подобно всѣмъ горамъ, которыхъ нутрь горитъ,
Обилье Этна тамъ даетъ сожженныхъ тѣлъ;
Тамъ вѣетъ бурный вѣтръ; и тяжко подвигаясь,
Подобно какъ бы ядъ рвалъ всю ея утробу,
Стонаетъ и реветъ, рыгая изъ жерла;
И всѣ претящїя заклѣпы проломивъ,
Въ утробѣ черева пожаромъ растопленны
На все кругомъ себя селенье изрыгаетъ.

Таковые примѣры показываютъ, сколь много высокость зависитъ отъ приличнаго выбора обстоятельствъ; и съ коликимъ тщаніемъ должно избѣгать всякаго такого обстоятельства, которое, подходя хотя въ самомъ малѣйшемъ степени къ непристойному, къ веселому или къ забавному, перемѣняетъ силу возбуждаемаго чувствія.

То, что обыкновенно высокимъ слогомъ именуется, есть большею частію низкой, и не имѣетъ никакого отношенія къ истинно высокому. Писатели воображаютъ себѣ, будто громкія слова, обильныя синонимы, и нѣкоторой пышной родъ выраженія, не вмѣщающей въ себѣ ничего такого, что обще употребительно или обыкновенно, способствуютъ къ высокости, или въ самой вещи оную составляютъ; но въ семъ они дѣйствительно ошибаются. Въ примѣрахъ реченнаго высокаго писанія, ничто сего рода не усматривается; „Рече Господь, да будетъ свѣтъ; „и бысть свѣтъ.„ Сіе есть подлинно разительно и высоко: но тѣмъ слогомъ, которой обыкновенно зовется высокимъ, выразится оное такъ:„ Верьховный правитель естества, мощною силою единаго „своего слова, повелѣлъ быть свѣту;„ въ ко-

емъ выраженіи, такъ какъ Боало справедливо оное замѣчаетъ, слогъ есть дѣйствительно высокъ, но самая мысль унижена. Вообще должно примѣчать, что высокость заключается въ мысляхъ, а не въ словахъ; и когда мысль есть дѣйствительно благородна, то облечется она вообще сама собою въ природное величество языка.

Пороковъ высокости противоположныхъ, есть наипаче два; униженіе и непристойное возвышеніе. Униженіе состоитъ въ томъ, когда предметъ или мысль, которая сама по себѣ высока, посредствомъ низкаго объ оной понятія, или посредствомъ слабаго, уничижительнаго и неосновательнаго оныя описанія, унижается. Таковой порокъ показуетъ совершенной недостатокъ, или по малой мѣрѣ, чрезвычайную скудость въ дарованіи. Непристойное возвышеніе заключается въ томъ, когда мы напрягаемъ себя обыкновенной или низкой какой ни есть предметъ возвеличить выше чина его, и тщимся вознести оной до высокости; или стараемся возвеличить какой ни есть высокой предметъ выше всѣхъ естественныхъ и правыхъ предѣловъ.

Красота, и другія пріятности вкуса.

По высокости, красота, безЪ сумнѣнія, доставляетЪ самую высочайшую пріятность воображенію. Движеніе, которое она возбуждаетЪ, удобно различить можно отЪ того, кое производитЪ высокость. Оно гораздо кротче, гораздо тише и лестнѣе, не возноситЪ духЪ толь сильно, но производитЪ пріятную ясность. Высокость возбуждаетЪ чувствіе, кое черезЪ чурЪ сильно, дабы могло быть продолжительно; пріятность производимая красотою можетЪ воспріять продолжительное бытіе. По сему обЪемлетЪ она большую разновидность вЪ предметахЪ, нежели высокость; равновидность вЪ истинну столь великую, что чувствія, которыя красивые предметы производятЪ, чрезмѣрно разнствуютЪ одно отЪ другаго, не токмо по единой степени, но и по самому оныхЪ роду. Сего ради, никакое слово не употребляется вЪ знаменованіи толь неопредѣленномЪ, какЪ красота: она прилагается кЪ каждому внѣшнему предмету, которой или оку нравится, или слуху пріятенЪ, ко многимЪ пріятностямЪ писанія, кЪ различнымЪ расположеніямЪ духа, и даже кЪ нѣ-

торымъ предметамъ на однихъ токмо отвлеченныхъ понятіяхъ основывающейся науки. Мы часто говоримъ о прекрасномъ деревѣ или цвѣткѣ; о прекрасномъ стихотворцѣ, о прекрасномъ свойствѣ, и о прекрасной ѳеоремѣ въ Маѳематикѣ.

Кажется что цвѣтъ доставляетъ самой простой примѣръ красоты. Чаятельно, что сопряженіе идей имѣетъ нѣкоторое вліяніе на приятность отъ цвѣтовъ нами ощущаемую. На примѣръ; зеленой цвѣтъ, можетъ быть, кажется намъ красивѣе по тому, что мы совокупляемъ оной въ идеяхъ нашихъ съ сельскими зрѣлищами и видами; бѣлой по тому, что мы соединяемъ оной въ идеяхъ нашихъ съ невинностію; а голубой по тому, что мы сопрягаемъ оной съ ясностію неба. Все то, что мы независимо отъ таковыхъ сопряженій, въ отношеніи къ цвѣтамъ замѣтить еще можемъ, состоитъ въ томъ, что мы избираемъ для красоты обыкновенно нѣжные а не яркіе цвѣты, каковы суть: перья различныхъ родовъ птицъ, листы цвѣтковъ, и нѣжное измѣненіе цвѣтовъ усматриваемыхъ нами на небѣ при восходящемъ и заходящемъ солнцѣ.

Образъ являетъ намъ гораздо сложнѣйшія и большія перемѣны восприять могущіе

виды красоты. Вопервыхъ является намъ правильность, которая должна быть признана за источникъ красоты. Чрезъ видъ правильной разумѣется всякой такой, которой, по усмотрѣнїю нашему, составленъ по извѣстному правилу, и не вмѣщаетъ въ сложенїи частей своихъ ничего неправильнаго или непорядочнаго. Ради сего, квадратъ, треугольникъ или шестиугольникъ, такъ какъ красивые виды, привильностїю своею приятны оку; однакожъ усмотрѣно, что нѣкоторая прелестная разновидность есть еще большая причина красоты. Кажется, что правильность является намъ прекрасною, наипаче по тому, что возбуждаетъ въ насъ идеи о приличности, свойствѣ и о употребленїи, кои всегда имѣютъ большую связь съ видами правильными и соразмѣрными, нежели съ такими, кои, кажется, не сложены по какому ни есть извѣстному правилу. Природа, которая есть самой приятнѣйшїй художникъ, соблюла во всѣхъ своихъ къ украшенїю определенныхъ творенїяхъ, разновидность, не взирая явно на правильность. Кабинеты, двери и окна, сдѣланы правильно, кубами и паралелограмами, съ точною частей своихъ соразмѣр-

ностію, и сложены такъ, что оныя оку нравятся ради того самаго, что будучи назначены къ употребленію, соотвѣтствуютъ онѣ лучше въ таковыхъ видахъ тому намѣренію, для коего оныя опредѣлены. Растѣнія же, цвѣтки и листы исполнены разновидности. Прямой прокопъ есть въ сравненіи извивающихся рѣкъ, неприятной видъ. Конусы и пирамиды имѣютъ свою степень красоты; но древа растущія въ природной своей дикости имѣютъ несравненно большую красоту, нежели когда бы оныя представляли видъ пирамидъ или конусовъ. Покои дома должны быть для удобности жителей расположены правильно; но садъ, которой единственно назначается къ украшенію, учинится весьма неприятнымъ, ежели будетъ имѣть бо́льшую одновидность и бо́льшей порядокъ, нежели какое ни есть жилье.

Движеніе доставляетъ другой источникъ красоты отъ вида отмѣнной. Оно само собою есть приятно; и тѣла находящіяся въ движеніи, при всѣхъ другихъ равныхъ обстоятельствахъ, вообще предпочитаются тѣламъ покоющимся. Однакожъ одно токмо плавное движеніе принадлежитъ къ красотѣ; поелику когда оно быстро или весьма силь-

но, каково есть движенїе ручья, то въ такомъ случаѣ приемлетъ оно участїе въ высокости. Движенїе парящей по воздуху птицы, есть чрезвычайно прекрасно; стремленїе, съ коимъ блестящїя звѣзды падаютъ по небу, есть великолѣпно и удивительно. При семъ случаѣ нужно замѣтить, что чувствїя высокости и красоты не всегда бываютъ отдѣленными предѣлами означены, но въ иныхъ случаяхъ могутъ оныя приближиться одно къ другому. По сему, плавно текущая рѣка, которая есть самой прекраснѣйшїй предметъ въ природѣ, разливаясь мало по малу въ быстрыя воды, красоту свою постепенно въ высокость премѣняетъ. Младое дерево есть предметъ красивой; а обширной и устарѣлой дубъ, есть предметъ почтительной и высокой. Но возвратимся къ красотѣ движенїя. Найдено, что вообще движенїе по прямой линѣи совершающееся, не столь красиво какъ то, которое по перемѣнному направленїю производится; а по сему движенїе возходящихъ тѣлъ обыкновенно приятнѣе движенїя низходящихъ. Легко извивающееся движенїе пламени и дыма, есть отмѣнно приятной предметъ. Г. Гогардъ весьма остроумно замѣчаетъ, что всѣ обыкновенныя и для житейскихъ

потребѣ нужныя движенія, производятѣ люди по прямымѣ линѣямѣ; напротиву сего пріятныя и кѣ украшенію служащія движенія совершаются по кривымѣ линѣямѣ; замѣчаніе, достойное вниманія тѣхѣ, кои разсматриваютѣ пріятности тѣлодвиженій и дѣйствій.

Хотя цвѣтѣ, видѣ и движеніе, суть отдѣленные источники красоты; однакожѣ вѣ различныхѣ красивыхѣ предметахѣ встрѣчаются оныя вкупѣ, а по сему и производятѣ красоту гораздо большую и гораздо сложнѣйшую. Такимѣ образомѣ зримѣ мы вѣ цвѣткахѣ, древахѣ и животныхѣ вѣ одно и тоже самое время, нѣжность цвѣта, пріятность вида, а иногда и движеніе. Самое полное собраніе прекрасныхѣ предметовѣ, кое токмо найти возможно, предсталяетѣ намѣ всякое природное богатое селеніе, поелику вѣ ономѣ находится обильная предметовѣ разновидность: зеленѣющіяся поля, разсѣянныя древа и цвѣтки, текущія воды и пасущіяся стада. Ежели ко всему сему присовокупятся еще нѣкоторыя искуственныя произведенія кѣ таковому зрѣлищу приличныя; какѣ то, мостѣ со сводами чрезѣ какую ни есть рѣку, дымѣ изходящей изѣ хижинѣ по-

среди деревъ стоящихъ, и отдаленной видъ пріятнаго зданія при восходящемъ солнцѣ усматриваемаго; то насладимся мы тогда, въ самомъ вышшемъ совершенствѣ, тѣмъ веселымъ, драгоцѣннымъ и пріятнымъ чувствіемъ, которымъ красота знаменуется.

Красота человѣческаго лица, есть сложнѣе всякой другой доселѣ нами разсматриваемой. Она заключаетъ въ себѣ красоту цвѣта, произходящую отъ нѣжности тѣни краски въ лицѣ, и красоту вида, произходящую отъ тѣхъ линѣй, кои составляютъ различныя черты лица; но главнѣйшая красота лица, зависитъ отъ усматриваемаго въономъ нѣкоего таинственнаго выраженія душевныхъ качествъ; какъ то, здраваго разсудка, или благаго разположенія духа, непорочности, благосклонности, чувствительности или инаго какого ни есть любезнаго разположенія. Надлежитъ замѣчать, что имѣются такія качества души, кои, хотя бы оныя были выражены чертами лица, или словами или дѣяніями, всегда возбуждаютъ въ насъ чувствіе подобное тому, которое мы отъ красоты ощущаемъ. Таковыхъ душевныхъ качествъ имѣется два обширные рода; изъ коихъ одинъ вмѣщаетъ въ себѣ тѣ высокія и

великія добродѣтели, кои требуютъ чрезвычайныхъ усилій, и основываются на злополучіяхъ и терпѣніяхъ; какъ то, бодрость, великодушіе, презрѣніе удовольствій и самой смерти. Сіи добродѣтели, такъ какъ мы уже оное въ предъидущемъ наставленіи примѣтили, производятъ въ каждомъ зрителѣ идею о высокости и о величіи. Другой родъ оныхъ душевныхъ качествъ заключаетъ въ себѣ наипаче общественныя добродѣтели, такія, кои гораздо тише и скромнѣе; какъ то, соболѣзнованіе, кротость и щедрота. Сіи добродѣтели возбуждаютъ въ зрителѣ чувствованіе удовольствія столь тѣсно соединенное съ тѣмъ, которое производятъ красивые внѣшніе предметы, что, хотя оное есть вышшаго свойства, можетъ однакожъ безъ всякой непристойности къ тому же самому роду быть причислено.

Красота писанія составляетъ особой родъ, ежели токмо взята будетъ въ опредѣленнѣйшемъ смыслѣ, а именно въ томъ, когда оная означаетъ нѣкоторую пріятность и сладость въ разположеніи слога или мыслей, въ разсужденіи коихъ нѣкоторые писатели отмѣнно себя оказали. Въ семъ смыслѣ составляетъ она ту красоту, которая ниже

отмѣнно высока, ниже чрезвычайно сильна, ниже необыкновенно пылка; но есть такого свойства, что возбуждаетъ въ читателѣ движенїе кроткое и тихое, подобное тому, кое произтекаетъ отъ разсматриванїя красивыхъ естественныхъ предметовъ; что не возноситъ духъ до отмѣнной высокости, ниже тревожитъ оной до крайности, но наполняетъ воображенїе сладостною и приятною ясностїю. Г. Аддисомъ есть писатель точно сего качества, и служитъ самымъ приличнѣйшимъ примѣромъ, какой токмо въ семъ случаѣ представить возможно. Фенелонъ, творецъ Телемака, долженъ быть почтенъ вторымъ образцомъ. Также и Виргилїй, хотя въ иныхъ случаяхъ и наклоненъ бываетъ вознестися до высокости, однакожъ вообще знаменуется болѣе красотою и приятностїю, нежели высокостїю. Между ораторами, Цицеронъ имѣетъ болѣе красоты нежели Демосѳенъ, коего собственное дарованїе преклоняло совершенно къ пылкости и разительности.

Все сїе нужно было сказать о предметѣ красоты; поелику она по высокости, есть самый обильнѣйшїй источникъ приятностей вкуса. Но предметы не токмо веселятъ во-

ображеніе однимъ тѣмъ, что являются подъ видомъ высокости и красоты; но они почерпаютъ также могущество свое доставлять удовольствіе, и изъ другихъ источниковъ.

О новизнѣ на примѣръ, часто упоминалъ г. Аддисонъ и всякой другой писатель тѣмъ же самымъ предметомъ занимающійся. Предметъ, которой не имѣетъ никакихъ другихъ достоинствъ, кромѣ своей необыкновенности или новизны, посредствомъ сего одного качества, возбуждаетъ въ душѣ чувствительныя и пріятныя движенія. Отъ сего происходитъ то страстное любопытство, которое столь обще усилилось во всѣхъ людяхъ. Предметы и идеи, къ коимъ мы издавна заобыкли, производятъ съ лишкомъ слабое удареніе къ тому, чтобы могли доставить способностямъ нашимъ пріятное упражненіе. Новые и странные предметы, поражая душу внезапно и при томъ пріятно, исторгаютъ оную изъ недѣйствительнаго ея состоянія. Отъ сего происходитъ, по большей мѣрѣ, то удовольствіе, которое мы ощущаемъ отъ небылицъ и сказокъ. Движеніе возбужденное новизною гораздо чувствительнѣе и разительнѣе того, которое производитъ красота; на противъ сего оно гораздо не столь продол-

жительно. Ибо ежели предметъ самъ собою не имѣетъ довольныхъ прелестей, дабы могъ удержать наше вниманіе, то видимое онаго блистаніе, распростертое единою новизною, изчезнетъ вскорѣ.

Равнымъ образомъ и подражаніе есть източникъ приятностей вкуса. Оно подаетъ начало къ тому, что г. Аддисонъ вторыми приятностями воображенія именуетъ, кои, безъ сумнѣнія, составляютъ весьма обширной родъ. Ибо всякое подражаніе доставляетъ душѣ нѣкоторую приятность, а не одно токмо подражаніе красивымъ или высокимъ предметамъ, возобновляющее въ насъ подлинныя идеи красоты и величія, которыя таковые предметы сами собою изъявляютъ; даже и самые тѣ предметы, кои не имѣютъ ни красоты ни величія; и нѣкоторые изъ тѣхъ, кои страшны или безобразны, въ изображенномъ видѣ доставляютъ намъ приятность.

Равно принадлежатъ ко вкусу приятности голоса или согласія. Никоторое чувствіе, ощущаемое нами отъ красоты или высокости не есть увеселительно, какъ токмо одно то, которое можетъ быть возвышено силою мусикійскаго звука. Отъ сего происходитъ приятность стихотворческихъ стиховъ

и самыхъ сокровеннѣйшихъ и несвязнѣйшихъ мѣръ прозы. Также и замысловатый умъ, веселый духъ и смѣхъ, отверзаютъ вкусу различныя пріятности, кои совершенно отъ всѣхъ доселѣ нами разсматриваемыхъ разнствуютъ.

Теперь не нужно входить въ дальнѣйшее изслѣдованіе пріятностей вкуса. Мы показали нѣкоторыя общія оныхъ основанія; время приложить оныя теперь къ главному нашему предмету. Ежели будетъ вопрошено, къ которому роду тѣхъ пріятностей, кои мы изчислили, должна быть отнесена та пріятность, которую мы ощущаемъ отъ стихотворства, краснорѣчія или изящнаго писанія? то отвѣтствуется, ни къ которому одному, но ко всѣмъ вкупѣ. Писаніе и рѣчи имѣютъ ту особую выгоду, что онѣ объемлютъ со всѣхъ сторонъ столь обширное и столь плодоносное поле, и въ состояніи изъявить, въ великомъ совершенствѣ, не токмо одну сторону предметовъ, но и всѣ тѣ, которые доставляютъ пріятность вкусу и воображенію; хотя бы въ прочемъ сія пріятность произтекала отъ высокости, или отъ красоты во всѣхъ ея различныхъ видахъ, отъ намѣренія и иску-

ства, отъ нравственнаго чувствія, отъ новизны, отъ согласія, отъ остроумія, веселія и смѣха. Кто къ чему ни есть изъ всего сего, чувствуетъ по вкусу своему особую наклонность, тотъ можетъ всегда отъ какого ни есть писателя или другаго кого, получить въ ономъ удовольствіе.

У критическихъ писателей было въ обыкновеніи, говорить о рѣчахъ такъ какъ о главнѣйшемъ искуствѣ изъ всѣхъ подражательныхъ искуствъ; они сравнивали оныя съ живописью и съ лѣпнымъ искуствомъ, и въ иныхъ случаяхъ по праву предпочитали оныя симъ художествамъ. Но должно замѣчать что подражаніе и описаніе въ свойствахъ весьма одно отъ другаго разнствуютъ. Слова не имѣютъ естественнаго подобія съ идеями или предметами, къ означенію коихъ онѣ употребляются; на противу сего статуя или картина имѣетъ естественное сходство съ своимъ подлинникомъ.

Однакожъ, по колику стихотворецъ или дѣеписатель вводитъ въ твореніе свое особъ дѣйствительно глаголющихъ, и по колику изображаетъ онъ словами въ уста ихъ влагаемыми, тотъ разговоръ, которой они,

по предположенію его, между собою имѣютъ; по толику искуство его съ большимъ правомъ можетъ быть названо подражательнымъ, каковой случай во всякомъ драматическомъ сложеніи мѣсто имѣетъ. Что же принадлежитъ до повѣствующихъ или описывающихъ твореній, то оныя, съ благопристойностію, не могутъ быть подражательными названы. Кто, на примѣръ, назоветъ Виргиліево описаніе непогоды въ первой книгѣ Энеиды, подражаніемъ бури? Ежели мы слышимъ о подражаніи сраженія, то мы естественнымъ образомъ подумаемъ о какомъ ни есть въ шуткахъ произходящемъ сраженіи, или о представленіи боя на Θеатрѣ; но никогда себѣ не вообразимъ, что подъ онымъ разумѣется нѣкоторое Гомерово описаніе въ Иліадѣ. При томъ признаться должно, что подражаніе и описаніе сходствуютъ въ главномъ своемъ дѣйствіи, сирѣчь въ томъ, что возбуждаютъ посредствомъ внѣшнихъ знаковъ, идеи о тѣхъ вещахъ, кои мы не зримъ. Но хотя оныя въ семъ и сходствуютъ, однакожъ памятовать должно, что наимянованія ихъ не сутъ одного знаменованія; что онѣ употребляютъ различныя средства въ произведенію одного и то-

тоже самаго дѣйствія; и слѣдовательно производятъ въ насъ различныя впечатлѣнія.

Начало и усовершенствованіе человѣческаго слова.

Дабы приобрѣсти правое понятіе о началѣ и произхожденіи человѣческаго слова, должны мы разсмотрѣть обстоятельства человѣческаго рода въ самомъ начальномъ и грубѣйшемъ онаго состояніи. Онъ былъ тогда не иное что, какъ шатающейся и разсѣянной народъ; не имѣлъ никакихъ другихъ обществъ изключая семействъ; да и семейственныя общества были по толику весьма несовершенны, по колику образъ тогдашняго ихъ прокормленія, которой состоялъ въ охотѣ или въ пасшвѣ, долженствовалъ часто разлучать оныя. Въ таковомъ положеніи, возможно ли было съ общаго согласія принять какія ни будь звуки или слова за знаки идей? Положивъ, что нѣкоторые люди, кои по случаю или по необходимости одинъ съ другимъ сошлись, согласились, какъ бы то ни было, въ нѣкоторыхъ знакахъ; вопрошается, коимъ образомъ могли бы они сіи знаки ввести и въ другія колѣна или семей-

ства, такъ чтобы оные распространились и возрасли до подлиннаго слова? Иной подумалъ бы, что люди необходимо долженствовали быть совокуплены между собою знатными толпами, прежде нежели какой ни будь языкъ могъ быть между ими утвержденъ и распространенъ; но съ другой стороны, кажется, что прежде образованія обществъ необходимо потребенъ былъ какой ни будь языкъ: ибо, коимъ союзомъ могла быть многолюдная толпа людей соединена или связана въ изысканіи общихъ благъ, доколѣ при помощи слова, не могли они свои нужды и свои мысли сообщать другъ другу? По сему кажется, что какъ то, коимъ образомъ могли общества состоять прежде языка, такъ и то, какъ могъ изъ словъ, прежде образованія обществъ, произойти языкъ, подлежитъ одинакой трудности. И ежели мы при томъ разсудимъ то удивительное сходство, кое мы въ расположеніи всѣхъ почти языковъ находимъ, и ту глубокую и острую Логику, на которой оные основываются; то трудности со всѣхъ сторонъ преодолѣютъ насъ до того, что мы узримъ не маловажную причину приписывать первое начало человѣческаго слова Божію вдохновенію.

Но положивъ, что человѣческое слово происходитъ отъ Бога, неможемъ мы однакожъ вообразить себѣ, чтобы совершенной порядокъ онаго вдругъ дарованъ былъ человѣку. Гораздо естественнѣе полагать, что Богъ даровалъ праотцамъ нашимъ такой токмо языкъ, какой потребенъ былъ для тогдашняго ихъ состоянія; предоставивъ имъ, такъ какъ Онъ учинилъ во многомъ другомъ, распространять и исправлять оной соразмѣрно будущимъ ихъ нуждамъ: по сему первыя начала рѣчи долженствовали быть просты и ограниченны; и мы совершенно можемъ войти въ изслѣдованіе, какимъ образомъ и по какимъ степенямъ достигло человѣческое слово того состоянія, въ которомъ мы нынѣ оное обрѣтаемъ.

Предположивъ, что нѣкоторое время протекло прежде нежели какія ни есть слова стали быть изобрѣтены или познаны, очевидно, что люди не могли имѣть другихъ способовъ сообщать чувствія свои другъ другу, какъ посредствомъ крику, означающаго какую ни есть страсть, которой при томъ сопровождаемъ былъ такими движеніями и дѣйствіями тѣла, кои еще болѣе оную страсть выражали. Сіи, во истинну, суть

тѣ одни знаки, коимъ природа всѣхъ людей научила, и кои всякъ разумѣетъ. Ежели бы кто видя ближняго своего идуща въ такое мѣсто, въ которомъ бы онъ могъ, по мнѣнію его, изпугаться, или подвергнуться опасности, захотѣлъ его предостеречь отъ сея бѣды, то бы онъ могъ къ произведенію сего употребить не иное какое средство, какъ такой крикъ, и такія тѣлодвиженія, кои бы означали страхъ: такъ какъ бы въ наши времена, два человѣка, изъ коихъ каждой невѣдаетъ языка другаго, будучи вмѣстѣ отвезены на пустой островъ, захотѣли учинить себя другъ другу вразумительными. Посему таковыя восклицанія, кои грамматики именуютъ междуметіями, употребляемыя въ сильныхъ и страстныхъ выраженіяхъ, были, безъ сумнѣнія, первыя начала рѣчи.

Когда обширнѣйшее сообщеніе стало быть потребно, и именованія стали быть прилагаемы къ предметамъ, коимъ образомъ, можемъ мы положить, поступали люди въ таковомъ приложеніи именованій или изобрѣтеніи словъ? Такъ какъ живописецъ, желая изобразить траву, долженъ къ сему употребить зеленой цвѣтъ; такъ то и въ мла-

денчествѣ человѣческаго слова, всякъ опредѣляя наименованіе чему ни есть грубому или суровому, естественнымъ образомъ употреблялъ грубой или суровой голосъ; ибо иначе не могъ бы онъ поступить, ежели бы желалъ возбудить въ слушателѣ идею о томъ предметѣ, которой именовать онъ тщился. Воображать же себѣ, что слова, или именованія данныя вещамъ, выдуманы совершенно по единому произволенію, безъ всякаго основанія или причины, есть тоже самое, что и предполагать дѣйствіе безъ причины. Всегда долженствовали быть нѣкоторыя причины, кои болѣе побуждали избрать то, а не другое какое ни будь имя; и мы не можемъ положить никакихъ иныхъ побудительныхъ причинъ, кои бы съ большею общественностію могли дѣйствовать на людей во время начальныхъ ихъ усилій въ отношеніи къ слову, какъ единое токмо желаніе изображать посредствомъ рѣчи тѣ предметы, кои они именовали, въ большемъ или меньшемъ совершенствѣ, смотря по тогдашней силѣ человѣческаго голоса изъявлять таковое подражаніе.

Гдѣ бы ни были обрѣтаемы предметы, знаменующіеся наипаче какимъ ни будь зву-

комъ, журчаніемъ, или движеніемъ, то подражаніе посредствомъ словъ, всегда съ довольною удобностію могло быть произведено. Ничто не было толь естественно, какъ посредствомъ измѣненій голоса, изображать свойство звука или журчанія какимъ нибудь внѣшнимъ предметомъ производимаго, и сообразно съ симъ, опредѣлять сему предмету наимянованіе. Такимъ образомъ, обрѣтаемъ мы во всѣхъ языкахъ множество такихъ словъ, произведеніе коихъ очевидно утверждается на семъ основаніи. Нѣкоторая птица названа кокушкою, по голосу, которой она изпускаетъ. Когда мы говоримъ о нѣкоторомъ вѣтрѣ, что онъ свиститъ, о другомъ же, что онъ шумитъ, о зміѣ, что она шипитъ; о мухѣ, что она жужжитъ; о громѣ, что онъ гремитъ: тогда сходствіе между словомъ и тою вещію, которую оно означаетъ, совершено явно. Въ наименованіяхъ же такихъ предметовъ, кои представляютъ одинъ токмо видъ, и въ коихъ ниже какое ни будь журчаніе, ниже движеніе не усматривается, а наипаче въ наименованіяхъ приписанныхъ нравственнымъ идеямъ, кажется, что сего сходства нѣтъ. Однакожъ многіе ученые люди полагали, что хотя въ таковыхъ слу-

чаяхъ оное сходство учиняется весьма темнымъ, однакожъ оно не совершенно изчезаетъ; но посредствомъ коренныхъ словъ всѣхъ языковъ, можетъ быть опредѣлена нѣкоторая степень таковаго сходства съ означеннымъ предметомъ.

Однакожъ при всемъ томъ, сей законъ естественнаго отношенія между словами и предметами, можетъ быть токмо приписанъ языку въ самомъ простомъ и начальномъ онаго состояніи. Хотя въ каждомъ языкѣ нѣкоторые остатки онаго закона могутъ быть означены, однакожъ совершенно бы тщетно было изыскивать оной во всемъ расположеніи какого ни будь новѣйшаго языка. — Такъ какъ множество наименованій у каждаго народа возрастаетъ, и обширное поле языка преисполняется, такъ и слова, отъ многоразличныхъ, странныхъ и безпорядочныхъ образовъ произведенія и сложенія, весьма отъ первоначальнаго признака своихъ корней уклоняются, и въ разсужденіи звука все подобіе съ означаемыми вещами теряютъ. Таково есть нынѣшнее состояніе языковъ. Слова, смотря по нынѣшнему оныхъ употребленію, должны быть вообще признаны за знаки, а не за подражанія; за произ-

вольныя, а не за естественныя знаменованія идей. Но то кажется не подлежитъ никакому сумнѣнію, что чемъ ближе доходимъ мы до произхожденія слова въ человѣческомъ родѣ, тѣмъ болѣе, кажется намъ, участвуетъ оно въ естественныхъ выраженіяхъ.

Мы показали, что междуметія или страстныя восклицанія, были первыя начала рѣчи. Люди старались сообщать другъ другу чувствованія свои, посредствомъ тѣхъ сильно выражающихъ криковъ и тѣлодвиженій, коимъ природа ихъ научила. Потомъ, когда слова или именованія предметовъ начали быть вводимы, сей образъ глаголанія посредствомъ естественныхъ знаковъ, не могъ быть вдругъ оставленъ: поелику человѣческое слово въ начинаніи своемъ, долженствовало быть крайне недостаточно; и безъ сумнѣнія было у всѣхъ народовъ такое время, когда въ разговорахъ употреблялись весьма немногія слова, и вмѣшиваемы были многія восклицанія и важныя тѣлодвиженія. Малое количество словъ, кои люди тогда еще имѣли, учиняло таковыя пособія совершенно необходимыми для объясненія ихъ понятій; и грубые, непросвѣщенные народы, не бывъ еще про-

ворны и въ тѣхъ не многихъ словахъ, кои были имъ извѣстны, естественнымъ образомъ, старались содѣлать себя другъ другу вразумительными тѣмъ, что перемѣняли свой голосъ, и сопровождали таковыя онаго измѣненія наисильнѣйше выражающими тѣлодвиженіями, какія токмо они учинить могли.

Первое начало къ сему образу разговоровъ положила нужда. Но мы должны замѣтить то, что хотя послѣ, когда человѣческое слово въ послѣдствіе времени стало быть обширнѣе и обильнѣе, нужда сія по большой мѣрѣ изчезла: однакожъ прежней образъ разговоровъ удержался еще у многихъ народовъ; и то, что прежде произошло отъ нужды, стало быть послѣ употребляемо вмѣсто прикрасъ. Въ Греческомъ и Римскомъ языкахъ, мусикійское и разными тѣлодвиженіями сопровождаемое произношеніе, удержано еще было въ весьма высокомъ степени. Ежели бы мы сего не вѣдали, то бы не могли разумѣть многія мѣста классическихъ писателей, кои описываютъ рѣчи къ народу говоренныя и ѳеатральныя упражненія древнихъ. Нынѣшнее наше произношеніе показалось бы имъ мертвымъ одногласіемъ. Рѣчи ихъ Ораторовъ и произношеніе дѣйствовавшихъ на

θеатрѣ ихъ лицъ, сходствовали съ рецитативною музыкою, и могли быть удобно преложены на ноты, и инструментальною музыкою сопровождаемы; такъ какъ сіе различные ученые мужи совершенно доказали.

Что касается до тѣлодвиженій, то оныя въ такомъ же состояніи находились; поелику можно сказать, что сильныя восклицанія, и съ великимъ жаромъ производимыя тѣлодвиженія, бываютъ всегда между собою соединены. Дѣйствіе какъ ораторовъ такъ и комедіантовъ въ Греціи и Римѣ, было гораздо сильнѣе того, къ которому мы нынѣ зaобыкли. Намъ бы показался Росцій сумашедшимъ. Тѣлодвиженія были на θеатрѣ древнихъ въ толикомъ уваженіи, что можно полагать, что въ иныхъ случаяхъ рѣчи и дѣйствія совершенно были отдѣляемы; что самое по нынѣшнимъ нашимъ идеямъ, должно было быть весьма странно: одинъ комедіантъ произносилъ слова пристойнымъ голосомъ, между тѣмъ, когда другой изъявлялъ соотвѣтствующія онымъ словамъ тѣлодвиженія и дѣйствія. Цицеронъ говоритъ, что между имъ и Росціемъ былъ нѣкогда споръ, онъ ли можетъ съ большею разностію въ выраже-

нїяхъ, или Росцїй съ большею разнообразностїю въ соотвѣтственныхъ и притомъ удобопонятныхъ тѣлодвиженїяхъ, изобразить какую ни будь мысль. Наконецъ тѣлодвиженїя заняли совершенно ѳеатръ; ибо во владѣнїя Августа и Тиверїя, самая пріятнѣйшая народная забава состояла въ пантомимахъ, кои производились посредствомъ однихъ токмо тѣлодвиженій. Они дѣйствовали на народъ весьма сильно, и исторгали изъ него болѣе слезъ, нежели самыя трагедїи; наконецъ пристрастїе къ онымъ усилилось до того, что должно было издать законы, возбраняющїе Сенаторамъ упражняться въ пантомимахъ. Нынѣ, хотя въ рѣчахъ и ѳеатральныхъ представленїяхъ, какъ голосъ такъ и тѣлодвиженїя, безъ сумнѣнїя, гораздо превосходнѣе, нежели въ обыкновенныхъ разговорахъ; однакожъ всякая народная рѣчь, какого бы рода она ни была, должна во всякой странѣ, сохранять нѣкоторую соразмѣрность совсемъ тѣмъ, что употребительно въ разговорахъ; по сему, таковыя общїя забавы, никогда бы не могли быть пріятны для народа, коего выраженїя и тѣлодвиженїя въ разговорахъ, столь же были бы вялы, какъ и наши.

Поелику начальной языкЪ человѣческаго рода состоялЪ изЪ словЪ описывающихЪ чувствамЪ подлежащіе предметы, то оной, по необходимости, долженЪ былЪ сдѣлаться чрезвычайно метафорическимЪ. Ибо, для того, дабы означить какое нибудь желаніе или страсть, дѣйствіе или чувствіе души, не имѣли они опредѣленнаго выраженія, которое бы сему намѣренію соотвѣтствовало; но принуждены были изображать движеніе или страсть, кою они ощущали такЪ, что соображали оную сЪ тѣми чувствамЪ подлежащими предметами, кои наибольшее отношеніе кЪ оной изъявляли, и кои по сему могли содѣлать оную, нѣкоторымЪ, образомЪ для другихЪ вразумительною.

ОднакожЪ, не одна токмо нужда подала начало кЪ сему метафорическому слогу. Во младенчествѣ всѣхЪ обществЪ, страхЪ и ужасЪ, удивленіе и изумленіе, были самыя главнѣйшія людскія страсти. ЯзыкЪ ихЪ необходимо долженЪ былЪ заразиться сими душевными ихЪ свойствами. Они, безЪ сумнѣнія, изображали каждую вещь самыми сильными и яркими цвѣтами. Даже и самой выговорЪ словЪ, которой первыя поколѣнія людей употребляли, долженствовалЪ имѣть великое

влїянїе на ихъ слогъ. Когда же сильныя восклицанїя, измѣненїя голоса, и тѣлодвиженїя, стали быть съ разговорами соединяемы, тогда воображенїе болѣе уже было изощрено, и большее напряженїе въ мысляхъ и страстяхъ возбуждено. Такимъ образомъ возбужденное воображенїе, будучи таковымъ выговоромъ еще болѣе напряжено, дѣйствуетъ на слогъ и оживотворяетъ оной.

Въ доказательство истинны сихъ замѣчанїй, оставляя всѣ прочїе доводы, кои бы еще въ разсужденїи сего могли быть приведены, выпишемъ мы изъ Колденовой исторїи пяти индѣйскихъ народовъ ту рѣчь, кою начальники ихъ, при заключенїи мирнаго договора, слѣдующимъ образомъ говорили: ,,Благополучны мы, что скрыли въ ,,землю обагренную секиру, которая толь часто была орошаема кровїю нашихъ ближнихъ. Теперь, въ семъ крѣпкомъ мѣстѣ мы ,,скрываемъ оную, и насаждаемъ древо мира. ,,Мы насаждаемъ древо, кое главу свою вознесетъ даже до солнца, и вѣтьви свои разпрострѣтъ до того, что видимо будетъ издалека. Да не пресѣчется, и да не погибнетъ никогда произрастѣнїе онаго; но да покроетъ и ,,вашу и нашу страну тѣнью листа своего!

,,Утвердимъ корни его и расширимъ оные да-
,,же до вашихъ селенiй. Ежели Галлы придутъ
,,и потрясутъ сiе древо, то мы познаемъ сiе по
,,движенiю его корней, даже до нашей страны
,,досязающихъ. Да благоволитъ великiй Духъ
,,пребыть намъ въ покоѣ на ложахъ нашихъ, изъ
,,соломы сплетенныхъ, и никогда опять не вы-
,,капывать секиру для посѣченiя древа мира!
,,Да отвердѣетъ то мѣсто земли, гдѣ оная
,,сокрыта, отъ ногъ ходящихъ. Да потечетъ
,,изъ онаго сильная рѣка, омывающая всякое
,,зло предъ очами нашими, и предъ воспомино-
,,венiемъ нашимъ. Огнь горящiй долгое время
,,въ Албанiи угашенъ. Окровавленное лоно о-
,,мыто чисто, и токи слезъ нашихъ отерты.
,,Мы теперь возобновляемъ союзную цѣпь дру-
,,желюбiя. Да соблюдемъ оную толь чисту
,,и толь ясну, какъ сребро, и да предохра-
,,нимъ оную отъ всякой ржавчины. Да не от-
,,емлетъ никто руки своея отъ оной.

Такъ какъ человѣческое слово приспѣвая болѣе и болѣе становилось обильнѣе, такъ и метафорической онаго слогъ, которой прежде составлялъ главное онаго свойство, изчезалъ постепенно. Обыкновенiе говорить съ жаромъ, съ различными измѣненiями голоса и тѣлодвиженiями, престало быть столь обще.

Вмѣсто стихотворцовъ начали философы поучать людей: они ввели въ свои разсужденія о всѣхъ предметахъ, тотъ ясной и простой слогъ сочиненія, которой мы именуемъ прозою. Такимъ образомъ оставили на конецъ люди древнее метафорическое и стихотворческое одѣяніе слова, и опредѣлили оное для тѣхъ токмо случаевъ, въ коихъ единая красота наблюдается.

Произхожденіе и усовершенствованіе человѣческаго слова и писанія.

Ежели мы разсмотримъ тотъ порядокъ, по коему въ какомъ ни будь періодѣ расположены слова, то мы найдемъ чувствительную разность между древними и новѣйшими языками. Сіе разсужденіе послужитъ намъ къ вящшему изысканію разума человѣческаго слова, и къ открытію причинъ тѣхъ перемѣнъ, кои оной, во время постепеннаго усовершенствованія обществъ, претерпѣлъ.

Дабы ясно уразумѣть свойство сея перемѣны, должны мы, какъ прежде, обратиться къ самому первѣйшему состоянію человѣческаго слова. Вообразимъ себѣ дикаго человѣка, которой смотря на какой ни будь предметъ, какъ

то на пр: плодъ, которой онъ жадно желаетъ, и проситъ другаго подать ему оной. Положивъ, что онъ невѣдаетъ никакихъ словъ, безъ сумнѣнія будетъ онъ стараться содѣлаться вразумительнымъ чрезъ то, что начнетъ указывать прямо на тотъ предметъ, котораго онъ желаетъ, и притомъ поднимемъ сильной крикъ. Положивъ же, что онъ позналь слова, первое слово, которое онъ употребитъ, будетъ, безъ сумнѣнія, названіе желаемаго имъ предмета. Онъ конечно не изъяснится по нашему порядку и расположенію, дай мнѣ плодъ;,, но по Латин„скому, плодъ дай мнѣ,, —,, Fructum da mihi:,, по той очевидной причинѣ, что вниманіе его совершенно было устремлено на плодъ, такъ какъ предметъ его желанія. По сему можемъ мы заключить a priori, что сей порядокъ долженствовалъ быть тотъ, по кому реченія, во младенчествѣ человѣческаго сло́ва обыкновенно были располагаемы; и дѣйствительно находимъ мы, что по сему порядку расположены слова въ большей части древнихъ языковъ, какъ то, въ Греческомъ и Латинскомъ, и равнымъ образомъ, какъ сказываютъ, въ разныхъ Американскихъ языкахъ.

Новѣйшіе Европейскіе языки приняли различное отъ древнихъ разположеніе. Въ ихъ прозаичныхъ сочиненіяхъ употребляется весьма малая разнообразность въ разположеніи словъ; они наблюдаютъ наипаче одинъ порядокъ, которой можетъ быть названъ порядкомъ разума. Они полагаютъ въ своихъ идеяхъ, вопервыхъ то лицо или ту вещь, которая говоритъ или дѣйствуетъ, потомъ дѣйствіе оныя, а наконецъ предметъ сего оныя дѣйствія. Такимъ образомъ всякой новѣйшей писатель, изъявляя уваженіе къ какой ни будь великой особѣ, скажетъ.,, Не ,,возможно для меня прейти молчаніемъ толь ,,отмѣнную кротость, толь необычайное и ,,неслыханное снисхожденіе, и толь необык- ,,новенную умѣренность въ изъявленіи верь- ,,ховной власти.,, Здѣсь вопервыхъ представляется намъ то лицо, которое говоритъ, ,,не возможно для меня:,, по томъ, что оное же самое лицо дѣлаетъ, ,,не возможно для него прейти молчаніемъ; а на конецъ, тотъ предметъ, которой къ дѣйствію его побуждаетъ, ,,кротость, снисхожденіе и умѣрен- ,,ность его покровителя.,, Цицеронъ, изъ коего сіи слова преложены, совершенно перемѣняетъ сей порядокъ; онъ полагаетъ въ

началѣ тотъ предметъ, которой былъ въ душѣ глаголющаго возбудительною идеею, и заключаетъ глаголющимъ и его дѣйствіемъ.„ „Tantam manſvetudinem, tam inuſitatam inauditamque „clementiam, tantumque in ſumma poteſtate rerum om„nium modum, tacitus nullo modo praeterire poſſum.„ При семъ случаѣ должно замѣтить, что Латинской порядокъ болѣе пылкости; а новѣйшее расположеніе болѣе чистоты и явственности содержитъ.

Писаніе есть слѣдствіе изправленнаго языка, а по сему и послѣдовало уже въ разсужденіи времени, послѣ онаго. Знаки онаго суть двоякаго рода; или знаки вещамъ или знаки словамъ. Такимъ образомъ картины, Іероглифы, и знаки древними употребляемые, были перваго рода; а алфавитные знаки, употребляемые нынѣ Европейцами, суть послѣдняго.

Безъ сумнѣнія, картины были первые плоды трудовъ на изобрѣтеніе писанія употребляемыхъ. Во всѣ времена, всѣ народы были склонны въ подражанію. Сія ихъ склонность долженствовала быть вскорѣ употреблена къ разнымъ, хотя несовершеннымъ, описаніямъ произшествій, и къ содѣланію оныхъ незабвенными. Такимъ образомъ, дабы представить, что нѣкто умертвилъ другаго,

изображали они убитаго на землѣ лежаща, а убійцу стояща на немъ, и держаща смертоносное орудіе. Въ началѣ открытія Америки, сей родъ писанія былъ токмо одинъ, которой Мексиканцы вѣдали. Однакожъ оной подаетъ намъ весьма несовершенной способъ содержать дѣянія въ памяти; поелику посредствомъ таковыхъ картинъ могутъ однѣ токмо внѣшнія произшествія быть изображены.

Іероглифическіе знаки можно почесть за второй отдѣлъ искуства писанія. Они состоятъ въ нѣкоторыхъ знакахъ, выдуманныхъ для изображенія невидимыхъ предметовъ, по единому токмо подобію, кое таковые знаки, по положенію, съ самыми предметами изъявляютъ. Такимъ образомъ, око представляло ученость; кругъ, поелику не имѣетъ ни начала ни конца, былъ знакомъ вѣчности. Египетъ былъ та страна, въ которой сей родъ писанія наипаче былъ въ употребленіи, и гдѣ оной доведенъ до нѣкоего правильнаго искуства. Таковыми знаками вся превозносимая мудрость ихъ жрецовъ была выражаема. Они избрали животныхъ знаками нравственныхъ предметовъ, соображаясь въ семъ съ тѣми качествами, коими оныя, по мнѣнію ихъ, одарены. Такимъ образомъ, небла-

горазумїе было означаемо мухою; мудрость муравьемъ, а храбрость соколомъ. Но сей родъ писанїя былъ въ высочайшемъ степени преисполненъ догадокъ и непорядоченъ, а по сему и составлялъ весьма не совершенной способъ къ распространенїю знанїй.

Отъ Іероглифовъ дошелъ человѣческой родъ мало по малу до простыхъ по единопроизволенїю избранныхъ знаковъ, кои полагались вмѣсто самыхъ предметовъ, хотя въ прочемъ никакого подобїя или сходства съ означаемыми предметами не имѣли. Таковъ былъ тотъ родъ письма, которой употребляли Перувїанцы. Они употребляли тоненькїя ниточки разныхъ цвѣтовъ; и посредствомъ узелковъ на сихъ ниточкахъ по разнымъ сторонамъ навязаныхъ, и различно расположенныхъ, выдумали они знаки къ преподаванїю поученїя, и сообщенїю мыслей своихъ другъ другу. Употребляемое нынѣ Китайцами письмо состоитъ изъ таковыхъ же знаковъ. Они не имѣютъ буквеннаго алфавита, или простыхъ голосовъ, изъ коихъ бы слова ихъ были сложены; но каждой знакъ, которой они употребляютъ, означаетъ цѣлую идею, или какой ни будь предметъ. По сему число таковыхъ знаковъ должно быть

чрезвычайно велико. И подлинно, говорятъ, что оное простирается до семидесяти тысячь. Дабы совершенно познать оные, надлежитъ употребить къ сему всю жизнь; что самое препятствуетъ имъ въ распространеніи каждаго рода наукъ.

Очевидно, что Китайскіе знаки, подобно Іероглифамъ, не имѣютъ никакой связи съ языкомъ, и что оные означаютъ вещи, а не слова. Ибо сказываютъ, что Японцы, Тонквинцы и Карданы, кои, хотя всѣ особые имѣютъ языки, а не тотъ, коимъ говорятъ жители Китая, употребляютъ однакожъ въ письмѣ одинакіе съ ними знаки, а по сему и сходствуютъ вразумительно другъ съ другомъ въ писаніи, хотя въ прочемъ и не вѣдаютъ того языка, которымъ каждой изъ нихъ глаголетъ. Ариѳметическіе наши знаки 1, 2, 3, 4, и пр. суть примѣръ таковаго рода писанія. Они ни мало не зависятъ отъ словъ; каждой знакъ изображаетъ то число, въ мѣсто коего оной полагается, а чрезъ сіе самое, каждому изъ тѣхъ народовъ, кои согласны въ употребленіи таковыхъ знаковъ, равно вразумителенъ.

Первой поступъ къ изправленію несовершенства, двусмысленности, и затруднитель-

ности каждаго изъ упомянутыхъ способовъ сообщенія, состоялъ въ изобрѣтеніи таковыхъ знаковъ, кои могли быть полагаемы не прямо за вещи, но за тѣ слова, коими оныя вещи именовались и были означаемы. Кажется, что алфавитъ слоговъ изобрѣтенъ прежде, нежели алфавитъ буквъ. Сказываютъ что таковой алфавитъ находится и по нынѣ въ Эѳіопіи, и въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи. Но и самой лучшей изъ таковыхъ алфавитовъ, долженствовалъ быть несовершенъ и недѣйствителенъ; поелику число знаковъ, кое должно быть весьма велико, должно необходимо содѣлать какъ чтеніе такъ и писаніе весьма обстоятельнымъ и затруднительнымъ.

Кому мы одолжены превосходнымъ и остроумнымъ изобрѣтеніемъ буквъ, того неизвѣстно. Онѣ были принесены въ Грецію Кадмомъ Финикіаниномъ, который по лѣтоизчисленію Невтонову, былъ современникъ Царя Давыда. Алфавитъ его состоялъ изъ шестнадцати буквъ. Прочія приобщены послѣ, когда стало быть найдено, что между оными недоставало знаковъ для нѣкоторыхъ особыхъ голосовъ. Финикійской, Еврейской, Греческой и Римской алфави-

ты, сходствуютъ въ видѣ, именованіяхъ и разположеніяхъ буквъ до того, что не требуется никакого доказательства, что всѣ они совокупно произтекаютъ первоначально отъ одного источника.

Древніе писали отъ правой руки къ лѣвой. Сей образъ писанія, такъ какъ сіе показываютъ весьма старинныя надписи, былъ у Грековъ въ великомъ употребленіи. По томъ было у нихъ въ обыкновеніи писать попеременно сперьва отъ правой руки къ лѣвой, а потомъ отъ лѣвой руки къ правой. Надпись на славномъ Сигейскомъ монументѣ свидѣтельствуетъ о семъ образѣ писанія, которое продолжалось даже до дней Солона, славнаго Аѳинскаго законоположителя. Наконецъ, когда стало быть найдено, что движеніе отъ лѣвой руки къ правой гораздо естественнѣе и удобнѣе, то сей родъ писанія, сирѣчь отъ лѣвой руки къ правой, былъ принятъ всѣми Европейскими народами.

Сперьва писали на каменныхъ столпцахъ и каменныхъ плиткахъ, а по томъ на доскахъ изъ мягкихъ металловъ, каковъ есть свинецъ, дѣлаемыхъ. Когда же письмо стало быть еще въ большемъ употребленіи, то въ иныхъ странахъ употребляли къ тому

листы и кожу нѣкоторыхъ деревъ; а въ другихъ деревянныя доски, натертыя тоненько мягкимъ воскомъ, на коихъ выводимы были слова посредствомъ остроконечнаго желѣзца. Дѣланіе паргамента изъ звѣриныхъ кожъ, было изобрѣтено въ послѣдніе времена. Бумага оставалась въ неизвѣстности даже до 14 столѣтія.

Разположеніе человѣческаго слова.

Легко доказать можно, что обыкновенное раздѣленіе рѣчи на восемь частей: имена, мѣстоименія, глаголы, причастія, нарѣчія, предлоги, междуметія и союзы, не есть весьма точно; поелику подъ общимъ словомъ имена, разумѣются какъ прилагательныя, такъ и существительныя, кои суть части рѣчи одна отъ другой совершенно отмѣнныя, и притомъ по тому, что причастія составляютъ совсемъ особливую часть рѣчи, когда оныя не что иное суть, какъ прилагательныя, отъ глаголовъ происходящія. Однакожъ, поелику мы весьма заобыкли къ сему раздѣленію, и поелику для настоящаго нашего намѣренія логическая точность не нужна; то мы станемъ держатся сихъ частей, къ коимъ мы по привычкѣ столь заобыкли.

Существительныя имена суть основанїе грамматики, и самая старинная часть рѣчи. Когда люди стали употреблять болѣе, нежели простыя междуметїя или страстныя восклицанїя, и начали сообщать идеи свои другъ другу; то, безъ сумнѣнїя, принуждены они были назначать имена всѣмъ ихъ окружающимъ предметамъ. Куда бы они ни обратили взоръ свой, то вездѣ око ихъ должно было обрѣсти лѣса и деревья; означенїе деревъ особыми именами долженствовало быть безконечно. Общїя оныхъ свойства, какъ то, произрастенїе изъ корня, вѣтьви и листы, должны были произвести общую идею и общее именованїе. Родъ, *дерево*, должно было послѣ, по испытанїямъ и наблюденїямъ, раздѣлено быть на различные онаго виды, какъ то дубъ, сосна, ель и пр.

Однакожъ, безпрестанно были принимаемы одни токмо общїе члены рѣчи. Поелику дубъ, сосна, ель, были названїя цѣлыхъ чиновъ предметовъ, изъ коихъ каждой заключалъ въ себѣ превеликое число единицъ. Такимъ образомъ, когда въ разговорахъ упоминались имена, человѣкъ, левъ, дерево, то не возможно было знать, какой человѣкъ, какой левъ и какое дерево разумѣется, изо

всего того множества, которое подЪ однимЪ именемЪ заключается. На семЪ основывается весьма преполезной и прекрасной способЪ опредѣлять мнимой предметЪ, посредствомЪ той части рѣчи, кою мы именуемЪ членомЪ, и которая во всѣхЪ новѣйшихЪ языкахЪ. обрѣтается. Латинской языкЪ оной не имѣетЪ, но вмѣсто того употребляетЪ обыкновенно мѣстоименія hic, ille, iste. ОднакожЪ, кажется, что сіе можно вмѣнить вЪ недостатокЪ Латинскому языку, поелику члены, безЪ сумнѣнія, способствуютЪ весьма кЪ точности и опредѣленности.

Существительныя имена нетокмо имѣютЪ сіе качество, что различаются посредствомЪ члена, но имЪ принадлежатЪ еще другія три: число, родЪ и падежЪ, кои заслуживаютЪ быть разсмотрены.

Число, когда означаетЪ имя единственное или множественное, одного и тогоже самаго рода, именуется единственнымЪ или множественнымЪ; раздѣленіе, кое, во истинну, долженствовало произойти сЪ самымЪ первѣйшимЪ началомЪ человѣческаго слова; ибо люди ничто толь часто не были принуждены выражать, какЪ различіе между однимЪ и многими. ВЪ

Еврейскомъ, Греческомъ и нѣкоторыхъ другихъ древнихъ языкахъ, обрѣтаемъ мы не токмо множественное, но еще и двойное число, въ разсужденіи начала коего, можно весьма естественнымъ образомъ положить, что оно произошло тогда, когда не вѣдали еще особыхъ членовъ изчисленія, и когда одинъ, два, и много составляли всѣ числительныя раздѣленія, или по крайней мѣрѣ самыя главныя, кои люди сперьва въ нѣкоторыхъ случаяхъ употреблять могли,

Родъ, которой основывается на различіи двухъ половъ, можетъ по надлежащему причисленъ быть къ однимъ токмо одушевленнымъ тварямъ. Всѣ другія существительныя имена, долженствовали бы принадлежать къ тому роду, которой грамматики именуютъ среднимъ. Однакожъ въ большей части языковъ, большая часть неодушевленныхъ предметовъ, разположены такжe по различію мужескаго и женскаго пола. Такимъ образомъ на пр. въ Латинскомъ языкѣ, ensis мечь, есть мужескаго рода; sagitta стрѣла женскаго; кое назначеніе родовъ въ разсужденіи неодушевленныхъ предметовъ, кажется быть совершенно случайнымъ и произвольнымъ. Однакожъ въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, не

всѣ одушевленные предметы причислены къ мужескому или женскому роду; но многіе изъ оныхъ приписаны къ тому роду, къ которому бы они всѣ долженствовали быть причислены, а именно, къ среднему, какъ то: lignum, дерево; mare море. Но во Французскомъ и Италіанскомъ языкахъ, средней родъ совершенно неизвѣстенъ, и всѣ наименованія неодушевленныхъ предметовъ одинакимъ образомъ съ одушевленными тварями разположены, и безъ всякаго изъятія на мужескіе и женскіе раздѣлены. Въ Аглинскомъ языкѣ, когда ведется обыкновенной разговоръ, всѣ существительныя имена, кои не суть именованія одушевленныхъ тварей, суть безъ всякаго изъятія средняго рода. И можетъ быть, Аглинской языкъ есть одинъ во всемъ знаемомъ свѣтѣ, [изключая Китайской, которой, какъ сказываютъ, въ семъ съ онымъ сходствуетъ] въ которомъ раздѣленіе родовъ надлежащимъ образомъ и основательно утверждено.

Падежъ въ склоненіи, объясняетъ разположеніе или отношеніе одного предмета къ другому, означаемое посредствомъ нѣкоторой перемѣны, учиняемой обыкновенно въ начальныхъ, а въ нѣкоторыхъ языкахъ,

и въ послѣднихъ буквахъ имени онаго предмета; однакожъ не всѣ языки сходствуютъ, въ семъ образѣ выраженія. Склоненіе употребляется въ Греческомъ, Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ; а въ Аглинскомъ, Французскомъ и Италїянскомъ, оное не обрѣтается; или по крайней мѣрѣ находится въ весьма несовершенномъ состояніи. Сіи языки выражаютъ отношенія предметовъ, посредствомъ нѣкоторыхъ словъ, кои предлогами именуются, и кои не что иное суть, какъ означенія оныхъ отношеній, предъ именемъ предмета поставляемыя.

Получили ли новѣйшіе языки отъ того, что не приемлютъ ни какихъ падежей, красоту или пользу, о семъ можно еще сумнѣваться; однакожъ то точно извѣстно, что оные, отженивъ отъ себя то затрудненіе, которое происходитъ отъ различныхъ образовъ склоненія, и отъ разныхъ неправильностей во всѣхъ сихъ склоненіяхъ, коихъ въ Латинскомъ языкѣ находится пять, обрѣтающихся, содѣлались гораздо простѣе. Должно признаться, что новѣйшіе языки, восприявъ таковую простоту, изполнились множества такихъ небольшихъ словъ, предлогами имянуемыхъ, кои безпрестанно въ

каждомъ періодѣ попадаются, и что они, присоединивъ къ себѣ таковыя частицы, обременили кажется рѣчь, и ослабили силу оныя, чрезъ то самое, что содѣлали оную пространнѣе. Почему звукъ новѣйшихъ языковъ, лишась той разнообразности и того приятства, которое произтекаетъ отъ протяжности словъ, и отъ перемѣны окончаній, произходящей въ Греческомъ, Латинскомъ и Россійскомъ языкахъ отъ падежей, не сталъ быть толь приятенъ слуху. Самая же важнѣйшая невыгода, отъ изтребленія падежей произходящая, состоитъ, можетъ быть, въ томъ, что новѣйшіе языки лишаются той вольности въ разположеніи словъ, коею старинные пользуются.

Мѣстоименія, не что иное суть, какъ изображенія существительныхъ именъ, и подлежатъ тѣмъ же самымъ измѣненіямъ въ разсужденіи числа, рода и падежа. Однакожъ должно примѣчать, что мѣстоименія перваго и втораго лица, *я* и *ты,* не имѣютъ никакого различія въ родахъ ни въ какомъ языкѣ: ибо, поелику оныя всегда относятся къ лицамъ, кои другъ другу предстоятъ во время своего разговора, то полъ ихъ долженъ быть всегда видѣнъ, а посему и не-

требуетъ того, чтобъ былъ различенъ мужескимъ или женскимъ мѣстоименіемъ. Что же касается до третьяго лица, то, поелику оное можетъ быть въ отсутствіи или не извѣстно, различіе рода для онаго уже болѣе потребно, а посему и имѣетъ оно во всѣхъ языкахъ всѣ три рода. Что же принадлежитъ до падежей, то самые тѣ языки, кои не приемлютъ оныхъ въ существительныхъ именахъ, удерживаютъ иногда оные въ мѣстоименіяхъ для большей легкости въ выраженіи отношеній; поелику мѣстоименія столь часто въ разговорахъ попадаются.

Прилагательныя или означенія качествъ, какъ то: сильной, слабой, красивой, мерзкой, суть самыя простыя изо всего того роду словъ, кои именуются railрписными. Онѣ всѣмъ языкамъ свойственны, и должны были быть весьма рано изобрѣтены: ибо предметы не могли быть до толѣ различаемы, ниже въ разговорахъ упоминаемы, доколѣ не были назначены именованія различнымъ ихъ качествамъ.

Глаголы суть изо всѣхъ частей рѣчи, самые сложнѣйшіе и употребительнѣйшіе. По важности оныхъ можемъ мы справедливо

заключить, что они начало свое купно съ началомъ человѣческаго слова восприяли, хотя и долгое время потребно было къ тому, дабы довести ихъ до той точности, въ которой мы ихъ нынѣ обрѣтаемъ. Весьма вѣроятно, такъ какъ докт. Шмитъ оное замѣчаетъ, что коренной глаголъ, или самой начальной образъ онаго, въ большей части языковъ долженствовалъ быть тотъ, которой мы нынѣ безличнымъ глаголомъ именуемъ, какъ то: дождитъ, гремитъ и симъ подобные, поелику сей образъ глагола есть самой простой, и прямо объясняющей существованіе какого нибудь произшествія, или состояніе вещей. Потомъ, когда мѣстоименія стали быть изобрѣтены, то таковые глаголы сдѣлались мало по малу личными, и восприяли всѣ разныя времена и наклоненія.

Времена изобрѣтены для того, дабы глаголы могли быть примѣняемы ко всѣмъ различнымъ временамъ. Мы воображаемъ себѣ, вообще, не болѣе, какъ токмо три главныя раздѣленія времени, прошедшее, настоящее, и будущее; и можно положить, что ежели бы глаголы были разположены такъ, что однѣ бы токмо сіи времена выражали, то бы ничего болѣе не требовалось. Но человѣческое слово

поступаетъ съ большимъ искуствомъ и разборчивостію. Оно раздѣляетъ время на различныя онаго мгновенія; разсматриваетъ оное такъ, какъ будто оно ни когда не пребываетъ въ покоѣ, но всегда имѣетъ свое теченіе; разсуждаетъ о прошедшихъ вещахъ, такъ какъ съ большимъ или меньшимъ совершенствомъ сбывшихся; а о будущихъ такъ, какъ болѣе или менѣе отстоящихъ. Отъ сего происходятъ всѣ тѣ различныя времена, кои мы почти въ каждомъ языкѣ обрѣтаемъ.

Настоящее время можно по справедливости всегда почесть за нераздѣльное, неприемлющее никакихъ измѣненій; я гуляю. Но въ разсужденіи прошедшаго совсемъ инако. Даже и самой чистѣйшій языкъ имѣетъ два или три времени для выраженія разностей онаго. (*) Россійской языкъ имѣетъ оныхъ собственно два ибо во первыхъ разсуждаетъ онъ о всякомъ прошедшемъ дѣяніи такъ, какъ будто оно уже совершенно окончено, не опредѣляя

(*) Прим: здѣсь сочинитель начинаетъ говорить о разположеніи глаголовъ въ Аглинскомъ языкѣ; но я разсудилъ за благо выпустить оное, и помѣстить таковыя же разсужденія о глаголахъ Россійскаго языка, съ нѣкоторыми при томъ особенными замѣчаніями.

при томъ собственнаго сему окончанію времени, что составляетъ вообще прошедшее совершенное: во вторыхъ такъ, какъ будто оно уже за нѣсколько времени окончано, или прежде другаго какого нибудь также прошедшаго дѣянія, что составляетъ вообще давно прошедшее время. Въ обыкновенныхъ же грамматикахъ, причисляются къ прошедшему времени пять временъ, какъ то: прошедшее совершенное неопредѣленное, прошедшее совершенное однократкое, давнопрошедшее первое, давнопрошедшее второе, и давнопрошедшее третіе. Но поелику прошедшее совершенное неопредѣленное, разнится отъ прошедшаго совершеннаго однократнаго, не по времени, но единственно потому, что прошедшее совершенное неопредѣленное заключаетъ въ себѣ идею о неопредѣленномъ продолженіи оконченнаго дѣянія, прошедшее же совершенное однократное означаетъ продолженіе дѣянія однократное, то и не могутъ оныя быть почтены за времена, одно отъ другаго различныя; но должны быть вообще отнесены къ прошедшему совершенному времени. Равнымъ образомъ и назначаемыя въ грамматикахъ давно прошедшія времена, не могутъ быть почтены за вре-

мена, одно отъ другаго различныя, по тому, что всѣ онѣ имѣютъ одинакое знаменованіе, съ тою токмо разностію, что одно противу другаго означаетъ большую древность оконченнаго уже дѣянія. Да и не токмо не могутъ онѣ быть почтены за времена одно отъ другаго различныя; но едва ли можно и включать давно прошедшее второе и давно прошедшее третіе въ число временъ, по тому, что совершенное спряженіе глаголовъ въ Россійскомъ языкѣ не приемлетъ никакихъ иныхъ временъ, кромѣ тѣхъ, кои произходятъ отъ перемѣны въ окончаніи глаголовъ; упомянутыя же времена не составлены изъ особенныхъ перемѣнъ окончаній глаголовъ; но состоятъ изъ прошедшаго совершеннаго неопредѣленнаго, и изъ давно прошедшаго перваго, и не что иное суть, какъ сокращенной образъ рѣчи; ибо въ мѣсто того, чтобъ сказать, бывало время что я двигалъ, или бывало время что я двигивалъ, ввели мы въ употребленіе говорить, я бывало двигалъ, и я бывало двигивалъ, которое злоупотребленіе, вкореняясь паче и паче, и подало намъ на конецъ поводъ къ составленію изъ оныхъ сокращеній особыхъ временъ; хотя мы въ протчемъ и не имѣемъ къ сему ника-

кого права; а по сему самому и долженствовали бы отженить оныя совершенно отъ числа временъ глаголовъ, точно такъ, какъ мы такъ называемое сослагательное наклоненіе, кое чрезъ перемѣну окончаній глаголовъ составлено быть не можетъ, отъ числа обыкновенныхъ наклоненій отженяемъ.

Главныхъ перемѣнъ въ будущемъ времени въ Россійскомъ языкѣ щитается двѣ: будущее неопредѣленное, означающее продолженіе или учащеніе будущаго дѣянія, *я буду двигать*; и будущее однократное, означающее дѣяніе единожды совершиться имѣющее, *Я двину*.

Кромѣ временъ приемлютъ глаголы разные залоги, коихъ въ Россійскомъ языкѣ щитается шесть, а именно: 1) дѣйствительной, которой означаетъ дѣяніе отъ одной вещи къ другой преходящее и въ ней дѣйствующее; 2) страдательной, которой означаетъ страданіе вещи отъ дѣйствія другой происходящее; 3) возвратной, которымъ изображается дѣйствіе и страданіе отъ самаго себя на себяжъ произходящее; 4) взаимной, которой выражаетъ взаимное двухъ вещей дѣяніе; 5) средней, коимъ изображается дѣяніе вещей, никакого въ другихъ ве-

щахъ дѣйствія не производящее; 6) общей, который заключаетъ въ себѣ знаменованіе дѣйствительнаго купно со среднимъ. Они пріемлютъ также различныя наклоненія, коихъ въ Россійскомъ языкѣ щитается три, какъ то: изъявительное, повелительное и неокончательное. Изъявительнымъ наклоненіемъ изъявляемъ мы дѣяніе или страданіе вещи просто. Повелительное наклоненіе употребляемъ тогда, когда какое нибудь лице или какую нибудь вещь побуждаемъ къ дѣянію, или запрещаемъ производить оное. Неокончательное наклоненіе употребляемъ тогда, когда дѣяніе или страданіе вещи изображается, безо всякаго опредѣленія времени, числа и лица. Сей родъ выраженія утвержденій въ толь различныхъ видахъ, купно съ различіемъ трехъ лицъ я, ты и онъ, составляютъ то, что мы спряженіемъ глаголовъ именуемъ, кое весьма обширную часть грамматики всѣхъ языковъ составляетъ.

Совершеннѣйшее спряженіе глаголовъ имѣютъ тѣ языки, кои, перемѣняя или окончаніе или начальную букву глагола, выражаютъ большую часть важнѣйшихъ обстоятельствъ, безъ всякаго пособія вспомогательныхъ глаголовъ. Въ восточныхъ языкахъ,

глаголы имѣютъ мало временъ; но наклоненія ихъ такъ сложены, что могутъ выражать премногія различныя обстоятельства и отношенія. Въ Еврейскомъ языкѣ, говорится однимъ словомъ, безъ помощи какого нибудь вспомогательнаго глагола, не токмо я училъ, но я училъ съ точностію или часто; мнѣ приказано было учить; я самъ себя училъ. Греческой языкъ, которой есть самой совершеннѣйшей изъ всѣхъ языковъ, есть весьма порядоченъ и обиленъ во всѣхъ наклоненіяхъ и временахъ. Латинской языкъ, хотя сложенъ по тому же самому образцу, однакожъ не есть столь совершенъ; наипаче въ страдательномъ залогѣ, по тому, что составляетъ большую часть временъ онаго залога съ помощію вспомогательнаго глагола ſum я есмь. Въ новѣйшихъ Европейскихъ языкахъ спряженіе весьма недостаточно. Два главные вспомогательные глагола, имѣть и быть, купно съ другими вспомогательными же глаголами, кои обыкновенно поставляются предъ причастіями, замѣняютъ, по большой части, тѣ разныя окончанія наклоненій и временъ, кои составляютъ спряженія въ древнихъ языкахъ.

Другія части рѣчи, поелику не приемлютъ ни какихъ измѣненій, разсмотримъ мы кратко.

Нарѣчія суть сокращенной образъ рѣчи, выражающей однимъ словомъ то, что бы могло, чрезъ описаніе, быть раздѣлено на два или болѣе слова, принадлежащія къ другимъ частямъ рѣчи. На пр: храбро, есть тоже самое, что съ храбростію или съ бодростію. По сему кажется, что нарѣчія не столь нужны, и не столь давно введены въ рѣчь, какъ многіе другіе роды словъ; а по сему и общее употребленіе оныхъ взято съ другихъ реченій, кои прежде уже были изобрѣтены и утверждены въ словѣ человѣческомъ.

Предлоги и союзы служатъ къ выраженію отношеній, кои какія ни есть вещи между собою имѣютъ, ихъ обоюднаго вліянія, независимости, и связи; и сопрягаютъ слова въ понятныя и смыслъ заключающія предложенія. Союзы обыкновенно употребляются къ сопряженію періодовъ или членовъ оныхъ какъ то: *и*, *поелику* и симъ подобные. Предлоги употребляются къ соединенію словъ, изъявляя то отношеніе, которое какое ни есть существительное имя къ другому имѣетъ; какъ то: *отъ*, *къ*, и проч. Красота

и сила каждаго слова зависятъ, по большой мѣрѣ, отъ приличнаго употребленія союзовъ, предлоговъ и тѣхъ относительныхъ мѣстоименій, кои служатъ къ тому же самому намѣренію, а именно къ сопряженію различныхъ частей рѣчи.

Такимъ образомъ разсмотрѣвъ расположеніе человѣческаго слова вообще, заключимъ теперь сію статью нѣкоими особенными замѣчаніями касательно гибкости языка и важности въ усовершенствованіи онаго.

Гибкость языка, или способность онаго быть или важнымъ и сильнымъ, или легкимъ и плавнымъ, или нѣжнымъ и тихимъ, или великолѣпнымъ и высокимъ, смотря по случаямъ, есть весьма важное свойство какъ въ разговорахъ, такъ и въ писаніи. Кажется, что оно зависитъ отъ обильности языка, отъ различныхъ разположеній, кои слова онаго восприять могутъ, и отъ разнородности и красоты звука таковыхъ словъ, различнымъ предметамъ соотвѣтствующихъ. Греческой языкъ имѣетъ сіи свойства въ большемъ степени, нежели всякой другой. Къ сему присовокупляется также пріятная разнородность различныхъ его нарѣчій; чрезъ что самое дѣйствительно приобрѣтаетъ онъ вся-

кое свойство, кое токмо какой ни будь писатель желать можетъ, отъ самаго простаго и обыкновеннаго, даже до самаго великолѣпнаго и высокаго. Латинской языкъ, хотя чрезвычайно прiятенъ, однакожъ, въ разсужденiи сего, не можетъ сравниться съ Греческимъ. Онъ болѣе имѣетъ постоянное свойство надменности и важности; и подкрѣпляется нѣкоторымъ почтительнымъ достоинствомъ; лишать его сего достоинства, смотря по случаямъ, не возможно для писателя. Между новѣйшими языками, Италiанской имѣетъ большую гибкость, нежели Французской, и есть, какъ кажется, самой совершеннѣйшей изо всѣхъ новѣйшихъ нарѣчiй, изъ развалинъ древнихъ языковъ произшедшихъ.

Но не смотря ни на степень совершенства сего свойства, ни на прочiя выгоды и недостатки, заслуживаетъ дѣйствительно всякой языкъ, въ самомъ высочайшемъ степени, вниманiя и раченiя того народа, которой онымъ говоритъ. Греки и Римляне, въ самое то время, когда достигли высочайшей степени славы своея, занимались весьма усовершенствованiемъ своихъ языковъ. Французы и Италiянцы употребили также вели-

кое раченіе на изправленіе своихъ языковъ; и примѣръ ихъ есть дѣйствительно прехвальной, и заслуживаетъ подражанія. Ибо, коликое бы познаніе ни было приобрѣтено посредствомъ познанія другихъ языковъ; но оно не можетъ быть никогда сообщено съ пользою, какъ токмо одними тѣми, кои въ состояніи писать и говорить собственнымъ своимъ языкомъ правильно и искусно. Предметъ какого ни есть писателя можетъ быть самъ по себѣ столь хорошъ и столь полезенъ, сколь токмо возможно; однакожъ при всемъ томъ, сочиненіе его никогда не приобрѣтетъ достодолжнаго отъ общества почтенія, ежели выраженія его не имѣютъ потребной явственности и красоты. При томъ, приобрѣтеніе правильнаго и чистаго слога, есть предметъ такой, которой требуетъ упражненія и труда. Ежели кто предполагаетъ, что онъ можетъ оной приобрѣсть однимъ слухомъ, и скорымъ чтеніемъ нѣкоторыхъ наилучшихъ писателей, то тотъ весьма ошибается. Многія грамматическія ошибки, многія нечистыя выраженія, обрѣтаемыя въ такихъ писателяхъ, кои уважаются, доказываютъ, что рачительное упражненіе въ словѣ

во перьвыхъ потребно для того, кто желаетъ писать правильно и красно.

Слогъ, явственность и точность.

Слогъ есть особый образъ выраженія нашихъ понятій посредствомъ *слова*. Онъ не что иное есть, какъ изображеніе тѣхъ идей, кои раждаются въ душѣ нашей, и того порядка, по коему оныя одна за другой произходятъ.

Качество хорошаго слога можно разположить на два отдѣла: ясность и украшеніе. Всякъ охотно признаетъ, что ясность необходимо должна быть сопряжена съ каждымъ родомъ писанія: ибо безъ оной, самыя блестящія украшенія, просїяваютъ токмо сквозь міракъ, и вмѣсто того, чтобы услаждать читателя, затрудняютъ его. Ежели мы принуждены бываемъ слѣдовать за писателемъ весьма тщательно, останавливаться и двукратно читать его періоды, дабы выразумѣть его совершенно; то онъ намъ никогда долгое время нравиться не будетъ. Люди съ лишкомъ равнодушны къ тому, дабы могли находить удовольствїе въ таковомъ трудѣ. Хотя они, уразумѣвъ писа-

телеву мысль, и утверждаютъ, что удивляются его глубокомыслїю; однакожъ рѣдко бываютъ наклонны въ другой разъ просмотрѣть его творенїе.

Ежели кто желаетъ приобрѣсть ясность въ слогѣ, то онъ долженъ разсматривать со вниманїемъ, во первыхъ простыя слова и реченїя, а по томъ расположенїе перїодовъ. Для приобрѣтенїя ясности въ словахъ и реченїяхъ, потребны слѣдующїя три свойства: *чистота*, *пристойность* и *точность*.

Чистота и пристойность языка употребляются часто одна вмѣсто другой, безъ всякаго различїя; и въ самомъ дѣлѣ онѣ весьма близко между собою совокуплены. Однакожъ различїе между ими должно быть сдѣлано: чистота состоитъ въ употребленїи такихъ словъ и такихъ разположенїй, кои принадлежатъ собственно къ нарѣчїю того языка, коимъ мы говоримъ; въ противность такимъ словамъ и реченїямъ, кои взяты изъ другихъ языковъ, или кои вновь выдуманы, или кои не всѣми приняты. Пристойность состоитъ въ выборѣ такихъ словъ, которыя самое лучшее и самое основательнѣйшее употребленїе присвоило къ тѣмъ идеямъ, которыя мы стараемся оными выразить. Она заключаетъ

въ себѣ правильное и благоразумное оныхъ употребленіе, въ противность обыкновеннымъ или низкимъ выраженіямъ, и тѣмъ словамъ и реченіямъ, кои не могутъ выразить тѣхъ идей, кои не стараемся изобразить. Слогъ можетъ быть чистъ, то есть, безъ всякихъ неграмматическихъ выраженій; но при всемъ томъ можетъ онъ быть недостаточенъ въ пристойности. Слова могутъ быть худо избраны; могутъ не соотвѣтствовать предмету, ниже выражать совершенно мысли писателя. Онѣ безъ сумнѣнія взяты изъ общаго словаря; но токмо выборъ оныхъ не очень удаченъ. Однакожъ слогъ, не имѣя чистоты, можетъ быть пристоенъ; совокупленіе чистоты и пристойности, дѣлаетъ оной пріятнымъ и явственнымъ.

Настоящей смыслъ слова *точности* уразумѣемъ мы изъ произведенія онаго. Оно произходитъ отъ глагола *тогу*, и означаетъ отсѣченіе всего излишняго, и обсѣченіе выраженія такимъ образомъ, чтобы оное не изъявляло ни больше ни меньше, какъ одно токмо точное изображеніе идеи того, кто оное употребляетъ.

Слова употребляемыя къ выраженію идей, могутъ быть въ трехъ случаяхъ непра-

вильны: онѣ могутъ или выражать не ту идею, которую сочинитель мнитъ, но какую нибудь другую, которая токмо оной подобна, или имѣетъ къ оной нѣкоторое токмо отношенїе; или онѣ могутъ выражать сїю идею не полно и несовершенно; или онѣ могутъ выражать оную купно съ чемъ нибудь большимъ, нежели сколько въ оной дѣйствительно заключается. Точность противополагается симъ тремъ погрѣшностямъ, а наипаче послѣдней, въ которую малосмыслящїе писатели весьма легко впадаютъ. Они употребляютъ множество словъ для того, дабы, такъ какъ они мнятъ, содѣлаться съ большею явственностїю вразумительными; но вмѣсто сего приводятъ токмо читателя въ замѣшательство. Образъ, которой они предъ читателя поставляютъ, видитъ уже сей двоякимъ; но никакой двоякой образъ не бываетъ явственъ. Когда писатель повѣствуетъ намъ о *храбрости* своего Ироя, тогда выраженїе его есть точно, и мы разумѣемъ оное совершенно. Но ежели онъ, по единому желанїю размножать слова, станетъ возвеличивать его храбрость и твердость, то въ тоже самое мгновенїе, когда онъ совокупитъ сїи слова вмѣстѣ, идея

наша начнетъ колебаться. Онъ думаетъ выразить одно качество съ большимъ ударенїемъ; но вмѣсто того дѣйствительно выражаетъ два. Храбрость противится опасности; твердость сноситъ тяготы. Случай изъявлять каждое изъ сихъ качествъ, есть различной; а поелику мы принуждены бываемъ представлять себѣ оба вмѣстѣ, когда бы токмо одинъ изъ оныхъ долженствовалъ занимать наше вниманїе, то видъ нашъ дѣлается непостояннымъ, и понятїе наше о предметѣ неявственнымъ.

Немалой источникъ вольнаго слога, точности противоположнаго, доставляетъ неразборчивое и неудачное употребленїе тѣхъ словъ, кои мы однозначащими именуемъ. Едва ли, въ какомъ ни есть языкѣ, найдутся два слова, кои бы точно выражали одинакую идею; человѣкъ знающїй совершенно свойства языка, всегда будетъ въ состоянїи примѣтить что нибудь такое, въ чемъ оныя одно отъ другаго отходятъ. Во всякомъ языкѣ можно представить весьма многїе примѣры различїя въ смыслѣ тѣхъ словъ, кои почитаются за однозначащїя; и поелику сїе есть дѣло великой важности, то мы предложимъ нѣкоторые изъ оныхъ примѣровъ.

Удивленный, изумленный. Мы удивляемся тому, что ново или неожидаемо; мы изумляемся всему тому, чего понять не можемъ.

Самолюбіе, тщеславіе. По самолюбію мы сами себя уважаемъ; изъ тщеславія ищемъ мы людскаго уваженія.

Надмѣнность, презрѣніе. Надмѣнность основывается на томъ высокомъ мнѣніи, которое мы о самихъ себѣ имѣемъ; презрѣніе на томъ низкомъ мнѣніи, которое мы о другихъ имѣемъ.

Устать, утомиться. Отъ продолженія одного и тогоже самаго дѣла мы устаемъ; а отъ трудовъ утомляемся. Человѣкъ отъ стоянія устаетъ; отъ гулянія утомляется.

Найти, открыть. Мы находимъ то, что ново; мы открываемъ то, что было токмо сокрыто. Галилей нашелъ телескопъ; Гарвей открылъ теченіе крови.

Цѣлой, полной. Вещь цѣла тогда, когда не недостаетъ ей ни единой части; а полна тогда, когда не недостаетъ ей ничего того, что къ оной слѣдуетъ. Человѣкъ можетъ занимать цѣлой домъ, хотя и не имѣетъ ни единаго полнаго покоя.

Спокойствіе, миръ, тишина. Спокойствіе означаетъ разположеніе, само по себѣ отъ всякаго смятенія свободное; миръ означаетъ тоже самое разположеніе въ отношеніи къ какимъ ни есть причинамъ могущимъ прервать оное; тишина есть такоеже разположеніе, относящееся токмо къ какому ни есть возмутительному состоянію; прежде или послѣ онаго приключившемуся. Доброй человѣкъ наслаждается спокойствіемъ въ самомъ себѣ, миромъ съ другими, а тишиною послѣ какой ни есть бури.

Довольно, достаточно. Довольно относится къ количеству какой ни есть вещи, которое мы имѣть желаемъ. Достаточно относится къ употребленію, къ которому оная вещь назначена. Посему, довольно означаетъ обыкновенно большее количество, нежели достаточно. Сребролюбецъ никогда довольно не имѣетъ; хотя и есть у него все то, что достаточно для его потребъ.

Сіи суть, между прочими, немногіе примѣры словъ, кои беззаботными писателями легко могутъ быть приняты за однозначащія. Чемъ болѣе будемъ мы разсматривать и вникать въ различіе смысла таковыхъ

словЪ, тѣмЪ сЪ большею точностію и большею силою будемЪ мы говорить и писать.

Разположеніе періодовъ.

Надлежащее разположеніе періодовЪ есть столь важно для каждаго рода сочиненій, что не возможно намЪ сЪ лишкомЪ уже подробно или обстоятельно вникнуть вЪ оное. Ибо каковЪ бы предметЪ ни былЪ, ежели токмо періоды разположены непристойно, безпорядочно или слабо, то не возможно чтобы сочиненіе, состоящее изЪ таковыхЪ періодовЪ могло быть читано сЪ удовольствіемЪ, или еще сЪ пользою. Но наблюдая правила относящіяся кЪ сей части слога, приобрѣтемЪ мы искуство изЪясняться ясно и красиво; и ежели случайно какой ни есть безпорядокЪ произойдетЪ вЪ нашихЪ періодахЪ, то мы непосредственно найдемЪ гдѣ оной скрывается, и будемЪ вЪ состояніи оной изправить.

Кажется, что самыя существеннѣйшія свойства совершеннаго періода суть слѣдующія пять: 1. ясность и точность, 2. одинакость, 3. сила, 4. согласіе.

Двусмысленность противоположна ясности и точности, и произходитъ отъ двухъ причинъ; или отъ неправильнаго выбора словъ, или отъ неправильнаго разположенія оныхъ. О выборѣ словъ, поколику оной относится къ ясности, мы уже говорили. О разположеніи оныхъ, станемъ мы теперь говорить. Главнѣйшее правило касательно разположенія періодовъ состоитъ въ томъ, чтобы слова или члены имѣющіе между собою весьма близкое отношеніе, полагать въ періодѣ столь близко одно подлѣ другаго, сколь токмо возможно; дабы тѣмъ яснѣе видно было взаимное ихъ отношеніе. Сіе правило бываетъ часто пренебрегаемо даже и самыми хорошими писателями. Не многіе примѣры покажутъ какъ важность, такъ и употребленіе онаго.

Въ разположеніи нарѣчій, кои употребляются для опредѣленія знаменованія чего ни есть такого, что передъ ними находится, или послѣ ихъ слѣдуетъ, большая часть замысловатости вышла уже изъ употребленія. „Подъ великостію, говоритъ г. Аддисонъ, „я не разумѣю величину каждаго пред„мета, но обширность всего вида. Здѣсь положеніе нарѣчія *не* ограничиваетъ слѣ-

дующее слово, *разумѣю*. ,,Я не разу- ,,мѣю.,, Можно вопросить, что же онъ дѣлаетъ, ежели не разумѣетъ? ежели бы онъ положилъ оное послѣ *величину*, то все бы еще оно было положено неправильно; ибо тогда можно бы было вопросить, какихъ же предметовъ величину разумѣетъ онъ? красивыхъ ли или другихъ какихъ? Приличнѣйшее онаго мѣсто, есть безспорно, предъ словомъ *величину*: ,,Подъ великостію разумѣю я не величину каждаго предмета; ибо тогда, ежели бы было вопрошено, что же онъ кромѣ великости разумѣетъ? отвѣтствовать бы можно было точно по мыслямъ писателя: ,,обширность всего вида. ,,Ѳеисмъ, говоритъ Лордъ Шефтесбури, можетъ единственно быть противоположенъ Полиѳеисму или Аѳеисму.,, Посему можно вопросить, не уже ли Ѳеисмъ ни къ чему иному неспособенъ, какъ токмо къ тому, чтобъ быть противоположну Полиѳеисму, или Аѳеисму? Таковъ есть смыслъ словъ, произходящей отъ непристойнаго положенія слово *единственно*. Онъ долженствовалъ бы сказать тако: ,,Ѳеисмъ можетъ быть противоположенъ *единственно* Полиѳеисму или Аѳеисму. Таковая неточность

не произведетъ никакого важнаго замѣшательства въ разговорахъ, поелику голосъ и удареніе употребляемое при произношеніи оныхъ словъ обыкновенно служатъ къ показанію ихъ отношенія, и къ содѣланію смысла явственнымъ; но въ писаніи, гдѣ человѣкъ говоритъ оку, а не уху, слѣдовало бы ему быть гораздо точнѣе; и долженствовалъ бы онъ сопрягать таковыя нарѣчія съ словами, знаменованіе коихъ они опредѣляютъ, такъ чтобъ смыслъ его, по самому первому взгляду, не можно было ложно толковать.

Ежели какое ни есть обстоятельство полагается среди періода, то иногда потребно нѣкоторое искуство опредѣлить мѣсто онаго такимъ образомъ, чтобъ оной період не заключалъ въ себѣ никакого двусмыслія. На примѣръ, „сіи намѣренія, суть ли таковы, говоритъ Лордъ Болинброкъ, разсуж. о частяхъ въ под. пис. „что всякъ, кто родя-„ся въ Британіи, въ какихъ бы то ни „было обстоятельствахъ, и въ какомъ бы „то ни было положеніи, долженъ стыдиться „или ужасаться въ оныхъ признаться?„ Здѣсь находимся мы въ сумнѣніи, принадлежатъ ли слова *въ какихъ бы то ни*

было обстоятельствахъ, въ какомъ бы то ни было положеніи, къ человѣку рожденному въ Британіи, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и въ какомъ бы то ни было положеніи, или къ человѣку признающемуся въ своихъ намѣреніяхъ, въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, и въ какомъ бы то ни было положеніи, до коего бы онъ могъ дойти? Ежели сочинитель старался выразить сей последней смыслъ, такъ какъ сіе сходственнѣе быть кажется, то разположеніе долженствовало бы быть сдѣлано тако: „суть „ли сіи намѣренія таковы, что всякъ, кто „родился въ Британіи, долженъ стыдиться „ся или ужасаться, въ какихъ бы то „ни было обстоятельствахъ, и въ ка„комъ бы то ни было положеніи, признать„ся въ оныхъ?„

Большее еще вниманіе и стараніе потребно къ надлежащему разположенію относительныхъ мѣстоимеѣній, *который, которая, которое,* и всѣхъ тѣхъ частицъ, кои выражаютъ взаимную связь частей рѣчи. Поелику всякое разсужденіе зависитъ отъ сего сопряженія, то мы никогда не можемъ быть съ лишкомъ точны въ разсужденіи о-

наго. Малая погрѣшность можетъ затмить разумъ всего періода, и даже тамъ, гдѣ смыслъ виденъ; но при всемъ томъ сіи относительныя частицы худо расположены, находимъ мы всегда нѣчто непристойное и несвязное въ расположеніи періода. Слѣдующія слова, взятыя изъ проповѣдей Епископа Шерлока (Томъ 2. рѣч. 15) послужатъ примѣромъ симъ замѣчаніямъ. „Безразсудно утверждать, „что мы ополчаемъ себя противу житей„скихъ злоключеній, уповая на сокровища, „противу коихъ ничто не можетъ насъ „защитить, какъ токмо одно мудрое про„видѣніе небеснаго нашего Отца.„ Мѣстоименіе *которой* всегда по грамматикѣ относится къ самому ближайшему существительному имени, которое въ настоящемъ случаѣ есть *сокровища*, что самое лишило бы весь періодъ смысла. Онъ долженствовалъ бы быть разположенъ такъ: „без„разсудно утверждать, что мы, уповая „на сокровища, ополчаемъ себя противу „житейскихъ злоключеній, противу коихъ „ничто не можетъ насъ защитить, какъ „токмо одно мудрое провидѣніе нашего не„беснаго Отца.

Теперь пришупимъ мы ко вшорому свойству благорасположеннаго періода, кое мы именовали одинакосшїю. Сіе есшь необходимое свойсшво. Всякой періодъ вмѣщаешъ въ себѣ одно предложенїе, кошорое должно бышь выражено. Онъ дѣйсшвишельно можешъ сосшояшь изъ часшей; но сїи часши должны бышь между собою сшоль шѣсно соединены, чшобы въ душѣ произходило впечашлѣнїе одного предмеша, а не многихъ.

Дабы соблюсши шаковую одинакосшь, должно вопервыхъ замѣшишь, чшо въ продолженїе шеченїя періода, дѣйсшвїе должно бышь перемѣняемо сшоль мало, сколь шолько возможно. Обыкновенно во всякомъ періодѣ, какое ни есшь лице, или какая ни есшь вещь управляешъ словомъ. Сїе и должно шакъ продолжашься, ежели возможно, ошъ самаго начала періода даже до конца онаго. Положимъ чшо кшо ни будь обълснился шако: „По шомъ, когда мы бросили „якорь, высадили они меня на берегъ, гдѣ я „поздравляемъ былъ всѣми моими друзьями, „кои приняли меня съ наивеличайшею ра„досшїю.„ Здѣсь хошя предмешы довольно соединены, однакожъ ошъ шаковаго пред-

ставленія, отъ толь частаго премѣненія мѣста и лица, *мы* и *они*, и *я*, и *кои*, оказываются они въ толь несвязномъ видѣ, что чувствіе связи почти теряется. Періодъ можетъ получить надлежащую одинакость, ежели будетъ разположенъ слѣдующимъ образомъ: „бросивъ якорь, высаженъ я былъ на берегѣ, гдѣ и поздравляемъ былъ всѣми моими пріятелями, кои приняли меня съ наивеличайшею радостію.

Другое правило состоитъ въ томъ, чтобы никогда не вмѣщать въ одинъ періодъ чего ни есть такого, что толь малую имѣетъ связь, что можетъ еще быть раздѣлено на два или болѣе періода. Преступленіе сего правила обыкновенно причиняетъ оскорбленіе и неудовольствіе читателю. Дѣйствіе сего проступка, въ самомъ дѣлѣ, столь непріятно, что изъ двухъ крайностей, та надежнѣе, когда мы погрѣшаемъ съ лишкомъ многими краткими періодами, нежели однимъ такимъ, которой съ лишкомъ уже наполненъ и перебитъ. Слѣдующей періодъ, преложенной изъ Плутарха, оправдитъ сіе мнѣніе: „ Походъ ихъ, говоритъ сочинитель, повѣствуя о Грекахъ во времена Алек-

сандра, простирался чредъ дикую стра-
„ну, коея обитатели ѣли весьма охотно,
„хотя и не имѣли другихъ ѣствъ, кромѣ нѣко-
„тораго рода лелящихъ барановъ. коихъ мясо
„было тухло и невкусно, по той причинѣ,
„что они безпрестанно кормятся морскою
„рыбою. Здѣсь дѣйствіе часто перемѣняется.
Походъ Грековъ, описаніе жителей, чрезъ
коихъ страну они шли, повѣствованіе о ихъ
баранахъ, и причина для которой бараны
ихъ невкусны, составляютъ смѣсь предме-
товъ весьма неважное отношеніе другъ ко
другу имѣющихъ, кои читатель не можетъ,
безъ великой трудности, вмѣстить подъ
одинъ видъ.

Другое правило къ соблюденію одинако-
сти періодовъ состоитъ въ томъ, чтобы
въ срединѣ оныхъ совершенно избѣгать всѣхъ
вмѣстительныхъ. Онѣ могутъ въ нѣкоторыхъ
случаяхъ имѣть такой видъ, яко бы онѣ
были возбуждены нѣкоторою живностію мы-
сли, которая бы могла, поелику оная прос-
тиралась далѣе, при случаѣ особенно быть
изображена. Но вообще дѣйствіе ихъ чрез-
вычайно негодно, поелику онѣ составляютъ
безпорядочной образъ разположенія какой
ни есть мысли, которую писатель не умѣ-

етъ ввести въ надлежащее ей мѣсто. Не нужно приводить сему примѣры, поелику оныя толь часто у неправильныхъ, писателей попадаются.

Мы присовокупимъ еще одно правило для одинакости періода, кое состоитъ въ томъ, чтобы доводить оной до полнаго и совершеннаго заключенія. Крайне нужно замѣчать, что неоконченной періодъ со всемъ не есть періодъ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ грамматическимъ правиламъ. Но часто попадаются такіе періоды, кои суть болѣе, нежели окончаны. Когда мы достигли того мѣста, которое по ожиданію нашему долженствовало быть заключеніемъ; когда мы дошли до того слова, на коемъ душа тѣмъ самымъ, что прежде было сказано, побуждается остановиться; то нечаянно входитъ какое ни есть обстоятельство, которое бы или долженствовало быть упущено, или разположено со всемъ инымъ образомъ. Такимъ образомъ, на примѣръ, въ слѣдующемъ періодѣ, взятомъ изъ г. Виллъама Темпля, прибавленіе къ періоду совершенно излишно. Говоря о Бурнетовой Ѳеоріи земли, и о Фонтенеловомъ множествѣ міровъ:,, первый, говоритъ ,,онъ, не могъ заключить ученое свое раз-

„сужденіе безъ того, чтобы не возхва-
„лить новѣйшую ученость въ сравненіи пре-
„жней; а другой съ толикою грубостію
„охуждаетъ древнее стихотворство, и пре-
„возноситъ новое, что я не могъ читать
„ни которое изъ сихъ разсужденій безъ
„нѣкотораго негодованія, которое произ-
„весть во мнѣ никакое людское качество
„не можетъ столь удобно, какъ то, когда
„кто самъ собою доволенъ. Слово негодо-
ваніе долженствовало бы заключить періодъ; все то, что по немъ слѣдуетъ, есть совсемъ ново, и прибавлено уже по надлежащемъ заключеніи.

Разположеніе періодовъ.

Теперь приступимъ мы къ третьему качеству правильнаго періода, кое мы именовали силою. Подъ симъ качествомъ разумѣется такое разположеніе различныхъ словъ и членовъ, кое бы могло выразить смыслъ наилучшимъ образомъ, содѣлать то впечатлѣніе, кое посредствомъ періода стараемся мы произвесть самымъ полнымъ и совершеннымъ, и дать каждому слову и каждому члену надлежащую силу и важность.

Для произведенія сего дѣйствія, ясность и одинакость, безъ сумнѣнія, необходимо нужны; однакожъ онѣ сами по себѣ еще недостаточны. Ибо періодъ можетъ быть довольно явственъ; можетъ быть довольно хорошо связанъ, или имѣть потребную одинакость; но при всемъ томъ, ради нѣкотораго неудачнаго обстоятельства въ разположеніи, можетъ оной быть недостаточенъ въ той силѣ или въ той живости впечатлѣнія, кою бы удачнѣйшее разположеніе произвело.

Первое правило, которое мы предписать можемъ къ увеличенію силы періода, состоитъ въ томъ, чтобы не вмѣщать въ оной никакихъ излишнихъ словъ. Все то, что можетъ быть удобно въ умѣ предполагаемо, лучше выпускать въ самомъ выраженіи: Такимъ „образомъ:„ довольствуясь однимъ тѣмъ, что „заслужилъ тріумфъ, отринулъ онъ почесть „онаго„ сказано лучше нежели, „будучи доволенъ однимъ тѣмъ, что заслужилъ тріумфъ, „отринулъ онъ почесть онаго.„ По сему, безъ сумнѣнія, одно изъ самыхъ преполезнѣйшихъ упражненій въ правильности, состоитъ въ томъ, чтобы во всемъ томъ, что мы о какомъ ни есть предметѣ писали и слагали, сокращать повсюду наши выраженія, и от-

сѣкать всѣ тѣ безполезныя излишества, кои обыкновенно еще въ первомъ начертаніи находятся. Однакожъ мы должны стараться дабы не впасть въ противоположную крайность, и не обсѣкать столь плотно, чтобы слогъ могъ здѣлаться твердымъ и сухимъ. Нѣсколько листьевъ должно оставлять для охраненія и украшенія плода.

Такъ какъ періоды не должны вмѣщать въ себѣ никакихъ излишнихъ словъ, такъ равнымъ образомъ не должны они имѣть и никакихъ излишнихъ членовъ. Противное сему производитъ ту погрѣшность, которую мы часто обрѣтаемъ, а именно, что послѣдней членъ періода бываетъ иногда не что иное, какъ повтореніе перваго, въ отмѣнномъ токмо одѣяніи. На примѣръ, говоря о красотѣ, ,,самое первѣйшее обрѣтеніе оныя, говоритъ ,,г. Аддисонъ, наполняетъ душу внутреннею ,,радостію, и разпространяетъ удовольствіе ,,по всѣмъ ея способностямъ. Въ семъ примѣрѣ, едва ли что присовокуплено вторымъ членомъ періода къ тому, что уже выражено въ первомъ: и хотя красивый слогъ г. Аддисона укрываетъ такое нерадѣніе; однакожъ вообще справедливо, что слово от-

вергнувъ всю шаковую излишнюю обстоятельность, приобрѣтаетъ большую силу и большую красоту.

Второе наставленіе, кое мы должны дать къ увеличенію силы періода, состоитъ въ томъ, чтобы наипаче вникать въ употребленіе соединительныхъ, относительныхъ и всѣхъ тѣхъ частицъ, кои употребляются для перехода и соединенія. Нѣкоторыя примѣчанія въ разсужденіи сего предмета, которой кажется заслуживаетъ особаго замѣчанія, должны быть здѣсь упомянуты.

Надлежитъ стараться избѣгать всего того, что мы разумѣемъ подъ разсѣченіемъ частицъ, или раздѣленіемъ предлоговъ отъ именъ, коими они управляютъ; такъ на пр: ежели бы мы сказали, „ведетъ на высокой горы верьхъ,, вмѣсто того, чтобы сказать, „ведетъ на „верьхъ горы высокой.„ При таковыхъ примѣрахъ раждается нѣкоторый родъ досады, происходящей отъ насильственнаго раздѣленія двухъ вещей, кои бы, по существу своему, долженствовали быть наитѣснѣйшимъ образомъ между собою соединены.

Простота слога еще болѣе страждетъ отъ излишняго размноженія относительныхъ и доказательныхъ частицъ: такъ ежели бы

какой ни будь писатель сказалъ, „нѣтъ ни-„чего, что бы для меня толь скоро сдѣлалось „противнымъ, какъ пустая лѣпота слова: то бы онъ не столь просто объяснился, какъ ежели бы сказалъ, „ничто не дѣлается для „меня толь скоро противнымъ, какъ пустая „лѣпота слова.„ Первой образъ выраженія, чрезвычайно приличенъ во введеніи какого ни есть предмета, или въ начертаніи такого предложенія, которое требуетъ особаго вниманія; но въ обыкновенныхъ разговорахъ, послѣдней предпочтительнѣе.

Что касается до упущенія относительныхъ частицъ, то мы замѣтимъ токмо то, что въ разговорахъ и письмахъ, могутъ оныя часто съ благопристойностію быть упущаемы; но въ сочиненіяхъ важныхъ и достоинственныхъ, всегда ихъ помѣщать должно.

Въ разсужденіи союзной части *и*, которая толь часто во всякихъ сочиненіяхъ попадается, различныя можно сдѣлать замѣчанія. Очевидно, что излишнее повтореніе оныя ослабляетъ слогъ. Выпуская оную совершенно, означаемъ мы часто большую связь, и гораздо быстрѣйшее послѣдованіе предметовъ, нежели когда бы оная была

между ими помѣщена. ,,Veni, vidi, vici;. — ,,Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ;,, выражаетъ съ большимъ духомъ быстрость побѣды, нежели когда бы соединительныя частицы были употреблены. Но когда мы желаемъ предохранить себя отъ быстраго прехожденія отъ одного предмета къ другому, и когда мы изчисляемъ предметы, кои, сколько возможно, желаемъ отличить другъ отъ друга, тогда относительныя частицы могутъ быть съ великою пользою умножаемы. Такъ говоритъ Лордъ Болинброкъ съ красотою и благопристойностію, ,,пусть таковой человѣкъ падетъ въ жертву могуществу; но купно съ ,,нимъ падутъ и добродѣтель, и умъ, и ,,вольность.

Третіе правило къ увеличенію силы какого ни есть періода, состоитъ въ томъ, чтобы главныя слова ставить въ тѣхъ мѣстахъ періода, гдѣ оныя могутъ произвести самое чувствительнѣйшее впечатлѣніе. Во первыхъ должно стараться о явственности; свойства нѣкоторыхъ языковъ не доставляютъ обширную вольность въ выборѣ разположенія. Вообще, главныя слова полагаются въ началѣ періода. Такимъ образомъ г. Аддисонъ: ,,пріятности воображе-

„нїя, взятыя во всей своей обширности, „ниже столь велики, какъ пріятности „чувствъ, ниже столь нѣжны, какъ пріят-„ности ума. Кажется, что сей порядокъ есть самой простой и естественной. Иногда же, когда мы намѣряемся выразить періодъ съ удареніемъ, то не худо отложить главную мысль на нѣкоторое время, а потомъ помѣстить оную во всей ея обширности на концѣ. Такъ, говоритъ г. Попе, съ кото-„рой бы стороны мы ни разсматривали Го-„мера, то всегда находимъ мы, что удиви-„тельные его вымыслы суть то, что наипаче „насъ поражаетъ.„

Четвертое правило въ разсужденіи силы періодовъ состоитъ въ томъ, чтобъ члены оныхъ располагать такъ, чтобы они возвышались одинъ послѣ другаго по мѣрѣ своея важности. Сей родъ расположенія именуется возхожденіемъ, и почитается въ сочиненіи за красоту. По чему оное нравится, сіе довольно явно. Во всѣхъ вещахъ, естественнымъ образомъ, пріятнѣе намъ достигать вящшихъ и вящшихъ красотъ, нежели слѣдовать по обратному порядку. Видя какой ни есть важной предметъ, не можемъ мы безъ негодованія быть отъ онаго отвлече-

ны для того, дабы устремить вниманіе наше на какое ни есть низкое обстоятельство. Cavendum eſt, говоритъ Квинтиліанъ, ne decreſcat oratio, & fortiori ſubjungatur aliquid infirmius; ,,должно остерегаться того, чтобы слово ,,не упадало, и чтобъ послѣ сильнаго вы- ,,раженія, не послѣдовало какое ни есть сла- ,,бое.,, Когда періодъ состоитъ изъ двухъ членовъ, то тотъ изъ нихъ, которой подлиннѣе, долженъ быть вообще заключительнымъ. Чрезъ сіе облегчается весьма произношеніе; и мы, поелику краткой членъ періода положенъ въ началѣ, поступая ко второму, сохраняемъ оной въ нашей памяти гораздо удобнѣе, и видимъ взаимную нхъ связь гораздо явственнѣе. Такимъ образомъ, ежели бы кто сказалъ, ,,когда страсти на- ,,ши насъ оставили, тогда ласкаемся мы ,,мечтою, будто бы мы оныя оставили; то бы сіе было гораздо пріятнѣе и гораздо явственнѣе, нежели когда бы онъ съ длинной части предложенія началъ: мы ла- ,,скаемся мечтою, будто бы мы страсти ,,наши оставили, когда онѣ оставили насъ.

Пятое правило къ сложенію періодовъ съ надлежащею силою, состоитъ въ томъ, чтобы остерегаться заключать оныя какимъ ни

есть нарѣчіемъ, предлогомъ или инымъ какимъ маловажнымъ словомъ. Таковыми заключеніями слогъ всегда ослабляется и унижается. Иногда же, когда важность смысла зависитъ наипаче отъ таковыхъ словъ, могутъ оныя дѣйствительно съ благопристойностію занимать опредѣленное главное мѣсто. На примѣръ, мы не найдемъ ни какой погрѣшности въ слѣдующемъ періодѣ Болинброка: „въ благополучіи своемъ, друзья „мои не слушали меня никогда; въ нещастіи „своемъ, всегда; въ коемъ *никогда* и *всегда*, поелику суть слова удареніе въ себѣ заключающія, разположены такъ, что производятъ сильное впечатлѣніе. Когда же таковыя малыя части рѣчи, вводятся такъ какъ нѣкія обстоятельства, или означенія свойствъ важнѣйшихъ словъ, тогда долженствуютъ онѣ непремѣнно быть разположены въ самыхъ невиднѣйшихъ частяхъ періода.

Равнымъ образомъ никакая рѣчь, выражающая токмо какое ни будь обстоятельство, не можетъ заключать періодъ безъ великой непристойности и неприятности. Обстоятельства дѣйствительно уподобляются нескладнымъ камнямъ въ какомъ ни есть

строеніи, кои, такЪ сказать, испытываютЪ искуство художника вЪ разсужденіи того, куда бы оныя помѣстить сЪ малѣйшею непристойностію. Мы должны тщательно остерегаться помѣщать сЪ лишкомЪ много оныхЪ вкупѣ, а лучше располагать оныя по разнымЪ частямЪ періода, сопряженнымЪ сЪ тѣми главными словами, отЪ коихЪ оныя зависятЪ. ТакимЪ образомЪ, напримѣрЪ, говоритЪ ДеканЪ СвифтЪ, „то, что я имѣлЪ честь „объявить вашему Сіятельству за нѣсколь„ко времени вЪ бесѣдѣ, не была какая ни „будь новая мысль.„ — (Письмо кЪ Оксфордскому графу). Сіи два обстоятельства, *за нѣсколько времени*, и *вЪ бесѣдѣ*, которыя здѣсь сопряжены, могли бы быть лучше раздѣлены такимЪ образомЪ: то, что я имѣлЪ честь за нѣсколько времени объявить вашему Сіятельству вЪ бесѣдѣ.

ПослѣДнее правило, о которомЪ мы должны упомянуть касательно силы періода, состоитЪ вЪ томЪ, что вЪ тѣхЪ членахЪ онаго, вЪ коихЪ двѣ вещи сравниваются или одна другой противополагается и вЪ коихЪ посему или подобіе или противоположность стараемся мы выразить, нѣкоторое сходство вЪ рѣчахЪ и вЪ расположеніи должно быть со-

блюдаемо. Слѣдующее мѣсто взятое изъ предисловія г. Попе, кое онъ сдѣлалъ къ своему Гомеру, прекраснымъ примѣромъ утверждаетъ данное нами правило: „Гомеръ былъ большій „умъ; Виргилій лучшій художникъ: въ одномъ, „удивляемся мы мужу; а въ другомъ, тво„ренію. Гомеръ побуждаетъ насъ съ какимъ „то повелительнымъ насиліемъ; Вирги„лій ведетъ насъ съ нѣкоторымъ прият„нымъ величествомъ. Гомеръ разсѣваетъ съ „великодушнымъ изобиліемъ; Виргилій дару„етъ со спокойною пышностію. Гомеръ, по„добно Нилу, изливаетъ всѣ свои сокровища „съ внезапнымъ разлитіемъ; Виргилій подоб„но рѣкѣ, текущей въ берегахъ своихъ оди„наково. И когда мы воззримъ на образъ ихъ „дѣйствій, то кажется, что Гомеръ ужасами „своими, потрясая Олимпъ, метая молніи, и „воспламеняя небеса, подобится собствен„ному своему Опитеру; а Виргилій, благо„склонностію своею, совѣтуясь съ Богами, „предлагая начертанія къ управленію, и рас„поряжая все созданіе, уподобляется тойже „самой власти.„ Таковые періоды, ежели оные съ пристойностію вводятся, и не часто бывают повторяемы, имѣютъ ощутительную и приманчивую красоту; но еже-

ли мы станемъ вводить таковое разположеніе во всѣ наши періоды, то преобразится оно въ неприятную одновидность, произведетъ правильное согласіе въ періодѣ, кое слуху будетъ тягостно, и ясно окажетъ принужденное пристрастіе.

Разположеніе періодовъ, согласіе.

Разсмотрѣвъ періоды въ отношеніи къ ихъ смыслу, подъ заглавіями явственности, одинакости, и силы, разсмотримъ мы теперь оныя въ отношеніи къ ихъ звуку, ихъ согласію, или приятности для слуха.

Въ согласіи періодовъ двѣ вещи должны быть разсматриваемы: во перьвыхъ, приятный звукъ, или теченіе вообще, безъ всякаго особаго выраженія: во вторыхъ, такое разположеніе звука, посредствомъ коего могъ бы оной выражать смыслъ. Первое весьма обще; а второе составляетъ превосходную красоту.

Очевидно, что красота мусикійскаго разположенія зависитъ отъ выбора словъ и разположенія оныхъ. Тѣ слова наипаче приятны слуху, кои состоятъ изъ мягкихъ и плавныхъ звуковъ, въ коихъ надлежащимъ обра-

зомъ разположены гласныя и согласныя, и въ коихъ нѣтъ толь много твердыхъ согласныхъ, кои бы стояли одна подлѣ другой, или толь много гласныхъ, кои бы слѣдовали одна послѣ другой, дабы могли произвесть зѣвъ, или неприятное отверстіе устъ. Долгія слова вообще приятнѣе для слуха, нежели односложныя; и тѣ суть наипаче слуху приятны, кои не сложены изъ однихъ токмо долгихъ или короткихъ словъ, но состоятъ какъ изъ тѣхъ, такъ и изъ другихъ; каковы суть слѣдующія слова: *мудрый*, *славный*, *честный*, *кроткій*. Однакожъ слова, составляющія періодъ, коль бы хорошо онѣ ни были избраны, и коль бы согласны онѣ ни были, теряютъ совершенно свое согласіе, коль скоро бываютъ неискусно расположены. Въ примѣръ согласнаго періода, можемъ мы взять слѣдующей періодъ изъ Мильтона, изъ разсужденій его о воспитаніи: „мы приведемъ „васъ къ наклонному холму, дѣйствительно „но въ началѣ для возходящаго трудному, „но въ прочемъ столь ровному, столь зеленому, „столь обильному приятными видами и сладостными отовсюду звуками, „что и самая Лира Орфея не была прелестнѣе.„

Согласіе періода зависитъ наипаче отъ двухъ вещей, а именно: отъ пристойнаго разположенія различныхъ членовъ онаго, и отъ заключенія всего.

Во первыхъ, замѣчаемъ мы, что въ разсужденіи разположенія разныхъ членовъ должно тщательно быть внимательну. Все то, что легко и пріятно орудіямъ рѣчи, всегда звукомъ своимъ сладостно слуху. Между тѣмъ, когда какой ни есть періодъ продолжается, оканчиваніе каждаго изъ его членовъ производитъ въ произношеніи остановку; и таковыя остановки должны быть разположены такъ, чтобы теченіе духа было всегда свободно; и при томъ должны оныя обрѣтаться въ таковыхъ разстояніяхъ, чтобъ могли сохранять другъ ко другу нѣкоторую согласную соразмѣрность. Сіе наилучше можетъ быть объяснено примѣрами. Слѣдующее мѣсто взято изъ сочиненій Архіепископа Тиллотсона: „сія рѣчь, заключающая въ себѣ „легкость Божіихъ заповѣдей, всегда пред„полагаетъ и признаетъ трудности перваго „поступа по пути къ вѣрѣ; изключая токмо „тѣхъ особъ, кои имѣли щастіе быть руко„водствуемы къ вѣрѣ легкими и нечувстви-

,,тельными поступами благочестиваго и до-
,,бродѣтельнаго воспитанія.,, Сей періодъ не
есть согласенъ; наипаче по тому, что въ немъ
находится собственно одна токмо остановка, обрѣтающаяся между двумя членами, на
кои оной раздѣленъ, изъ коихъ каждой столь
длиненъ, что для произношенія онаго потребно великое напряженіе духа. Разсмотримъ теперь, напротиву сего, приятность слѣдующаго мѣста, взятаго изъ г. Вилліама Темпля,
гдѣ онъ говоритъ съ поруганіемъ о человѣкѣ:
,,Но слава Богу, надменность его превышаетъ
,,его невѣжество; и то, чего недостаетъ ему
,,въ свѣденіи, замѣняетъ онъ довольствіемъ.
,,Когда онъ обозрѣлъ около самаго себя столь
,,далеко, сколь токмо возможно было, тог-
,,да заключаетъ онъ, что нѣтъ ничего, что
,,бы можно было еще видѣть; когда онъ на-
,,ходится на концѣ своего чура, тогда об-
,,рѣтается онъ у предѣловъ океана; когда
,,выстрѣлилъ онъ столь хорошо, сколь ток-
,,мо могъ, тогда убѣжденъ онъ, что никто
,,не стрѣлялъ или не можетъ стрѣлять луч-
,,че или далѣе его. Собственной свой разумъ
,,почитаетъ онъ за точную мѣру истинны;
,,а собственное свое знаніе, за свѣденіе все-

„го того, что токмо возможно въ природѣ. Здѣсь, каждая вещь, и для духа сносна и для слуха приятна„, Однакожъ, должно замѣчать, что ежели сочиненіе изобилуетъ такими періодами, кои имѣютъ съ лишкомъ много остановокъ, разположенныхъ по такимъ мѣстамъ, кои съ лишкомъ очевидно размѣрены и по порядку разположены, то оное можетъ удобно изъявить нѣкоторую принужденную привязанность.

Другая вещь, требующая нашего вниманія, есть заключеніе всего періода. Единое важное правило, которое можетъ быть въ семъ случаѣ дано, состоитъ въ томъ, что ежели мы стремимся къ важности или высокости, то звукъ долженъ возрастать даже до конца; самые длинные члены періода, и самыя полныя и наибольшаго звука преисполненныя слова, должны быть употреблены въ заключеніи. Въ примѣръ сему, можетъ быть приведенъ слѣдующей періодъ г. Аддисона: „Оно на„полняетъ душу„, говоря о зрѣніи, „обшир„нѣйшею разнообразностію идей; обращает„ся съ предметами своими въ самой большей „отдаленности; и наидолѣе пребываетъ

„въ дѣйствіи, не чувствуя себя утомленнымъ „или насыщеннымъ собственнымъ своимъ на„слажденіемъ;„ здѣсь долженъ каждой читатель ощущать красоту, какъ въ правильномъ раздѣленіи членовъ и остановокъ, такъ и въ круглости періода, и въ полномъ и согласномъ заключеніи онаго.

Должно примѣчать, что малыя слова, въ заключеніи періода, суть вредны согласію, и противны силѣ выраженія, такъ какъ мы сіе уже показали. Равнымъ образомъ должно замѣчать, что слова, состоящія по большой части изъ короткихъ слоговъ, каковы суть: *условіе*, *сердечный*, *мудрствованіе*, рѣдко съ согласіемъ окончиваютъ періодъ, ежели прежде несодѣланы, стеченіемъ длинныхъ слоговъ, слуху пріятными.

Однакожъ періоды, разположенные такъ, что звукъ безпрестанно возвышается и увеличивается къ концу, и останавливается или на послѣднемъ или предпослѣднемъ длинномъ слогѣ, придаютъ разговору голосъ народной рѣчи. Ежели голосъ не перемѣняется, то оной вскорѣ будетъ извѣстенъ слуху, и оному наскучитъ. Періоды одинакимъ образомъ разположенные, съ остановками въ равныхъ разстояніяхъ, не должны никогда

одинъ послѣ другаго слѣдовать. Короткіе періоды должно полагать между длинными и пышными, дабы чрезъ сіе дать слову живость и содѣлать оной великолѣпнымъ.

Теперь приступимъ мы къ разсматриванію вышшихъ родовъ согласія; а имянно, звука къ смыслу примѣненнаго. Таковаго согласія можемъ мы замѣтить двѣ степени: вопервыхъ, теченіе звука по содержанію слова избраннаго: во вторыхъ, особое сходство произведенное между нѣкоторымъ предметомъ и звуками въ описаніи онаго употребляемыми.

Звуки имѣютъ, во многихъ отношеніяхъ, нѣкоторую внутреннюю соотвѣтственность съ нашими идеями, которая частію бываетъ естественна, частію же чрезъ искуственныя сопряженія идей производится. По сему, всякое продолжительное теченіе звука, впечатлѣваетъ въ слогъ нашъ нѣкоторое достоинство и выраженіе. Періоды, сложенные съ Цицероновою полностію и высокостію возбуждаютъ въ насъ идею важности, великолѣпія и спокойствія; однакожъ они ни мало не приличествуютъ къ выраженію какой ни есть сильной страсти, какого ни есть быстраго разсужденія и дружественнаго разговора.

Сіи требуютъ мѣръ живѣйшихъ, удобнѣйшихъ, и болѣе сокращенныхъ. Столь же бы смѣшно было писать дружественное письмо, и надгробное слово одинакимъ слогомъ, какъ и вмѣщать слова какой ни есть нѣжной любовной пѣсни, въ голосъ какого ни есть воинскаго марша.

Сверьхъ общей соотвѣтственности, кою теченіе звука имѣетъ съ теченіемъ мысли, должно иногда стараться выразить нѣкоторые предметы еще отмѣннѣе, посредствомъ сходственныхъ съ оными звуковъ. Сіе сходство должны мы искать наипаче въ поэзіи. Иногда попадается оно дѣйствительно и въ прозаичныхъ сочиненіяхъ, но всегда въ малой и низкой степени.

Звуки словъ могутъ быть употребляемы наипаче къ описанію трехъ родовъ предметовъ, а имянно: другихъ звуковъ, движенія, волненій и страстей душевныхъ.

Въ большей части языковъ находимъ мы, что наименованія многихъ отмѣнныхъ звуковъ составлены такъ, что сохраняютъ нѣкоторое сходство съ тѣмъ звукомъ, которой они означаютъ; таковыя наименованія, между прочими, суть слѣдующія: *свистъ* вѣтра, *жужжаніе* насѣкомыхъ, *шипѣніе* змѣй, и *хру*-

стѣніе ниспадшаго бревна, въ коихъ слово очевидно составлено по звуку, которой оное изображаетъ. (*)

Другой родъ предметовъ, къ подражанію коихъ звукъ словъ часто употребляется, есть движеніе, поколику оно быстро или медлительно, стремительно или плавно, равномѣрно или порывисто, легко или сильно. Между звукомъ и движеніемъ нѣтъ естественнаго сродства; однакожъ въ воображеніи нашемъ сильное сродство между ими находится; такъ какъ мы сіе видѣть можемъ по той связи, которая находится между плясаніемъ и музыкою. По сему можетъ стихотворецъ произвесть въ насъ живую идею о томъ родѣ движенія, кое онъ описать захочетъ, посредствомъ звуковъ оному движенію въ воображеніи нашемъ соотвѣтствующихъ. Длинные слоги естественнымъ

(*) При семъ случаѣ приводитъ сочинитель изъ Милтона два мѣста, въ примѣръ той красоты, которая произходитъ отъ употребленія оныхъ словъ; но какъ никоторое изъ оныхъ мѣстъ не можетъ быть преложено на Россійской языкъ во всей своей красотѣ и во всемъ своемъ достоинствѣ, то и разсудилъ я за благо оныя выпустить, уповая при томъ, что читателямъ таковые примѣры уже изъ Россійскихъ стихотворцовъ извѣстны.

образомъ возбуждаютъ идею медлительнаго движенія; какъ то въ слѣдующей строкѣ Виргилія:

Olli inter ſeſe magna vi brachia tollunt.

Послѣдованіе коротких слоговъ производитъ впечатлѣніе быстраго движенія; какъ то:

Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus.

Творенія Гомера и Виргилія изобилуютъ примѣрами сея красоты, кои столь часто упоминаются, и столь всѣмъ извѣстны, что не нужно оныя приводить.

Третій родъ предметовъ, о коихъ мы упомянули, что они могутъ быть изображены посредствомъ звука словъ, состоитъ въ движеніяхъ или страстяхъ душевныхъ. Между смысломъ и звукомъ не оказывается, по первому взгляду, никакого естественнаго подобія. Но ежели разположеніе слоговъ, по одному токмо звуку, возбуждаетъ одинъ родъ идей скорѣе, нежели другой, и разполагаетъ сердце къ той страсти, которую стихотворецъ старается возбудить; то о таковомъ разположеніи можно съ пристойностію сказать, что оно подобится смыслу, или подобно и соотвѣтственно оному. Такимъ образомъ когда удовольствіе, радость и пріятные предметы

описываетъ тотъ, кто дѣйствительно чувствуетъ свою идею, тогда естественнымъ образомъ описанїе его переходитъ въ нѣжные, мягкїе и плавные стихи.

——— Namque ipſa decoram
Cæſariem nato genetrix, lumenque juventæ
Purpureum, & lætos oculis afflarat honores.

Енеид. I.

Пылкїя и живыя чувствованїя возбуждаютъ самой быстрѣйшей и самой живѣйшей родъ стиховъ.

——— Iuvenum manus emicat ordens Littus in Heſperium.

Ен. VII.

Печальные и мрачные предметы естественнымъ образомъ соединяемы бываютъ протяжными мѣрами и длинными словами.

Въ пещерахъ, въ пустыняхъ, гдѣ умъ тотъ обитаетъ,
Что въ кротости страны небесны созерцаетъ.

Посредственное знанїе или древнихъ или новѣйшихъ хорошихъ стихотворцовъ, доставитъ множество такихъ примѣровъ.

Произхожденїе и свойства фигурныхъ рѣчей.

Фигурами можно опредѣлить ту часть человѣческаго слова, которая произошла

или отъ воображенія, или отъ страстей. Риторы раздѣляютъ оныя обыкновенно на два большіе рода, на фигуры словъ, и на фигуры мыслей. Первый оныхъ родъ называется вообще тропами, и состоитъ въ употребленіи какого ни есть слова, къ означенію чего ни будь такого, что совсемъ отъ первоначальнаго его знаменованія разиствуетъ. По сему, ежели въ фигурѣ слово перемѣнится, то и вся фигура разрушится: такимъ образомъ, на примѣръ, когда мы говоримъ о человѣкѣ, что онъ имѣетъ каменное сердце, то тропъ состоитъ въ томъ, что слово *каменное* берется не писменно, но употребляется къ возраженію жестокосердія, съ коимъ состояніемъ души, предполагаемъ мы, что оно имѣетъ нѣкоторое сходство. Другой родъ, названной фигурами мыслей, предполагаетъ, что фигура состоитъ въ одномъ токмо смыслѣ, между тѣмъ, когда слова употребляются въ писменномъ своемъ знаменованіи; какъ то: въ восклицаніяхъ, вопрошеніяхъ, обращеніяхъ и сравненіяхъ, въ коихъ, не смотря на то, что слова перемѣняются, или съ одного языка на другой прелагаются, таже самая фигура безпрестанно пребываетъ. Однакожъ сіе различіе есть весьма маловажно,

поелику при самомъ употребленіи фигуръ оно ни мало не вспомоцествуетъ, ниже само собою довольно явно.

Тропы производятъ начало свое, нѣкоторымъ образомъ, отъ недостатка языка, но большею частію отъ вліянія, кое воображеніе на всякую рѣчь имѣетъ. Воображеніе никогда не разсматриваетъ какую ни есть идею такъ какъ особую и одинакую, но такъ какъ сопровождаемую другими идеями, которыя можно почесть соотвѣтственны ми оной. Сіи соотвѣтственныя идеи часто дѣйствуютъ на душу съ большимъ удареніемъ, нежели самая главная. Можетъ статься, что оныя по свойству своему приятнѣе, или нашимъ понятіямъ извѣстнѣе, или напоминаютъ намъ большую разнообразность важныхъ обстоятельствъ. Сего для и употреблено названіе соотвѣтственной идеи; хотя главная идея и имѣетъ свое собственное и при томъ весьма извѣстное имя. Такимъ образомъ, на примѣръ, когда мы желаемъ изобразить то время, въ теченіе коего какое ни есть государство наслаждалось самою большею именитостію и славою, то мы легко бы могли употребить надлежащія слова къ выраженію сего, но поелику сіе въ воображеніи

нашемъ, удобно сопряжено съ цвѣтущимъ временемъ растѣнія или дерева, то мы, предпочитая сію соотвѣтствующую идею, говоримъ: „Римское государство процвѣтало на-„ипаче во времена Августа. Начальникъ какого ни есть дѣла можетъ быть просто выраженъ; но поелику глава есть главная часть всего человѣческаго вида, и почитается правителемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій; то по сему подобію говоримъ мы въ фигурномъ смыслѣ, „Катилина былъ глава своего общества.

Теперь изслѣдуемъ мы, по чему тропы или фигуры способствуютъ къ красотѣ и приятству слога. Они обогащаютъ языкъ, и дѣлаютъ оной обильнымъ. А отъ сего самого умножаются слова и выраженія, удобныя какъ къ изображанію всѣхъ видовъ идей, такъ и къ описанію самыхъ малѣйшихъ различій, самыхъ нѣжнѣйшихъ тѣней и цвѣтовъ мысли, которыя бы одними пристойными словами не возможно было изобразить. Посему доставляютъ они слогу важность, которая обыкновенно простыми выраженіями бываетъ унижаема. Фигурная рѣчь имѣетъ съ высокимъ предметомъ туже самую связь, какую богатый и сіяющій уборъ имѣетъ съ чиновною и име-

нитою особою. Вѣ прозаичныхѣ сочиненїяхѣ таковое пособїе часто бываетѣ потребно; отѣ поезїи оно нераздѣльно: сказать, *солнце восходитѣ*, есть весьма употребительно и обыкновенно; но оно получитѣ великолѣпной видѣ, когда изобразится такѣ какѣ г. Томсонѣ сїе учинилѣ: *но является оный владыко дня сѣ веселїемѣ на востокѣ.*

Фигуры доставляютѣ намѣ удовольствїе наслаждаться безѣ всякаго замѣшательства двумя предметами, вѣ одно и тоже самое время виду нашему предлагаемыми, а именно главною идеею купно соотвѣтствующи оной, кои доставляютѣ ей фигурной видѣ. Когда, на примѣрѣ, вмѣсто *молодости* говоримѣ мы *утро дня*, тогда воображенїе занимается вдругѣ всѣми соотвѣтствующими обстоятельствами, между сими двумя предметами встрѣчающимися. Вѣ одной тоже самое время, зримѣ мы нѣкоторое время человѣческой жизни и нѣкоторое время дня вѣ такомѣ между собою соединенїи, что воображенїе веселится между ими сѣ удовольствїемѣ, и видитѣ вѣ одно время два подобныя предмета, безѣ всякаго затрудненїя или замѣшательства.

Сверьхѣ сего, приносятѣ намѣ фигуры ту выгоду, что доставляютѣ главному

предмету гораздо яснѣйшей и разительнѣйшей видъ, нежели какой бы онъ могъ получить ежели бы былъ выраженъ простыми словами, и не имѣлъ бы соотвѣтствующей своей идеи. Онѣ сообщаютъ тому предмету, къ коему онѣ прилагаются, картинѣ подобной видъ; могутъ нѣкоторымъ образомъ преобразить отвлеченное понятіе въ ощутительной предметъ; окружаютъ оной обстоятельствами, кои дѣлаютъ душу способною къ твердому онаго объятію и къ разсматриванію онаго во всей обширности. Хорошо избранною фигурою также и убѣжденіе утверждается, и всякая истинна съ большею живностію и силою въ душу впечатлѣвается. Такимъ образомъ въ слѣдующемъ мѣстѣ Докт. Юнга: ,,Когда мы погружаемся съ лишкомъ глубоко ,,въ удовольствіе, то всегда возмущаемъ нѣ-,,которой осадокъ, отъ коего дѣлается оное ,,мутнымъ и вреднымъ.,, Когда какой ни есть видъ изображаетъ такое сходство между нравственною и ощутительною идеею, тогда служитъ оной, подобно всякому доказательству изъ подобія взятому, къ утвержденію того, что сочинитель предлагаетъ, и къ произведенію убѣжденія.

Поелику всѣ тропы основываются на отношенiи, которое одинъ предметъ къ другому имѣетъ, то имя одного предмета можетъ быть полагаемо вмѣсто имени другаго, что самое, какъ намъ кажется, вообще увеличиваетъ живность идеи. Отношенiе между причиною и оныя дѣйствiемъ, есть одно изъ первыхъ и самыхъ обыкновеннѣйшихъ. Посему причина иногда въ фигурномъ смыслѣ вмѣсто дѣйствiя полагается. На примѣръ, г. Аддисонъ, описывая Италiю, говоритъ:

Въ едино время тамъ мы зримъ и цвѣтъ и плодъ.
И въ милой смѣси такъ проходитъ цѣлой годъ.

Здѣсь подъ *цѣлымъ годомъ* очевидно думаетъ сочинитель означить дѣйствiя или произведенiя всѣхъ временъ года. Посему дѣйствiе часто вмѣсто причины полагается; какъ то *сѣдые волосы* вмѣсто *старыхъ лѣтъ*, кои производятъ сѣдые волосы и *тѣнь* вмѣсто *деревъ*, кои тѣнь причиняютъ. Отношенiе, обрѣтающееся между содержащимъ и содержимою вещiю, столь тѣсно и столь явно, что естественнымъ образомъ служитъ источникомъ троповъ. Такимъ образомъ на пр. говоритъ Дидона въ 4й книгѣ Енеиды.

О! Боже мой, уйдетъ пришлецъ сей насмѣявшись
Или не хочетъ градъ за нимъ бѣжать въ погоню?

Гдѣ явно видѣть можно, что градъ полагается вмѣсто жителей во градѣ живущихъ. По сему названіе какой ни есть страны часто употребляется къ означенію жителей оныя. Молить о вспомоществованіи небесъ, есть тоже самое, что молить о вспомоществованіи Бога на небесахъ живущаго. Отношеніе между знакомъ и означаемою вещію, есть другой источникъ троповъ. Такимъ образомъ, говоря *сѣдину должно почитать* употребляемъ мы признакъ стариковъ, то есть, сѣдину, вмѣсто самыхъ стариковъ. Тропы, основывающіеся на различныхъ отношеніяхъ причины и дѣйствія, содержащимъ и содержимымъ, знакомъ и означаемою вещію, именуются Метониміею.

Когда тропъ основывается на отношеніи между предъидущимъ и послѣдующимъ, тогда именуется оной Металепсисомъ. Такимъ образомъ было у Римлянъ въ употребленіи говорить, fuit, *былъ* или vixit, *жилъ* для означенія что тотъ о комъ идетъ рѣчь, уже померъ. Fuit Ilium et ingens gloria Teucrum, то есть, *Была Троя и великая Троянъ слава*, выражаетъ, что слава Трои уже изчезла.]

Ежели цѣлое полагается вмѣсто части, или часть вмѣсто цѣлаго, родъ за видъ, видъ за родъ, единственное число вмѣсто множе-

ственнаго, множественное вмѣсто единственнаго; вообще, ежели какая ни есть меньшая или большая вещь вмѣсто точно мнимаго предмѣта полагается, тогда фигура имянуется Синекдохою. На примѣръ мы говоримъ: *флотъ*, состоящїй *изъ толь многихъ ларусовъ* вмѣсто *кораблей;* мы часто употребляемъ *главу* вмѣсто *особы*, *полюсъ* вмѣсто *земли*, *волны* вмѣсто *моря*. Свойство часто употребляется вмѣсто того предмета, которому оное принадлежитъ; какъ то *младость* и *красота*, вмѣсто *младый* и *красивый*; а иногда и обратно. Но не нужно долѣе заниматься таковымъ изчисленїемъ. Метафору, которая основывается на отношенїи подобїя и сходства, и которая есть самой обильнѣйшїй тропъ, разсмотримъ мы въ слѣдующей главѣ.

Метафора.

Метафора совершенно основывается на подобїи одного предмета съ другимъ. По сему наиближайше сопряжена она съ сравненїемъ, и разнствуетъ отъ онаго токмо въ томъ, что короче выражается. Когда мы говоримъ о какомъ ни есть министрѣ, что онъ поддерживаетъ государство подобно

подпорѣ, поддерживающей тяжесть огромнаго зданія, тогда очевидно дѣлаемъ мы сравненіе; но когда мы говоримъ о такомъ человѣкѣ, что онъ есть подпора государства, тогда раждается метафора.

Изъ всѣхъ фигуръ рѣчи, ни единая толь близко не подходитъ къ живописи, какъ метафора. Она придаетъ описанію и свѣтъ и силу; дѣлаетъ умственныя идеи нѣкоторымъ образомъ для ока видимыми, доставляя онымъ и цвѣтъ, и вещество, и чувствамъ подлежащія свойства. Однакожъ къ произведенію сего дѣйствія потребна весьма нѣжная рука; ибо чрезъ малѣйшую неточность, можемъ мы вмѣсто того, чтобы увеличить явственность, произвесть замѣшательство. Сего ради различныя правила для надлежащаго употребленія метафоръ должны быть предписаны.

Первое правило, о коемъ мы должны упомянуть, состоитъ въ томъ, что метафоры должны быть избираемы согласно со свойствами предмета, ниже съ лишкомъ многочисленны, ниже съ лишкомъ увеселительны, ниже съ лишкомъ возвышенны для него; что мы никогда не должны стараться довести предметъ, чрезъ употребленіе оныхъ

до такой степени возвышенія, которая ему несвойственна, ниже вопреки сему, давать ему упадать въ собственномъ его достоинствѣ. Нѣкоторыя метафоры красивы въ стихотворствѣ, кои бы въ прозѣ были странны и непристойны; нѣкоторыя пріятны въ рѣчахъ, кои бы весьма были неприличны въ историческихъ и философическихъ сочиненіяхъ. Фигуры суть дѣйствительно одѣянія мысли. Слѣдовательно и должны оныя соотвѣтствовать свойству того слога, которой мы стараемся оными украсить.

Второе правило принадлежитъ до выбора тѣхъ предметовъ, съ коихъ должно брать метафоры. Поле для фигурныхъ рѣчей есть весьма обширно. Вся природа отверзаетъ предъ нами свои сокровища, и позволяетъ намъ собирать оныя свободно. Но должно стараться не употреблять такихъ метафоръ, кои могутъ возбудить въ душѣ непріятныя, маловажныя, низкія или нечистыя идеи. Дабы содѣлать метафору совершенною, должна она быть нетокмо пристойна, но и пріятна, должна не токмо увеселять, но и объяснять. По сему, г. Дриденъ едва ли можетъ избѣжать обвиненія въ весьма непростительномъ проступкѣ противу

благопристойности, когда онъ въ письмѣ, въ которомъ онъ посвящаетъ свой Ювеналъ графу де Дорсету, замѣчаетъ „что нѣкоторыя „негодныя поемы имѣютъ на себѣ знаки сво„ихъ писателей — какое нибудь клеймо или „на задницѣ или на ухѣ, такъ что всегда „видѣть можно, кому скотина принадлежитъ„. Самыя пріятнѣйшія метафоры суть тѣ, которыя взяты съ самыхъ обыкновеннѣйшихъ искуствомъ или природою произведенныхъ произшествій, или съ простыхъ людскихъ поступковъ и обычаевъ. Такимъ образомъ коликое выраженіе, и при томъ коликая простота обрѣтается въ томъ изображеніи которое Отвей въ ѳеатральномъ своемъ сочиненіи, изданномъ подъ названіемъ *Cajus Marius*, вложилъ въ уста Метелла, Сулпиція слѣдующимъ образомъ описывающаго! *Сей неистовый и неукротимый быкъ, коего Маріусъ, при каждомъ случаѣ, давъ его напередъ Риму погладить, пускаетъ на волю, дабы онъ, какъ мнѣ кажется, попралъ наши законы и нашу вольность.*

Въ третьихъ, всякая метафора должна основываться на такомъ подобіи, которое ясно и видно, а не на такомъ, которое взято изъ далека, или кое трудно обрѣсти. Гру-

быя и принужденныя метафоры всегда бывают неприятны, поелику приводят читателя въ замѣшательство, и вмѣсто того, чтобы объяснять мысль, запутывают и затмѣвают оную.

Метафоры, взятыя изъ какихъ ни есть наукъ, а наипаче тѣ, кои принадлежат къ особым художествамъ, всегда почти ради своей темности негодны.

Въ четвертыхъ, должно замѣчать, что никогда не должно сопрягать метафорическія рѣчи съ простыми; никогда не слагать періодъ такимъ образомъ, чтобы одна часть онаго заключала въ себѣ смыслъ метафорической, а другая писменной: ибо сіе всегда причиняетъ весьма неприятное замѣшательство. Хотя Оссіановы творенія изобилуют красивыми и правильными метафорами, однакожъ въ нихъ находится одинъ примѣръ неправильной Метафоры, которой мы теперь разберемъ: „Троѳалъ пошелъ впередъ съ текущею по немъ „рѣкою своего народа; но они обрѣли утесъ; „ибо Фингалъ стоялъ неподвижно; разбившись „катились они отъ него назадъ: но не тихо „катились они, царево копье преслѣдовало „ихъ побѣгъ.„ Метафора въ началѣ употребленная, чрезвычайно красива: *рѣка, нело-*

движный камень, катящіяся назадъ разбитыя волны, суть выраженія совершенно съ подлинными и приличными фигурными рѣчами пріятствомъ своимъ сходствующія; но въ заключеніи, когда сочинитель говоритъ, *не тихо катились они, поелику царево копье преслѣдовало ихъ побѣгъ*, словесный смыслъ безрасудно соединенъ съ метафорою; они, въ одно и тоже самое время, изображены катящимися волнами, и людьми, кои могутъ быть *гонимы и копьемъ поражаемы*.

Въ пятыхъ, должно остерегаться того, чтобы на одинъ предметъ не попадались двѣ различныя Метафоры. Сія такъ называемая смѣшенная Метафора, есть одно изъ самыхъ гнуснѣйшихъ злоупотребленій сея фигуры. На примѣръ, Шекеспирово выраженіе, *принять оружіе противу моря смятеній*, составляетъ весьма неестественную смѣсь, и приводитъ воображеніе въ совершенное замѣшательство. Сочинители, пишущіе правильнѣе нежели Шекеспиръ, иногда также впадаютъ въ сію погрѣшность. Г. Аддисонъ, въ одномъ изъ своихъ нумеровъ въ зрителѣ, говоритъ: ,,Нѣтъ ,,ни единаго вида человѣческой природы, ,,которой бы не въ состояніи былъ утушить

„сѣмена надменности.„ Здѣсь *видъ* употребляется къ *утушенїю* и притомъ къ *утушенїю сѣменъ*.

Въ изслѣдованїи свойства метафоръ. хорошимъ правиломъ кажется быть то, чтобы изъ нихъ составлять картину, и разсматривать, сколь сильно будутъ части одна другой соотвѣтствовать, и какую фигуру всѣ онѣ совокупно произведутъ, ежели будутъ изображены кистїю.

Въ шестыхъ, не должно помѣщать вкупѣ много метафоръ къ одному предмету относящихся. Хотя каждая изъ нихъ можетъ быть сама по себѣ явственна, однакожъ ежели много оныхъ вкупѣ помѣщены будутъ, то произведутъ онѣ замѣшательство. Слѣдующее мѣсто, взятое изъ Горацїя, объяснитъ примѣромъ сїе замѣчанїе:

Motum ex Metello conſule civicum
Bellique cauſas, et vitia, et modos,
Ludumque fortunæ, graveſque
Principum amicitias, et arma
Nondum expiatis uncta cruoribus,
Periculoſae plenum opus aleæ,
Tractas, et incedis per ignes
Suppoſitos cineri doloſo.

Сїе мѣсто, хотя отмѣнно стихотворчески написано, содѣлалось неприятнымъ и темнымъ чрезъ одно токмо совокупленїе трехъ Метафоръ, которыя сами по себѣ явственны: во перьвыхъ, arma uncta cruoribus nondum expiatis; во вторыхъ, opus plenum periculosae aleae; а въ третьихъ, incedis per ignes suppositos cineri doloso.

Послѣднее правило, которое мы можемъ дать касательно метафоръ, состоитъ въ томъ, что оныя не должны съ лишкомъ далеко простираться; ибо когда подобїе, кое есть основанїе фигуры, долго удерживается, и ко всѣмъ самымъ малѣйшимъ обстоятельствамъ примѣняется, тогда вмѣсто метафоры раждается аллегорїя; читатель утруждается, а рѣчь затмѣвается. Сїе имянуется напряженїемъ метафоры. Докторъ Юнгъ, коего воображенїе отмѣнито было болѣе силою, нежели нѣжностїю, часто погрѣшаетъ въ томъ, что метафоры свои доводитъ до крайности. Такимъ образомъ, говоря о старомъ возрастѣ, речетъ онъ.

Онъ будетъ прохаживаться въ умственномъ углубленїи по уединенному и мрачному берегу того обширнаго океана, по которому онъ долженъ будетъ поплыть немед-

ленно; положитъ добрыя своя дѣла на корабль, и будетъ ожидать вѣтра, который въ скоромъ времени приноситъ насъ къ неизвѣстнымъ странамъ.

Начальныя строки чрезвычайно красивы, но продолжая метафору, чрезъ *положенїе добрыхъ дѣлъ на корабль и ожиданїе вѣтра*, начинаетъ оная напрягаться, и въ своемъ достоинствѣ унижаться.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ подробно метафору, заключимъ мы сїю главу нѣсколькими словами касательно аллегорїи.

Аллегорїя есть продолженная метафора; она не что иное есть, какъ изображенїе одной вещи, посредствомъ другой нѣкоторое подобїе съ оною имѣющей. Такимъ образомъ Прїоръ въ своемъ Генрикѣ и Еммѣ, изображаетъ Емму постоянство свое къ Генрику слѣдующимъ аллегорическимъ образомъ описывающею.

Но думала ли я поплыть съ тобою въ кораблѣ по кроткимъ лѣтнимъ водамъ, когда приятные зефиры играютъ благополучными прохладительными вѣтерками, и благоприятное щастїе надуваетъ паруса, и оставить опять тебя и пристать къ берегу, когда сильные вѣтры начнутъ шумѣть, и востанетъ буря.

Посему тѣже самыя правила, кои мы въ отношенiи къ Метафорамъ предписали, могутъ быть примѣнены и къ аллегорiямъ, по причинѣ сходства между обѣими сими фигурами находящагося. Единое существенное различiе, изключая токмо то, что одна коротка, а другая протяженна, состоитъ въ томъ, что метафора всегда объясняется собственнымъ и естественнымъ знаменованiемъ тѣхъ словъ, кои соединены съ оною: такъ когда мы говоримъ, *Ахиллесъ былъ левъ; искусный министръ есть подпора государства*, то левъ и подпора довольно здѣсь изтолкованы чрезъ упоминанiе Ахиллеса и министра, кои съ оными сопряжены; аллегорiя же не можетъ никогда быть столь тѣсно соединена съ писменнымъ смысломъ; поелику изтолкованiе толь ясно не показуется, но предоставляется собственному нашему размышленiю.

Иперболa, одушевленiе, обращенiе.

Иперболa состоитъ въ увеличиванiи предмета свыше естественныхъ онаго предѣловъ. Сiя фигура попадается весьма часто во всѣхъ языкахъ, и составляетъ даже часть обыкновеннаго разговора: какъ то, скоръ какъ вѣтръ

бѣлЪ какЪ снѣгЪ, и подобныя; и обыкновенный образЪ, коимЪ мы изъявляемЪ наши учтивства, состоитЪ, вообще, не вЪ иномЪ чемЪ, какЪ вЪ чрезмѣрныхЪ иперболахЪ. Не смотря на то сіи превозносящія выраженія, по привычкѣ кЪ онымЪ, рѣдко почитаются иперболическими.

Иперболы бываютЪ двоякаго роду; либо такЪ какЪ онѣ употребляются вЪ описаніяхЪ, либо такЪ какЪ жаромЪ страсти возбуждаются. Наилучшія суть тѣ, кои отЪ дѣйствія страстей произтекаютЪ; поелику онѣ не только подаютЪ случай кЪ отважнымЪ фигурамЪ, но часто, вЪ тоже самое время, дѣлаютЪ ихЪ естественными и справедливыми. Посему слѣдующее мѣсто вЪ Мильтонѣ, хотя оно весьма иперболически писано, содержитЪ вЪ себѣ все то, что естественно и пристойно. Оно изъявляетЪ мысль сатаны волнуемаго бѣшенствомЪ и отчаяніемЪ.

КакимЪ, злощастнѣйшій, избѣгну я путемЪ,
Печаль сЪ отчаяньемЪ, которымЪ нѣтЪ конца,
КакимЪ путемЪ сей адЪ! я адЪ и самЪ собою;
И вЪ нижшей глубинѣ еще страшнѣйша пропасть,
Которой небомЪ сей быть мнится тяжкій адЪ,
Разверзшися еще грозитЪ меня пожрать.

ВЪ простомЪ описаніи надлежитЪ употреблять иперболы сЪ большею осторожно-

стію. Ежели описуется землетрясеніе или буря, или ежели воображеніе наше протекаетъ по среди сраженія, то мы не безъ пріятности можемъ произвесть сильныя иперболы: но ежели зрѣнію нашему представляется одна только женщина въ тоскѣ, то не льзя, чтобы не получить отвращеніе къ толь нелѣпому увеличенію оной, какое въ слѣдующемъ мѣстѣ нѣкоего драматическаго стихотворца обрѣтаемъ.

Я нашелъ ее на земли, прелестну, но терзаему всею тоскою, изливающу слезы съ такимъ обиліемъ, что еслибы и весь свѣтъ пожаромъ былъ объятъ, то бы онѣ могли залить сей гнѣвъ небесъ, и укротить сильное разрушеніе.

Это есть настоящій надутый слогъ. Самой особѣ, мучащейся терзающими движеніями горести, изъясняться сильными иперболами позволяется; но зрителю говорящему только языкомъ описанія подобная вольность дозволена быть не можетъ. Настоящіе предѣлы сея фигуры никакимъ точнымъ правиломъ опредѣлены быть не могутъ: здравый разсудокъ и точный вкусъ назначить должны предѣлы, кои буде преступишь, то дѣлается она вздорною.

Одушевленіе.

Мы приступаемъ теперь къ изслѣдованію тѣхъ фигуръ, кои совершенно въ мысляхъ заключаются; гдѣ слова въ обыкновенномъ своемъ и буквенномъ смыслѣ приемлются. Мы начнемъ съ одушевленія, при коемъ жизнь и дѣянія приписуются предмету неодушевленному. Все стихотворство, даже въ самыхъ своихъ умѣренныхъ и кроткихъ видахъ, весьма отъ сей фигуры заимствуетъ. Въ прозѣ она такожъ никакъ не исключается; да даже и въ обыкновенныхъ разговорахъ часто употребляется. Когда мы говоримъ: земля *жадаетъ* дождя, или: поля въ обиліи *смѣются*; ежели говорятъ о честолюбіи, что оно *безпокоится*, или о болѣзни, что она *обманываетъ*, то такія рѣчи показываютъ, сколь удобно разумъ нашъ можетъ свойства живущихъ тварей присвоивать вещамъ неодушевленнымъ, или прилагать оныя къ отвлеченнымъ понятіямъ.

Мы имѣемъ три различныя степени сея фигуры, кои замѣтить и различать потребно, ежели собственное оныя употребленіе опредѣлить намѣрены. Первая есть та, когда нѣкоторыя свойства или качества

живущихъ тварей неодушевленнымъ предметамъ приписуются; вторая, когда сіи неодушевленные предметы описуются действующими, подобно тѣмъ, кои имѣютъ жизнь а третья, когда мы ихъ представляемъ либо говорящими къ намъ, либо внимающими то, что мы имъ говоримъ.

Первая и самая низкая степень сея фигуры, состоящая въ присвоеніи неодушевленнымъ предмѣтамъ нѣкоторыхъ качествъ живущихъ тварей возвышаетъ слогъ столь мало, что и самые низкіе разговоры позволяютъ оную безо всякаго сопротивленія. Такъ напр. свирѣпствующая буря, обманчивая болѣзнь, жестокое нещастіе, суть обще употребительныя и простыя выраженія. Сія степень одушевленія, по справедливости, есть столь темная, что, можетъ быть, непристойно бы было помѣстить оную между простыми метафорами, коихъ мы почти совсемъ не примѣчаемъ.

Вторая степень сея фигуры есть та, когда мы неодушевленные предметы представляемъ дѣйствующими подобно тѣмъ, кои имѣютъ жизнь. Здѣсь мы возходимъ немного выше, и фигура одушевленія дѣлается чувствительною. Сила сея фигуры опредѣляется

по естеству дѣйствія, приписуемаго нами такимъ неодушевленнымъ предметамъ, и по особеннымъ обстоятельствамъ, съ коими мы оныя описуемъ. Когда она гораздо долго продолжается, тогда принадлежитъ только къ большимъ рѣчамъ; когда же мы оной слегка касаемся, тогда можетъ она употреблена быть въ сочиненіяхъ не столь возвышенныхъ. Напримѣръ, Цицеронъ говоря о случаяхъ, въ коихъ человѣкъ убивающій другаго при защищеніи себя, остается честенъ, употребляетъ слѣдующее выраженіе: „*иногда самыми законами подается намъ мечь на убіеніе человѣка.*„ Здѣсь законы весьма хорошо въ видѣ одушевленнаго лица представлены, какъ будто бы они простираютъ руку свою для подаянія намъ меча, на низложеніе человѣка.

Въ стихотворствѣ одушевленія сего рода весьма часто попадаются, и по справедливости, существо онаго составляютъ. Въ описаніяхъ стихотворца, имѣющаго живое воображеніе, всякая вещь дѣлается одушевленною. Гомеръ, отецъ стихотворства, достопамятенъ употребленіемъ сея фигуры. Война, миръ, копья, рѣки, словомъ, всякая вещь въ сочиненіяхъ его одушевлена. Съ сей стороны Мильтонъ и Шекеспиръ ему подобны.

Никакое одушевленіе болѣе не трогаетъ, или не было въ пристойнѣйшемъ случаѣ употреблено, какъ въ слѣдующемъ Мильтоновомъ мѣстѣ, когда Ева вкушаетъ отъ запрещеннаго плода.

Рекла; и руку простираетъ,
Хватается за плодъ, сорвавъ его вкушаетъ!
Вдругъ рану чувствуетъ въ нутри своей земля;
Природа съ своего престола знакъ дала,
Чтобъ въ горести ея творенія рыдали.

Теперь остается еще упомянуть о третьемъ и высочайшемъ степени сея фигуры, когда неодушевленные предметы представляются не только чувствующими и дѣйствующими, но и такъ, какъ будто бы они къ намъ говорятъ, или слушаютъ и внимаютъ, когда мы собственно сами къ нимъ вѣщаемъ. Сія есть самая отважная риторическая фигура; она есть слогъ единыя токмо сильныя страсти; и слѣдовательно тогда только должна быть употреблена, когда духъ въ весьма великой жаръ и движеніе пришелъ. Мильтонъ подаетъ намъ весьма прекрасный примѣръ сея фигуры, въ чувствительныхъ и нѣжныхъ вѣщаніяхъ Евы къ Раю, непосредственно передъ тѣмъ, какъ принуждена была оной оставить.

Нечаянный ударЪ самой жесточе смерти;
Оставить я должна тебя, о Рай прелестный!
Тебя отечество, любезныя мѣста,
Щастливые сады, гдѣ самЪ гулялЪ Господь,
Гдѣ чаяла прожить до дни того нещастна,
Которой будетЪ намЪ обѣимЪ смертоносенЪ,
Прожить вЪ спокойствіи, хотя и вЪ злой тоскѣ.
Цвѣтки! которыхЪ я не буду индѣ зрѣть,
КоторыхЪ по утрамЪ я рано посѣщала,
КоторыхЪ нѣжною рукою насаждала,
Взрастала, и по томЪ давала имена,
Вы кЪ солнцу будете нынь вѣтки обращать,
И будутЪ орошать васЪ воды благовонны!

ВотЪ истинное вѣщаніе естества, и женскія страсти.

При употребленіи сего рода одушевленія два правила наблюдать надобно. Во первыхЪ никогда не употреблять оное, ежели не сильною страстію возбуждается, и никогда не продолжать, ежели страсть ослабѣвать начинаетЪ. А второе правило есть то, чтобЪ никогда не представлять вЪ видѣ одушевленнаго лица такой предметЪ, которой самЪ по себѣ достоинства не имѣетЪ, и которой неспособенЪ самЪ по себѣ представлять хорошей видЪ вЪ той возвышенности, на которую мы оной поставляемЪ. Обращеніе рѣчи кЪ тѣлу умершаго друга, есть дѣло естественное; но обращеніе

оной къ платью, которое мы носили, производитъ низкія и уничиженныя идеи. Такъ равнымъ образомъ, обращеніе рѣчи къ разнымъ частямъ чьего ни есть тѣла, какъ будто бы онѣ были одушевленныя вещи, достоинству страсти противно. Для сей то причины слѣдующее мѣсто въ Елоизѣ къ Абеларду сочиненія г. Попе подвержено критикѣ.

Любезное, но нещастное имя! останься на вѣки забвенно, ниже изъ устъ, священною тайною пребывая, не изходи; сокрой оное ты сердце мое въ томъ сокровенномъ мѣстѣ, гдѣ образъ ея лежитъ вмѣстѣ съ Божіимъ. Ахъ! не пиши его рука моя! Но ужъ оно написано. Вымарайте оное вы мои слезы.

Сперьва здѣсь имя Абеларда представлено въ видѣ одушевленнаго лица, что, поелику имя особы часто стоитъ вмѣсто самой особы, охуленію не подвержено: потомъ Елоиза представляетъ собственное свое сердце въ видѣ одушевленнаго лица; и поелику сердце есть достойная часть человѣческаго сложенія, и часто вмѣсто мысли или склонности поставляется, то и сіе критики избавиться можетъ. Но когда она обращаетъ рѣчь къ рукѣ своей, и говоритъ оной не

писать своего имени, то сіе странно и неестественно. Но сїя фигура еще болѣе обезображивается тѣмъ, что она проситъ свои слезы вымарать то, что рука ея написала. Сїи послѣднїя строки, по справедливости совсемъ не согласуются съ естественною страстїю и нѣжностїю, кои прочая часть сея безподобныя поемы въ себѣ заключаетъ.

Обращенїе.

Обращенїе есть, когда мы относимъ рѣчь свою къ настоящему лицу; но только къ такому, которое отсутствуетъ или мертво, и которое мы себѣ присутствующимъ и намъ внимающимъ представляемъ. Сїя фигура отважностїю не много уступаетъ той, коею мы обращаемъ рѣчь къ одушевленнымъ нами предметамъ; поелику меньшее требуется напряженїе нашего воображенїя, чтобъ представить себѣ присутствующимъ такую особу, которая умерла или не присутствуетъ, нежели чтобъ оживить безчувственныя существа, и обратить къ нимъ рѣчь свою. Оссїянова поема изобилуетъ наипрекраснѣйшими примѣрами сея фигуры.

Уподобленіе, сличеніе, вопрошеніе, восклицаніе и другія фигуры рѣчи.

Уподобленіе или подобіе есть, когда сходство между двумя предметами во всемъ видѣ изъявляется, и обыкновенно представляется оно полнѣе, нежели какъ натура Метафоры позволяетъ: напр. ежели мы скажемъ: „Дѣйствія Государя подобны тѣмъ „большимъ рѣкамъ, коихъ теченіе разсматриваетъ всякой, но источникъ немногими „былъ видимъ„. Сей краткой примѣръ показываетъ, что удачно учиненное уподобленіе есть нѣкое блестящее украшеніе, придающее слову сіяніе и красоту.

Всѣ уподобленія могутъ быть приведены подъ двѣ статьи, подъ *объясняющія* и *украшающія* уподобленія. Потому что, ежели писатель сравниваетъ тотъ предметъ, о которомъ разсуждаетъ, съ другою какою ни будь вещію, то это бываетъ, или по крайней мѣрѣ, долженствовало бы быть съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ либо сдѣлать для насъ предметъ оной яснѣе, или чтобъ учинить оной пріятнѣе и привлекательнѣе. И самыя даже отвлеченныя умозрѣнія такія объясняющія уподобленія позволяютъ. На при-

мѣръ, разность между способностями смысла и воображенія въ человѣческой душѣ, изъясняется въ Гаррисcовомъ Гермесѣ через подобіе слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ „воскъ, говоритъ онъ, не могъ бы быть употребленъ на печатаніе, ежели бы онъ „не имѣлъ способности удерживать въ себѣ, и принимать въ себя впечатлѣніе, „такъ то же самое есть и душа въ разсужденіи смысла и воображенія. Смыслъ есть „способность принимающая, а воображеніе „удерживающая. Ежели бы она имѣла смыслъ „безъ воображенія, то бы не воску, но водѣ „была подобна; въ коей хотя всякое впечатлѣніе скоро дѣлается, но въ то же время „какъ учинится, тотчасъ опять изчезаетъ.„ Въ уподобленіяхъ сего рода наипаче стараться надобно о ясности и пользѣ.

Но гораздо чаще попадаются украшающія уподобленія вводимыя для придаянія красы той матеріи, о коей мы пишемъ. Примѣченное въ чемъ ниесть сходство есть основаніе сея фигуры. Но сходство сіе не должно брать въ смыслѣ съ лишкомъ строгомъ, не по дѣйствительному сходству или подобію въ видѣ. Два предмета могутъ возбудить въ умѣ нашемъ рядъ сходныхъ или согласныхъ

идей, хотя они, говоря строго, ни въ чемъ другъ на друга не походятъ. Напримѣръ, Осеїянъ описывая натуру тихой и печальной музыки говоритъ: „Карриллева музыка была, „подобно возпоминовенїю минувшїя радости, „приятна и жалка для души.„ Сїе сказано справедливо и хорошо; однакожъ никакой родъ музыки не имѣетъ въ себѣ подобїя съ чувствованїемъ души, каково есть памятованїе радости.

Мы теперь разсмотримъ, когда уподобленїя пристойно употреблены быть могутъ. Поелику онѣ болѣе произходятъ отъ воображенїя, нежели отъ страсти, то сочинитель сдвали можетъ большую учинить погрѣшность, какъ введенїемъ подобїя посреди страсти. Писатели трагедїй часто въ разсужденїи сего виновны бываютъ. Такъ г. Аддисонъ въ своемъ Катонѣ, заставляетъ Порцїя тотчасъ послѣ того, какъ Луцїя на вѣки съ нимъ простилась, говорить съ трудносложеннымъ и принужденнымъ уподобленїемъ.

Хотя уподобленїе не есть слогъ сильныя страсти, однакожъ, когда оно употребляется для украшенїя, то не есть вѣщанїе души совсемъ недвижимой. Поелику оно есть фигура возвышенная, то всегда требуетъ

нѣкоторую высокость самаго предмета, дабы учинить оную пристойною: оно предполагаетъ воображеніе необыкновеннымъ образомъ оживленное, хотя сердце страстію и не волнуется. Вѣщаніе съ уподобленіями кажется находится между высокимъ, трогающимъ, и самымъ низкимъ слогомъ, въ равномъ отъ каждаго разстояніи. Не смотря на то, оно есть блестящее украшеніе; и слѣдовательно стало бы ослѣплять и утомлять, ежели бы съ лишкомъ часто попадалось. Подобія должно употреблять съ умѣренностію, даже и въ стихахъ; но въ прозѣ еще болѣе; въ прочемъ слогъ получитъ отвратительное пріятство, и украшеніе теряетъ свою красу и дѣйствіе.

Мы разсмотримъ теперь естество тѣхъ предметовъ, отъ коихъ подобія занимать можно, предполагая, что они въ пристойной расположены порядокъ.

Во первыхъ, не должно брать оныя отъ такихъ вещей, кои имѣютъ съ лишкомъ близкое и неизвѣстное сходство съ предметомъ, коему оныя уподобляются. Удовольствіе получаемое нами отъ уподобленія, произтекаетъ отъ открытія подобія между вещами различнаго роду, въ коихъ мы съ перваго взгляду сходства не ожидали.

Но во вторыхъ, поелику уподобленія не должны основываться на подобіяхъ съ лишкомъ очевидныхъ, то тѣмъ менѣе должны онѣ основываться на такихъ сходствахъ, кои съ лишкомъ слабы и отдаленны. Сіи вмѣсто того, чтобы воображенію пособлять, заставляютъ оное напрягать свои силы на уразумѣніе оныхъ, и никакого свѣта по матеріи не разпространяютъ.

Въ третьихъ, предметъ, отъ коего уподобленіе берется, никогда не долженъ быть неизвѣстной предметъ, или такой, о коемъ мало людей ясное понятіе имѣть могутъ. По сему подобія основывающіяся на философическихъ открытіяхъ, или на такой вещи, о которой только люди въ особливомъ ремеслѣ и дѣлѣ упражняющіеся, свѣденіе имѣютъ, собственнаго своего дѣйствія не производятъ. Надобно ихъ брать отъ тѣхъ славныхъ и извѣстныхъ предметовъ, кои большая часть читателей либо видали либо удобно понять могутъ.

Четвертое, примѣчать намъ надлежитъ, чтобы въ сочиненіяхъ важнаго или возвышеннаго роду не употреблять никогда подобія заемлемаго отъ низкихъ или посредственныхъ предметовъ. Сіи склонны къ униженію, и

къ умаленію; между тѣмъ какъ подобія къ украшенію и къ придаянію достоинства стремятся; и по сему, изключая шуточныя сочиненія, или гдѣ мы намѣрены предметъ нашъ унизить, никогда не должны мы принимать въ разсужденіе посредственныхъ идей.

Противуположеніе.

Противуположеніе основывается на несходствѣ или противуположности двухъ предметовъ. Черезъ несходство, противуполагаемые другъ другу предметы являются въ большемъ свѣтѣ. Напримѣръ, красота никогда не является столь приятною, какъ ежели когда противуполагается неприятству и безобразію. По сему противуположеніе во многихъ случаяхъ съ выгодою можетъ быть употреблено на придаяніе большей силы впечатлѣнію, которое мы желаемъ, чтобы предметъ нашъ здѣлать могъ. Такъ Цицеронъ въ защищеніи Милона, представляя невѣроятность покушенія Милонова на жизнь Клодіеву, когда ничто къ такому намѣренію не способствовало, и онъ упустилъ многіе удобные случаи на произведеніе сего въ дѣйство, возвышаетъ наше убѣжденіе въ разсужденіи невѣроятности се-

го дѣла разумнымъ употребленіемъ сея фигуры: „И такъ, кого онъ въ удовольствіе „всѣмъ убить не хотѣлъ, тогобъ захотѣлъ „онъ умертвить въ негодованіе нѣкоторыхъ? „кого не посмѣлъ по справедливости, въ удобномъ мѣстѣ, въ спокойное время, безо всякаго „наказанія, тогобъ не усумнился онъ умертвить несправедливо, въ неудобномъ мѣстѣ, „въ противное время, съ опасеніемъ уголовнаго суда?„ Здѣсь здѣлано противуположеніе совершеннымъ, словами и членами періода, представляющаго противные предметы, сложенные подобнымъ образомъ, и разположенные такъ, что одинъ другому противуполагается.

Не смотря на то, должны мы замѣтить, что частое употребленіе противуположенія, наипаче ежели гдѣ противуположность въ словахъ нѣжна и красива, слогъ можетъ учинить неприятнымъ Правило, или нравственное сказаніе весьма пристойно сей видъ принимаетъ; поелику полагается, что онѣ суть дѣйствіе размышленія, и начертаются для впечатлѣнія въ память, которая помощію такихъ противныхъ выраженій удобнѣе оныя возпоминаетъ. Но если гдѣ множество такихъ періодовъ одинъ за другимъ слѣдуютъ, гдѣ сіе

есть самой любезной и преимуществующій сочинителя образъ изъясненія мыслей, то такой слогъ подверженъ охуленію.

Вопрошеніе и возклицаніе.

Вопрошенія и возклицанія суть страсть изъявляющія фигуры. Словесное употребленіе вопрошенія состоитъ въ предлаганіи вопроса; но ежели люди возбуждаются страстію, то когда они что нибудь съ великимъ усиліемъ утверждаютъ или отрицаютъ, то они дѣлаютъ сіе естественнымъ образомъ черезъ вопрошеніе; показывая чрезъ то, что они твердо надѣются на справедливость своего собственнаго мнѣнія, и представляя слушателямъ невозможность противнаго.

Вопрошенія могутъ быть употреблены въ темныхъ и важныхъ разсужденіяхъ; но возклицанія принадлежатъ только къ сильнымъ движеніямъ души: къ удивленію, гнѣву, радости, печали и подобнымъ. Поелику сіи суть естественные признаки движимой и волнующейся души, то всегда онѣ, если пристойно употреблены бываютъ, заставляютъ насъ сочувствовать съ тѣми, кои ихъ употребляютъ, ивходить въ ихъ чувствованія

Не смотря на то, ни что столь худаго дѣйствія не производитъ, какъ частое и непристойное употребленіе восклицаній. Молодые, неискусившіеся писатели думаютъ, что чрезъ обильное оныхъ изліяніе, они сочиненія свои дѣлаютъ чувствительными и оживленными.. Однако здѣсь имѣется совсемъ противное. Они дѣлаютъ ихъ чрезъ то холодными до излишества. Ежели сочинитель безпрестанно зоветъ насъ входить въ восторгъ, на что онъ не имѣетъ причины, то возбуждаетъ въ насъ отвращеніе и негодованіе.

Видѣніе.

Другая фигура рѣчи, пристойная только въ оживленныхъ сочиненіяхъ, есть та, которую нѣкоторые писатели именуютъ *видѣніемъ*; когда, вмѣсто того, чтобы просто расказывать о прошедшемъ дѣлѣ, мы употребляемъ настоящее время, и описываемъ оное, какъ бы непосредственно передъ глазами нашими происходило. Такъ Цицеронъ въ четвертой рѣчи противъ Катилины: „ибо мнѣ „кажется, что я вижу сей городъ, свѣтъ „всея земли, и крѣпость всѣхъ народовъ, вне„запу единымъ пожаромъ поглощеннымъ; вижу „духомъ въ истребленномъ отечествѣ кучи

„бѣдныхъ и непогребенныхъ гражданъ; предъ „глазами моими обращается видъ и бѣшен„ство побіеніемъ вашимъ веселящагося Цете„ги.„ Сія фигура имѣетъ великую красоту, ежели хорошо совершена, и ежели произходитъ отъ истиннаго духа природнаго восторга. Ежели она производится принужденно, то одинакую имѣетъ судьбу со всѣми слабыми покушеніями на страсти возбуждающія фигуры, то есть, дѣлаетъ писателя смѣшнымъ, а читателя еще холоднѣе, и онъ меньше начинаетъ принимать участія, нежели какъ прежде.

Возвышеніе.

Послѣдняя фигура, о которой мы упомянемъ, и которая въ великомъ имѣется употребленіи у публичныхъ ораторовъ, называется возвышеніемъ. Она состоитъ въ искусномъ размноженіи всѣхъ обстоятельствъ какого нибудь предмета или дѣйствія, коему мы яснѣйшій свѣтъ придать желаемъ. Она дѣлается чрезъ постепенное приложеніе одного обстоятельства къ другому, пока наша идея достигнетъ до высочайшаго степени силы. Мы приведемъ примѣръ сея фи-

гуры изъ напечатанной судебной рѣчи славнаго Шотландскаго стряпчаго, господина Георга Мекенца. Онъ имѣлъ должность судьи въ томъ случаѣ, когда женщина осуждена была въ умерщвленіи своего собственнаго робенка. „Государи мои, ежели одинъ чело„вѣкъ убьетъ какимъ нибудь образомъ дру„гаго; ежели противникъ убьетъ своего вра„га; или женщина причинитъ смерть сво„ему неприятелю; то сіи уголовныя дѣла „должны быть наказываемы по Корнеліанско„му закону смертною казнію. Но ежели сіе не„винное дитя, которое враговъ себѣ здѣ„лать не можетъ, убито было отъ своей „собственной питательницы, то какихъ „наказаній не требовала бы тогда матерь? „Какими бы воплями и возклицаніями не за„глушило бы оно уши ваши? Что скажемъ „мы, ежели бы жена повинная въ нанесеніи „смерти, матерь повинная въ умерщвленіи „своего невиннаго робенка совокупила всѣ „сіи злодѣянія во единой винѣ; въ винѣ, „по естеству своему омерзительной; въ „женѣ ужасной; въ матери невѣроятной; „и исполненной противу чада, коего воз„растъ зоветъ къ сожалѣнію, коего близ„кое отношеніе требуетъ любви, и коего

„невинность привлекаетъ всю благосклон-„ность„. Такія правильныя возвышенія, каково есть сіе, хотя и великую имѣютъ красоту, однакожъ въ тоже время имѣютъ видъ приложеннаго для нихъ труда и искуства; и слѣдовательно, хотя онѣ могутъ быть позволены въ настоящихъ рѣчахъ, однакожъ не суть вѣщанія страсти, которая рѣдко идетъ такими правильными и измѣренными степенями.

Главныя свойства слога. Пространной, краткой, слабой, сильной, сухой, ясной, приятной, красивой, изящной.

Что о разныхъ предметахъ писать должно разнымъ родомъ слога, есть правило столь само по себѣ очевидное, что не требуетъ никакого изъясненія. Всякой увѣренъ, что философическія разсужденія не однимъ слогомъ съ рѣчами писать должно. Столь же ясно, что различныя части одного и того же самаго сочиненія требуютъ перемѣну въ слогѣ и образѣ письма. Однакожъ среди сего различія, мы все еще надѣемся найти, въ сочиненіи какого нибудь мужа, нѣкоторую степень единообразія или согласованія съ

нимЪ самимЪ вЪ разсужденіи письма, мы надѣемся найти нѣкоторыя преимуществующія свойства слога начертанныя во всѣхЪ его сочиненіяхЪ, которыя отличаютЪ особой его дарЪ и состояніе души и сЪ онымЪ согласуются. Ливіевы рѣчи отличаются гораздо вЪ разсужденіи слога, какЪ то онѣ и должны, отЪ прочей части его исторіи. Тоже примѣтить можно и вЪ Тацитовыхъ рѣчахЪ. ОднакожЪ вЪ рѣчахЪ обоихЪ сихЪ преизящныхЪ историковЪ весьма ясно показать можно различность слога каждаго, блестящее обиліе перьваго, и разсужденіями полную краткость другаго. Ежели гдѣ имѣется истинной и природной дарЪ, то производится скорѣе разположеніе кЪ одному которому нибудь роду слога, нежели кЪ двумЪ; ежели же гдѣ онаго недостаетЪ, ежели гдѣ онЪ не показывается, ниже собственный ему признакЪ, являющійся вЪ сочиненіяхЪ писателя, то мы не безЪ причины заключить можемЪ, что такой есть простой и самой обыкновенной писатель, которой пишетЪ по подражанію, а не по внутреннему побужденію собственнаго своего дарованія.

Одно изЪ первѣйшихЪ и наиболѣе попадающихся различій разныхЪ родовЪ слога,

произтекаетъ отъ большаго или меньшаго сочинителева разпространенія своихъ мыслей. Сїе различїе составляетъ то, что названо пространнымъ и краткимъ слогомъ. Краткїй писатель соединяетъ идеи свои въ самыхъ малыхъ словахъ; онъ только самыя выражающїя употребляетъ; онъ избѣгаетъ всѣхъ такихъ, кои не могутъ служить существеннымъ приложенїемъ къ смыслу. Ежели онъ какія украшенія себѣ позволяетъ, то предприемлетъ оныя болѣе для придаянія силы, нежели для приятности. Одно и тоже самое мнѣнїе никогда не повторяется. Въ перїодахъ его наблюдается наивозможная точность; и обыкновенно назначаются оныя болѣе для возбужденія читателева воображенія, нежели для непосредственнаго изъявленія онаго.

Пространный писатель разверзаетъ идеи свои обширно. Онъ сохраняетъ ихъ различностїю блеска и пособляетъ читателю, сколько возможно, совершенно ихъ понять. Онъ не весьма рачителенъ, въ представленїи ихъ въ началѣ въ полной ихъ силѣ, потому что онъ имѣетъ намѣренїе повторять впечатлѣнїе оныхъ; и чего у него недостаетъ въ силѣ, то старается дополнить обилїемъ. Пе-

ріоды его текутъ естественнымъ образомъ нѣсколько длинно, и имѣя мѣсто для всякаго рода украшеній, дастъ онъ имъ полную волю.

Каждой изъ сихъ слоговъ имѣетъ сродныя себѣ выгоды; и каждой дѣлается погрѣшительнымъ, ежели преступаетъ предѣлы. Историкъ Тацитъ и Монтескіой въ L' Esprit des loix, суть достопамятные примѣры краткости простирающейся столь далеко, какъ пристойность велитъ, а можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ и того еще далѣе. А Цицеронъ есть несомнѣнно самый знатный примѣръ, какой только подать можно, прекраснаго и великолѣпнаго обилія. Также и Аддисонъ и Госп. Вилліамъ Темпль, въ нѣкоторомъ степени къ тому же классу причислены быть могутъ.

Чтобы опредѣлить, когда краткому и когда пространному образу письма слѣдовать, должны мы сообразоваться съ естествомъ сочиненія. Рѣчи опредѣленныя на то, чтобы ихъ сказывать, требуютъ болѣе пространнаго слога, нежели книги опредѣленныя на чтеніе. Въ писменныхъ сочиненіяхъ пристойная степень краткости имѣетъ великія выгоды. Они дѣлаются живы, возбуж-

дающѣ вниманіе, производятѣ сильное впечатлѣніе въ душѣ, и удовлетворяютѣ читателя прибавленіемѣ упражненій его мыслямѣ. Описанія, кои мы желаемѣ учинить живыми и сильными, должны быть писаны краткимѣ слогомѣ. Всякая обильность словѣ или обстоятельствѣ обременяетѣ воображеніе, и дѣлаетѣ представляемый нами предметѣ запутаннымѣ и неяснымѣ. Сила и живность описанія, какѣ въ прозѣ такѣ и въ стихахѣ зависитѣ гораздо болѣе отѣ щастливаго выбора одного или двухѣ важныхѣ обстоятельствѣ, нежели отѣ размноженія оныхѣ. Ежели мы желаемѣ оживить воображеніе или тронуть сердце, то должны быть кратки; ежели намѣрены научить разумѣ, которой въ движеніяхѣ своихѣ осторожнѣе, и недостатокѣ въ вождѣ имѣетѣ, то лучше быть пространнѣе. Историческія повѣствованія могутѣ быть приятны, какѣ отѣ краткаго такѣ и отѣ пространнаго слога, смотря по сочинителеву дару. Ливій и Иродотѣ пространны; Өукидидѣ и Саллустій кратки; однако же всѣ они были приятны.

Сила и слабость слога почитаются обыкновенно свойствами однозначащими съ краткостію и обильностію. Онѣ по сраведливо-

сти весьма часто вмѣстѣ случаются; однако же сїе не всегда бываетъ; ибо есть примѣры писателей, кои посреди полнаго и пространнаго слога сохранили изрядную степень силы. Ливїй есть примѣръ правдивости сего примѣчанїя. Основанїе сильнаго и слабаго слога лежитъ, по справедливости, въ сочинителевомъ образѣ представлять себѣ вещи; ежели онъ себѣ предметъ сильно представляетъ, то изъясняетъ оной съ силою; но ежели онъ представляетъ себѣ предметъ не ясно, то оно ясно изъявляется въ его слогѣ. Отъ сего произтекаютъ неразлуманныя слова и пустыя епитеты, выраженїя зыблющїяся и всеобщїя, разположенїе неясное и нетвердое, а понимаïе наше его мыслей слабое и замѣшанное. Но сильной писатель, хотябы слогъ его краткой или пространной былъ, подаетъ намъ всегда сильную идею о своихъ мысляхъ; поелику душа его полна своимъ предметомъ, то слѣдовательно всѣ его слова выразительныя; каждое его выраженїе и каждая имъ употребленная фигура дѣлаютъ представляемую имъ намъ картину, живѣе и совершеннѣе.

Однакожъ замѣтить должно, что съ лишкомъ великое попеченїе о силѣ, съ пренебреженїемъ другихъ свойствъ слога можетъ

довести писателя до неприятнаго образа писанія. Неприятность произходитъ отъ необыкновенныхъ словъ, отъ принужденныхъ составленій разположенія періодовъ, и отъ излишняго нерадѣнія о приятности и легкости. Сіе ставили погрѣшностію нѣкоторымъ раннимъ классическимъ писателямъ на Аглинскомъ языкѣ, какъ то г. Валтеру Ралею, Франциску Бакону, Гукеру, Геррингтону, Кудворту, и другимъ весьма славнымъ писателямъ, во дни королевы Елисаветы, Іякова I. и Карла I. жившимъ. Сіи писатели были сильны и громки въ высокой степени; и понынѣ отмѣняютъ себя симъ свойствомъ своего слога. Но письмо ихъ разнствуетъ весьма отъ нынѣшняго, и было, по справедливости въ разсужденіи разположенія періодовъ, по образу и сложенію Латинскаго языка составлено. Нынѣшній родъ письма Аглинскимъ языкомъ принятой, пожертвовалъ въ нѣкоторой степени раченіемъ о силѣ, старанію о легкости и ясности. Разположеніе онаго здѣлалось, можетъ быть, не столь сильно, но яснѣе и естественнѣе; и сіе почитаютъ нынѣ существомъ онаго языка.

Доселѣ разсматривали мы тѣ свойства слога, кои касаются до его выражательно-

сти сочинителевыхъ мыслей: теперь разсмотримъ оной съ другой стороны, въ разсужденіи степени украшенія употребляемаго на придаяніе ему красы. Здѣсь, кажется, что слогъ разныхъ писателей возвышается по слѣдующимъ степенямъ. Сухой, чистой, пріятной, красивой, изящной; о сихъ будемъ мы разсуждать кратко, слѣдуя положенному нами порядку.

Сухой исключаетъ всякой родъ украшенія. Довольствуясь тѣмъ, что онъ вразумителенъ, не любитъ онъ совсемъ нравиться ни воображенію, ни слуху. Онъ сносенъ только въ чистыхъ поучительныхъ писаніяхъ, и здѣсь, чтобы оной намъ понравился, нужна великая важность матеріи, и совершенная ясность слова.

Чистой слогъ одною степенью надъ сухимъ возвышается. Писатель такого свойства употребляетъ весьма мало украшенія всякаго роду, и остается почти совершенно при своемъ смыслѣ. Но хотя онъ насъ къ себѣ искусствомъ сложенія не привлекаетъ, однако избѣгаетъ быть намъ противнымъ подобно сухому и непріятному писателю. Кромѣ ясности, наблюдаетъ онъ пристойность, чистоту и точность въ рѣ-

чахъ, кои немаловажную часть красоты составляютъ. Живность и сила сносны также въ чистомъ слогѣ, и слѣдовательно такой писатель, ежели мысли его хороши, можетъ быть нарочито пріятенъ. Разность между сухимъ и чистымъ писателемъ есть та, что первый къ украшенію не способенъ, а послѣдній надъ онымъ не останавливается. Деканъ Свифтъ есть славный примѣръ тѣхъ, кои чистой слогъ употребляли.

Пріятной слогъ слѣдуетъ за симъ по порядку, и здѣсь вступаемъ мы въ предѣлы украшенія; но сіе украшеніе не есть весьма блестящаго рода. Писатель сего рода показываетъ, чрезъ свое раченіе о выборѣ словъ, и о пріятномъ ихъ разположеніи, что онъ красоту слова не презираетъ. Періоды его всегда отъ бремени излишнихъ словъ свободны; умѣренную имѣютъ длину; болѣе склонны къ краткости, нежели къ надутому сложенію; и заключаются съ чистотою. Въ размѣрахъ имѣется разность; но виду трудомъ достигнутаго согласія не имѣютъ. Фигуры ихъ, ежели какія имѣются, суть кратки и точны, но не отважныя и не блестящія. Такого слога можетъ писатель, большой способности воображенія

или дарованія не имѣющій, достигнуть чрезъ прилѣжаніе и внимательность. Сей родъ слога во всякомъ предметѣ не непристоенъ. Дружеское письмо, или указъ, о самомъ сухомъ предметѣ, можетъ быть сочиненъ приятно; а проповѣдь, или философическое разсужденіе, писанныя приятнымъ слогомъ, читаются съ удовольствіемъ.

Красивой слогъ позволяетъ вышшую степень украшенія нежели приятной, и имѣетъ всѣ добродѣтели украшенія безъ излишествъ его и недостатковъ. Полная красота заключаетъ въ себѣ ясность и пристойность, чистоту въ выборѣ словъ, раченіе и разумѣніе въ согласномъ и щастливомъ разположеніи. Кромѣ того заключаетъ она въ себѣ красу воображенія разсѣянную въ слогѣ, такъ какъ то предмѣтъ дозволяетъ, и все то объясненіе, которое подаетъ сочиненіе фигурами преисполненное, ежели оно пристойнымъ образомъ употреблено. Красивой писатель, чтобы сказать вкратцѣ, есть тотъ, который приятенъ воображенію и слуху, между тѣмъ, какъ онъ научаетъ разумъ; и которой идеи свои во всю красоту выраженія облекаетъ, но не обременяетъ ихъ никакими не къ мѣсту положенными прикрасами.

Изящный слогъ содержитъ въ себѣ излишество украшенія. Сей въ молодомъ сочинителѣ, не только извинителенъ, но и есть часто признакъ пылкаго и къ вымысламъ способнаго дарованія. Но хотя сіе молодому писателю въ первыхъ его покушеніяхъ позволяется, однако не столь должно быть позволено писателямъ болѣе изкусившимся. Въ сихъ разсудокъ долженъ обуздывать воображеніе, и отвергать всякое такое украшеніе, которое непристойно, или излишне. Сей обманчивый блескъ слова, которой нѣкоторые писатели безпрестанно заемлютъ, по справедливости заслуживаетъ презрѣнія. Оно есть роскошествованіе въ словахъ, а не въ воображеніи. Они забываютъ, что ежели оно не на разумѣ и не на твердыхъ мысляхъ основывается, то большая часть изящнаго слога есть не иное что, какъ ребяческая примана для неразумныхъ и не мыслящихъ читателей.

Слогъ простой; принужденной; порывистой; руководство къ составленію пристойнаго слога.

Слово простота о письмѣ, весьма обыкновенно употребляется; однако подобно

многимъ другимъ ученымъ словамъ, часто употребляется оно непостоянно и безъ точности. Различныя мнѣнія поданныя о словѣ простота были главною причиною сея неточности. По сему не непристойно будетъ замѣтить разность между ними, и показать, въ какомъ смыслѣ простота есть пристойное качество слога. Сіе слово берется въ четырехъ знаменованіяхъ.

Первое значитъ простоту въ сложеніи, которая противуполагается великой съ лишкомъ разности частей. Сія есть простота въ расположеніи трагедіи отличающейся отъ сугубаго соединенія, и отъ стѣсненія побочныхъ обстоятельствъ; простота Иліады противуполагаемая отклоненіямъ Лукана; простота Греческой архитектуры противуполагаемая неправильности Готѳской. Простота въ семъ смыслѣ есть тоже, что одинакость.

Во второмъ смыслѣ, означается простота въ мысляхъ, противуполагаемая мудрствованію. Простыя мысли суть тѣ, кои текутъ естественнымъ порядкомъ; кои удобно предметомъ или случаемъ возбуждаются; и кои ежели единожды возбуждены будутъ, всеобще разумѣются. Мудрство-

ванїе въ письмѣ, имѣетъ не столь обыкновенное и естественное изображенїе мыслей, которое ежели съ лишкомъ далеко простирается, то дѣлается запутаннымъ и неприятнымъ, ибо видъ имѣетъ, что съ трудомъ натянуто. Такъ можемъ мы сказать, что г. Пернелль есть стихотворецъ гораздо больше простоты въ изображенїи своихъ мыслей имѣющїй, нежели г. *Колей.*

Третїе знаменованїе слова простоты, есть то, которое къ слогу относится, и противуполагается великому съ лишкомъ украшенїю, или великолѣпїю слова. Такъ говоримъ мы: г. Локъ есть простой, г. Гарвей изящной писатель.

Еще четвертое имѣется понятїе о словѣ простота, которое относится также къ слогу, но въономъ не столько разумѣется степень употребляемаго украшенїя, сколько легкой и естественной образъ, коимъ рѣчь наши мысли выражаетъ. Въ семъ смыслѣ простота можетъ быть вмѣстѣ съ наивысочайшимъ украшенїемъ. Напримѣръ, Гомеръ имѣетъ сїю простоту въ наивеличайшемъ совершенствѣ, и никакой однакожъ писатель болѣе украшенїя и приятности не имѣетъ. Сїя простота, которая есть предметъ те-

перешняго нашего разсужденія, противуполагается не самому украшенію, но принужденнымъ прикрасамъ; и составляетъ высочайшее превосходство въ сочиненіи.

Писатель достигшій простоты, не имѣетъ признаковъ искусственности въ своемъ выраженіи: оно кажется быть истиннымъ языкомъ природы. Мы не писателя и не трудъ его видимъ, но человѣка съ собственнымъ его природнымъ свойствомъ: онъ можетъ въ выраженіи быть богатъ; можетъ быть полнъ фигурами и воображеніемъ; но они произтекаютъ отъ него безъ труда; и кажется, что онъ пишетъ симъ образомъ не для того, что о томъ старался, но потому, что такой родъ выраженія своихъ мыслей для него употребительнѣе и легче. Сему свойству слога, нѣкоторая степень нерадѣнія не только не противна, но даже и пріятна; ибо съ лишкомъ строгое раченіе о словахъ для него чуждо. Простота слога имѣетъ ту великую выгоду, что подобно простотѣ образовъ выраженій, показываетъ намъ человѣческія чувства, и состояніе души явно безо всякаго утаенія. Родъ писанія, на которой болѣе труда приложено, и которой болѣе искусственъ, хотя и

пріятенъ, однакожъ ту имѣетъ невыгоду, что представляетъ сочинителя въ такомъ видѣ, въ коемъ подобно придворному человѣку, блескъ одѣянія, и учтивства обхожденія тѣ врожденныя свойства сокрываютъ, кои единаго отличаютъ отъ другаго. Но читать простаго сочинителя, есть какъ бы бесѣдовать дома и безъ принужденія со знатною особою, въ коемъ мы естественной его видъ и истинныя свойства обрѣтаемъ.

Въ разсужденіи простоты вообще можемъ мы замѣтить, что древніе оригинальные писатели всегда въ ней наипаче превосходствовали. Сіе происходитъ отъ весьма ясной причины, что они писали такъ, какъ имъ сказывало природное ихъ дарованіе, а не по трудамъ и писаніямъ другихъ выработывали.

Достопамятный примѣръ принужденности въ слогѣ показываетъ Лордъ Шефтсбури, писатель великія достоинства имѣющій. Онъ ничего не можетъ выразить съ простотою. Кажется, что онъ почиталъ непристойнымъ и низкимъ противъ достоинства знатнаго человѣка дѣломъ, говорить подобно другимъ людямъ. По сему говорилъ

онъ безпрестанно трагически, полнъ дальныхъ описанiй, и искуственной прiятности. Во всякомъ перiодѣ видны знаки приложеннаго труда; нѣтъ вида той легкости, которая бы выражала чувствованiе естественно и прямо отъ сердца произходящее. Онъ имѣетъ множество фигуръ и украшенiй всякаго рода; бываетъ иногда въ нихъ щастливъ; но привязанность его къ нимъ слишкомъ видна, и захвативъ единожды какую нибудь метафору или игру словъ, которая ему понравилась, не знаетъ, какъ отъ нихъ отстать. Въ немъ нѣжной и чистой вкусъ имѣется къ такому роду, которой можетъ быть названъ излишнимъ, слабымъ и печальнымъ; но мало жара страсти имѣетъ; и холодность его сложенiя возбуждаетъ сей искуственной и великолѣпной образъ выраженiй, которой во всѣхъ его сочиненiяхъ является. Никакой писатель столь не опасенъ склонности къ подражанiю, какъ Шефтсбури, который посреди разныхъ весьма различныхъ погрѣшностей, имѣетъ въ то же время множество прелестей, и привлекательныхъ красотъ.

Не смотря на то быть можетъ, что писатель пишетъ съ простотою, но при

томъ красоты не имѣетъ. Онъ можетъ не имѣть принужденности, и не имѣть достоинства. Приятная простота предполагаетъ писателя истинное дарованїе имѣющаго, и способнаго писать съ основательною, чистою, и блестящею силою воображенїя. Въ семъ случаѣ простота его письма есть похвальное украшенїе; она придаетъ блескъ всякой другой красотѣ; она есть одежда природы, безъ которой всякая красота несовершенна. Но ежели бы единаго отсутствїя принужденности было довольно на составленїе красоты слога, то бы слабые и мало свѣдущїе писатели могли часто тѣмъ похваляться. Посему надлежитъ здѣлать различїе между тою простотою, которая сопровождаетъ истинное дарованїе, и которая совершенно можетъ существовать вмѣстѣ со всякимъ пристойнымъ украшенїемъ слога, и между тою, которая есть дѣйствїе единаго нерадѣнїя и невнимательности.

Другой родъ слога отличной отъ тѣхъ, о коихъ мы уже упомянули, есть порывистой. Сей предполагаетъ всегда силу, и ни въ какомъ случаѣ вмѣстѣ съ простотою существовать не можетъ. Онъ отличается свойственнымъ себѣ жаромъ; онъ есть гла-

толЪ человѣка, коего сила воображенія и страсти пылаютЪ, и порываютЪ. Нерадѣя о меньшихЪ красотахЪ стремится онЪ со скоростію и обильностію быстрыя рѣкй. Порывистой слогЪ принадлежитЪ кЪ вышшему роду ораторіи, и скорѣе ожидаемо быть можетЪ отЪ человѣка говорящаго, нежели отЪ такого, которой пишетЪ вЪ своемЪ кабинетѣ. ДемосѳенЪ есть самой полной и совершенной примѣрЪ сего рода письма.

ОпредѣливЪ и изЪяснивЪ разные роды слога, заключимЪ мы наши примѣчанія малымЪ руководствомЪ кЪ достиженію изящности вЪ писаніи.

Первое правило, которое наблюдать надлежитЪ, есть то, чтобы стараться получить ясныя идеи о предметѣ, о которомЪ мы писать или говорить намѣрены. Ежели мы ихЪ понимаемЪ ясно, и чувствуемЪ сильно, то мы естественнымЪ образомЪ будемЪ и выражать ихЪ ясно и сильно. По сему надобно намЪ напередЪ подумать вЪ тайнѣ о предметѣ, пока мы не получимЪ полнаго и яснаго вида о той матеріи, которую мы вЪ слова облещи намѣрены; пока мы вЪ разсужденіи ея не разгорячимся и не пристрастимся; и тогда

только найдемЪ мы пристойное выраженіе иссшекать стремящееся.

Второе; для достиженія хорошаго слога, частое упражненіе вЪ сочиненіи необходимо нужно. Но не всякой родЪ сочиненія исправляешЪ слогЪ. ОтЪ нерачительнаго и проворнаго писанія, получаемЪ мы худой слогЪ. Болѣе труда необходимо нужно тогда будетЪ на забытіе погрѣшностей, а исправленіе нерадѣнія болѣе нежели раченіе обЪ ономЪ, доведетЪ насЪ отЪ совершеннаго невѣжества, до познанія первыхЪ основаній сочиненія. По чему вЪ началѣ должны мы писать сЪ разсужденіемЪ и сЪ раченіемЪ. Легкость и проворство есть плодЪ упражненія и опытовЪ. Не смотря на то, надобно намЪ остерегаться, чтобы теченіе нашихЪ мыслей не задерживать, и не утолять жара воображенія медля сЪ лишкомЪ долго надЪ каждымЪ нами употребляемымЪ словомЪ. ВЪ нѣкоторыхЪ случаяхЪ потребна пылкость вЪ сочиненіи, которую должно намЪ подкрѣплять, ежели мы надѣемся выразить мысли свои громко хотя и сЪ нѣкоторою неточностію. Строжайшее изслѣдованіе нашего сочиненія должно служить намЪ исправленіемЪ. Когда мы что нибудь написали,

то пускай оно полежитъ на нѣсколько времени, пока жаръ сочиненія не утишится; пока пристрастіе къ нашимъ выраженіямъ не утолится, и самыя выраженія не забудутся; и тогда изслѣдуя наше сочиненіе холоднымъ строгимъ окомъ, какъ будто бы оно было сочинено другимъ, откроемъ мы многія несовершенства, коихъ мы сперьва примѣтить не могли.

Третіе; требуется особенно познаніе слога лучшихъ писателей. Отъ сего образуется точный вкусъ, и получается обильное число словъ на всякой предметъ. Никакое можетъ быть упражненіе не будетъ полезнѣе для полученія пристойнаго слога, какъ переводить нѣкоторыя мѣста изъ какого нибудь изящнаго писателя нашими собственными словами. Такъ напримѣръ взять страницу изъ Аддисоновыхъ зрителей, и прочесть оную со вниманіемъ два или три раза, пока мы не объемлемъ совершенно содержащихся въ оной мыслей; потомъ книгу положить прочь; стараться написать изъ головы оное мѣсто, такъ какъ мы можемъ, и послѣ написанное нами сравнить со слогомъ сочинителя. Такое упражненіе покажетъ намъ черезъ сравненіе, наши собственные не-

достатки; научитЪ насЪ оные изправлять; и разностію выраженій, которую оно покажетЪ, доведетЪ насЪ до того, что наипаче прекрасно и совершенно.

Четвертое; надобно стараться избѣгать рабскаго подражанія всему тому, что какой нибудь писатель написалЪ. Склонность кЪ подражанію запутываетЪ дарованіе, и обыкновенно производитЪ принужденное выраженіе. Тѣ, которые слѣдуютЪ писателямЪ сЪ точностію, списываютЪ обыкновенно его пороки вмѣстѣ сЪ красотами: Никто не здѣлается совершеннымЪ писателемЪ или ораторомЪ, ежели нѣкоторой довѣренности на свое собственное дарованіе не имѣетЪ. Мы должны рачительно избѣгать, чтобЪ не употреблять особливыхЪ какого нибудь писателя фразесовЪ, или чтобЪ не списывать мѣстЪ изЪ него: такая привычка для собственнаго сочиненія вредна. Гораздо лутче имѣть что нибудь наше собственное, хотя оно и нестоль хорошо, нежели стараться блистать заемнымЪ блескомЪ, которой наконецЪ крайнюю неплодовитость нашего разума откроетЪ.

Пятое замѣчаніе вЪ разсужденіи слога есть то простое но важное правило, чтобЪ

мы всегда старались соображать слогъ нашъ съ предметомъ нашимъ, и также со способностію нашихъ слушателей, ежели мы говоримъ передъ собраніемъ. Употреблять піитической, цвѣтущей слогъ тогда, когда наша должность есть только доказывать и разсуждать, есть высочайшая степень непристойности и глупости. Говорить съ напряженною великолѣпностію словъ передъ тѣми, кои ихъ не разумѣютъ, также есть смѣшное и безполезное дѣло. Ежели мы начнемъ писать или говорить, то надобно намъ напередъ впечатлѣть въ умѣ нашемъ полную идею конца, котораго мы достичь желаемъ, съ твердостію онаго держаться, и слогъ нашъ соображать съ нимъ.

Наконецъ должны мы подать еще тотъ совѣтъ, чтобъ рачительное вниманіе о слогѣ не занимало насъ столь много, чтобъ оно отвлекало отъ вышшаго степени вниманія о мысляхъ. Сіе правило всѣхъ нужнѣе; ибо вкусъ нынѣшняго вѣка, кажется, будто болѣе старается о слогѣ, нежели о мысляхъ. Гораздо легче облещи маловажныя и обыкновенныя мысли въ нѣкоторую красу выраженія, нежели предложить нѣкоторое количество основательныхъ, разумныхъ и полезныхъ

мыслей. Послѣднее требуетъ особливаго къ тому дарованія; первое достигается искуствомъ съ помощїю весьма слабыхъ дарованій. Отъ сего произтекаетъ скука отъ сочинителя, богатаго словами, но мыслями убогаго. Обычай обязываетъ насъ быть внимательными къ украшеніямъ слога, ежели мы желаемъ, что бы труды наши были чтомы, и что бы имъ удивлялись. Но тотъ писатель презрителенъ, которой кромѣ одѣянія словъ ни о чемъ не печется, которой главнаго основанія своей матеріи не полагаетъ и которой украшеніе вторымъ и нижшимъ дарованіемъ сочиненія не почитаетъ.

Критическое изслѣдованіе слога господина Аддисона въ No 411 *зрителя.*

Разсмотрѣвъ довольно пространно слово вообще, учинимъ мы теперь критическое изслѣдованіе слога нѣкоторыхъ хорошихъ писателей. Сїе возбудитъ примѣчанія, кои мы доселѣ случая не имѣли учинить, и придастъ пристойной свѣтъ тѣмъ, кои уже были учинены.

Г. Аддисонъ, хотя одинъ изъ наилучшихъ былъ писателей на Аглинскомъ языкѣ, одна-

кожъ онъ не весьма исправенъ; обстоятельство дѣлающее сочиненіе его самымъ пристойнымъ предметомъ нашего теперешняго изслѣдованія. И такъ начнемъ мы изслѣдовать No 411, первый изъ славныхъ его опытовъ о пріятностяхъ воображенія, въ шестомъ томѣ зрителя. Онъ начинаетъ такъ.

Наше зрѣніе есть самое совершенное и самое удовольствія преисполненное изо всѣхъ чувствъ.

Періодъ сей ясенъ, точенъ и простъ. Сочинитель въ немногихъ простыхъ словахъ выражаетъ предложеніе, которое онъ изъяснить намѣренъ. Первой періодъ рѣдко можетъ быть длиненъ, и никогда не долженъ быть разумѣнію труденъ.

Онъ продолжаетъ.

Оно наполняетъ духъ нашъ самою обширнѣйшею различностію идей, обращается съ предмѣтами своими въ наивеличайшей отдаленности, и наидолѣе пребываетъ въ упражненіи, не утомляясь и не обременяясь собственнымъ своимъ наслажденіемъ.

Сей періодъ достопамятнымъ образомъ согласенъ и хорошо сложенъ. Онъ совершенно ясенъ. Ненужными словами не обремененъ. То качество хорошаго періода, которое

мы назвали единствомЪ, совершенно сохранено. Члены растушЪ, и слѣдуюшЪ одинЪ послѣ другаго здраво, пока не достигли до самаго согласнаго заключенія, которое Аглинской языкЪ позволяетЪ. ОнЪ изображенЪ фигурою; однакожЪ вЪ разсужденіи предмета не сЪ излишкомЪ. Здѣсь нѣтЪ никакой погрѣшности, развѣ что строгая критика можетЪ то здѣлать возраженіе, что прилагательное *обширной*, которое онЪ приложилЪ кЪ слову *различности*, обыкновеннѣе употребляется при пространствѣ, нежели при числѣ. Всякой видитЪ, что онЪ употребилЪ оное для избѣжанія повторенія слова *великой*, которое непосредственно потомЪ слѣдуетЪ.

Чувство осязанія можетЪ намЪ по справедливости подать понятіе о протяженіи, фигурѣ, и обо всѣхЪ другихЪ идеяхЪ, кои получаетЪ оно, изключая цвѣтовЪ; но вЪ тоже самое время оно весьма мало и ограничено вЪ своихЪ дѣяніяхЪ, числомЪ, величиною и разстояніемЪ особенныхЪ своихЪ предметовЪ.

Сей періодЪ не столь щастливо сложенЪ какЪ прежней. *Протяженіе* и *фигура* собственно не могутЪ называться *идеями*; ибо онѣ суть свойства вещества. Также не мо-

жемъ мы собственно ни про какое чувство сказать, *что оное подаетъ намъ понятіе о идеяхъ*; по тому что наши чувства подаютъ намъ самыя идеи. Послѣдняя часть еще болѣе запутана. *Чувство осязанія*, говоритъ онъ, *въ дѣяніяхъ своихъ ограничено, числомъ, величиною и разстояніемъ особенныхъ своихъ предметовъ.* Но не всякое ли чувство столь же много, какъ и чувство осязанія ограничивается числомъ, величиною, и разстояніемъ собственныхъ своихъ предметовъ? Образъ выраженія здѣсь также не точенъ; и требуется чтобы два слова *относительно ко*, помѣщены были послѣ слова *дѣянія*, для того, что бы смыслъ здѣлался вездѣ ясенъ и вразумителенъ. Кажется, что прилагательное *особенной* употреблено вмѣсто *свойственной*; но сіи слова хотя и часто между собою смѣшиваются, имѣютъ однакожъ весьма различное знаменованіе. *Особенное* противуполагается *всеобщему*; а *свойственное* противуполагается тому, что имѣется *обще съ другими.*

Наше зрѣніе кажется опредѣлено для замѣненія всѣхъ сихъ недостатковъ, и можетъ назваться нѣжнѣйшимъ и далѣе простирающимся родомъ осязанія, которое раз-

простирается по безчисленному множеству тѣлъ, обемлетъ самыя обширнѣйшія фигуры, и достигаетъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ частей вселенныя.

Сей перїодъ ясенъ, приятенъ, хорошо расположенъ, и весьма согласенъ. Сложенїе онаго столь подобно сложенїю втораго перїода, что ежели бы сей слѣдовалъ непосредственно послѣ того, то бы слухъ почувствовалъ погрѣшность *единогласїя.* Однакó положенной между ними другой перїодъ сїе неприятное дѣйствїе разрушаетъ.

Сїе то чувство наполняетъ воображенїе идеями; такъ что чрезъ приятности воображенїя, или силы представленїя себѣ вещей (кои я употреблять буду за одно) разумѣю я здѣсь такъ, какъ оныя произтекаютъ отъ видимыхъ предметовъ, либо когда мы ихъ теперь передъ глазами нашими имѣемъ либо когда мы въ мысляхъ нашихъ напоминаемъ себѣ ихъ идеи чрезъ картины, истуканы, описанїя, или другимъ какимъ подобнымъ случаемъ.

Въ скобкахъ сказанное въ серединѣ сего перїода не довольно ясно; надлежало бы стоять; *слова, которыя я за одно употреблять буду,* ибо глаголъ *употреблять* не

къ пріятностямъ воображенія относится, но къ словамъ воображенія и представленія себѣ вещей, кои почитаются однозначащими. Называть картину или истукана *случаемъ*, не есть точное выраженіе; также не весьма справедливо сказано *напоминать себѣ идеи случаями*. Обыкновенное выраженіе, *другимъ подобнымъ образомъ*, было бы естественнѣе и свойственнѣе.

Мы по справедливости не можемъ имѣть такой простой картины въ воображеніи нашемъ, которая бы перваго своего вступленія не имѣла чрезъ зрѣніе; но мы имѣемъ способность удерживать, перемѣнять, и смѣшивать сіи образы, или картины, кои мы единожды возпріяли, такъ какъ и всѣ тѣ различности картины и изображенія, кои воображенію наипаче пріятны; ибо сею способностію, можетъ человѣкъ заключенный въ темницѣ упражнять себя всѣми явленіями и картинами, кои гораздо красивѣе, нежели всѣ тѣ, кои могутъ быть основаны во всей наружности природы.

Въ одномъ членѣ сего періода имѣется неточность въ разсужденіи сочиненія словъ *перемѣнять, и смѣшивать сіи образы, кои мы единожды возпріяли, на всѣ тѣ различ-*

ности картины и изображенія, пристойно сказано, но мы не можемъ съ пристойностію сказать *удерживать ихъ во всѣ тѣ различности*; что по разположенію бы требовалось. Можно бы было избѣжать сея погрѣшности разположивъ сіе мѣсто слѣдующимъ образомъ: „Мы имѣемъ способность удерживать, пере-„мѣнять и смѣшивать сіи образы, кои мы „единожды *возприяли*; и дѣлать изъ нихъ „всѣ тѣ различности картины и изображе-„нія.„ Послѣдняя часть періода ясна и прекрасна.

Мало имѣется словъ въ Аглинскомъ языкѣ, кои бы такое зыблемое и неопредѣленное знаменованіе имѣли, какъ слова представленія себѣ вещей и воображенія.

Можно бы сіе лушче выразить такимъ образомъ: „Мало словъ въ Аглинскомъ язы-„кѣ употребляется въ такомъ зыблемомъ и „неопредѣленномъ смыслѣ, какъ представле-„ніе себѣ вещей и воображеніе.„

Посему почелъ я за нужное утвердить и опредѣлить понятіе сихъ двухъ словъ, какъ я намѣренъ употреблять ихъ въ слѣдующихъ моихъ разсужденіяхъ, дабы читатель могъ точно понять предметъ, о которомъ я при сихъ словахъ разсуждаю.

Слова *утвердить* и *определить*, хотя съ перваго виду и покажутся однозначащими, однако онѣ не суть подлинно таковы. Мы *утверждаемъ* то, что зыблется; *а определяемъ* то, что *неопредѣленно*, по сему можетъ почесться, что онѣ приложены съ пристойнымъ приятствомъ.

Понятіе сихъ словъ сурово сказано, и не столь обыкновенно употребляется какъ *смыслъ сихъ словъ. — Какъ я намѣренъ употреблять ихъ въ слѣдующихъ моихъ умозрѣніяхъ.* Сіе очевидно (въ Аглинскомъ) погрѣшительно. Метафора непристойно смѣшана со словами въ буквенномъ ихъ смыслѣ взятыми. *Предметъ, о которомъ я разсуждаю при оныхъ словахъ*, есть неприятное заключеніе періода; надлежало бы сказать; *предметъ, о которомъ я разсуждаю.*

Посему напомянуть мнѣ надобно, что подъ приятностями воображенія, разумѣю я только такія приятности, кои начало свое имѣютъ отъ зрѣнія, и что я сіи приятности раздѣляю на два рода.

Сей періодъ начинается образомъ, которой первому съ лишкомъ подобенъ. *Разумѣю я только такія приятности.* Частица *только* не на пристойномъ мѣстѣ. Она не

къ глаголу *разумѣю* относится, но на *такія приятности*, и слѣдовательно непосредственно послѣ послѣдняго поставлена быть должна.

Поелику я намѣренъ прежде всего, разсуждать о тѣхъ первыхъ удовольствіяхъ воображенія, кои совершенно произтекаютъ отъ такихъ предметовъ, которыя предъ глазами нашими имѣются, а потомъ о тѣхъ говорить вторыхъ удовольствіяхъ воображенія, которыя произходятъ отъ идей видимыхъ предметовъ, когда предметы настояще предъ глазами нашими неимѣются, но призываются на память, или представляются приятными мечтаніями вещей, кои либо отсутствуютъ либо вымышлены.

Сей періодъ запутанъ не много скучнымъ словоописаніемъ. *Поелику я намѣренъ прежде всего разсуждать, потомъ говорить о такихъ предметахъ, кои предъ глазами нашими имѣются, вещей, кои либо отсутствуютъ или вымышлены.* Многія слова могли бы здѣсь быть выпущены, и слогъ бы могъ быть чище и приятнѣе.

Удовольствія воображенія, взявъ ихъ въ полной ихъ обширности, не столь велики,

какъ удовольствія чувства, ниже столь совершенны, какъ удовольствія разума.

Сей періодъ ясенъ и пріятенъ.

Послѣднія по справедливости болѣе преимущества имѣютъ, потому что онѣ основываются на нѣкоторыхъ новыхъ познаніяхъ или исправленіяхъ души человѣческой; однакожъ признаться должно, что удовольствія столь же велики и удобопреносимы какъ и другаго.

Выраженіе *болѣе преимущества*, столь примѣтную неточность имѣетъ, что удивиться должно, какъ оно могло избѣгнуть замѣчанія г. Аддисона. Предложеніе заключающееся въ послѣднемъ членѣ сего періода, ни ясности ни пріятности не имѣетъ. *Признаться должно, что удовольствія воображенія столь же велики и удобопреносимы какъ и другаго.* Въ началѣ сего періода, назвалъ онъ удовольствія разума *послѣдними*, и заключаетъ наблюденіемъ, что удовольствія воображенія столь же велики и удобопреносимы, какъ *и другаго*. Кромѣ того, что сіе *другаго* непристойное противуположеніе дѣлаетъ *послѣднему*, весьма сумнительно чрезъ *другое* разумѣются ли удовольствія разума, или удовольствія чув-

ства, хотя безъ сумнѣнія, намѣреніе его было отнести оное только къ удовольствіямъ разума.

Прекрасный видъ приноситъ душѣ такое же удовольствіе, какъ и доказательство; и Омирово описаніе болѣе читателямъ нравилось, нежели глава изъ Аристотеля.

Сіе есть хорошее объясненіе того, что онъ утверждалъ, и выражено съ тою изящностію, коею г. Аддисонъ столько себя отмѣняетъ.

Кромѣ того, что удовольствія воображенія имѣютъ предъ удовольствіями разума ту выгоду, что онѣ яснѣе, и удобовразумительнѣе.

Сей періодъ безъошибоченъ.

Онѣ открываютъ глаза, и явленіе выступаетъ.

Хотя сіе живо и картиною представлено, однакожъ намъ замѣтить надлежитъ малую неточность. Нельзя сказать о *явленіи*, что оно *выступаетъ*; *дѣйствующее лице* выступаетъ; но явленіе *показывается* или *представляется.*

Цвѣты начертаваются въ воображеніи съ весьма малою внимательностію мыслей или напряженіемъ души для узрѣнія ихъ.

Сїе прекрасно и изящно сказано, и весьма пристойно къ удовольствїямъ воображенїя относится о которыхъ сочинитель разсуждаетъ.

Мы не знаемъ сами какъ правильному расположенїю видимыхъ вещей удивляемся и непосредственно потомъ уступаемъ красотѣ предмета, не изслѣдуя особенныхъ ихъ причинъ и случаевъ.

Мы *уступаемъ* справедливости предложенїя, но собственно не можемъ сказать, что *уступаемъ красотѣ предмета.* Въ заключенїи оба слова *особенный* и *случаи* излишни; а мѣстоименїе *ихъ* не много сумнительно, къ красотѣ ли или къ предмету относится.

Человѣкъ съ исправленнымъ воображенїемъ гораздо болѣе воображенїемъ вкушаетъ, нежели какъ сколько простой человѣкъ получить можетъ.

Здѣсь возражено быть можетъ то, что слово *исправленный* чаще прилагается къ нравамъ, нежели къ воображенїю.

Онъ можетъ обращаться съ картиною, и найти въ истуканѣ приятнаго себѣ собесѣдника. Онъ чувствуетъ тайную живность приописанїи; и часто находитъ большее удовольствїе въ видѣ полей и луговъ, нежели дру-

гой во владѣніи оными. Оно подаетъ ему, по справедливости, родъ пристоинства, во всякой вещи, которую онъ видитъ; и самыя грубыя неизправленныя части природы дѣлаетъ для него способствователями его удовольствіямъ: такъ что онъ взираетъ на міръ съ инымъ свѣтомъ, нежели каковъ имѣется, и открываетъ въ ономъ множество приятностей, кои отъ прочей части человѣческаго роду сокрываются.

Сіи періоды легки, плавны, и согласны. Не смотря на то должны мы замѣтить нѣкоторую неточность. *Оно подаетъ ему родъ пристоинства.* Къ сему *оно* нѣтъ предъидущаго во всемъ параграфѣ. Для открытія связи должны мы смотрѣть выше третіе изреченіе, которое начинается такъ, *человѣкъ съ изправленнымъ воображеніемъ.* Сіе выраженіе, *изправленное воображеніе*, есть единое предъидущее, къ коему *оно* отнесено быть можетъ, да и сіе не весьма есть пристойное предъидущее, по тому что оно стоитъ въ творительномъ падежѣ, такъ какъ простое качество *человѣка.*

По справедливости весьма мало такихъ людей имѣется, кои вѣдаютъ, какъ можно быть праздну и невинну, или имѣть удо-

вольствіе въ наслажденіяхъ, кои непорочны: каждое увеселеніе, которое они предпріемлютъ, есть на щетъ либо какой нибудь добродѣтели, или ближняго; и главное свое упражненіе полагаютъ въ порокахъ и глупостяхъ.

Сей період по справедливости изященъ, согласенъ и вѣренъ.

Посему надлежало бы человѣку старатся, дѣлать поле невинныхъ своихъ наслажденій столь обширнымъ, сколько можно, чтобъ онъ могъ съ удовольствіемъ оное предпринимать, и находить въ ономъ то удовольствіе, которое имѣть разумной человѣкъ не стыдится.

Сей період пристоенъ, и возраженіямъ не подверженъ.

Такое естество имѣютъ удовольствія воображенія, кои не требуютъ такой склонности къ размышленію, какая потребна въ важнѣйшихъ нашихъ упражненіяхъ, ниже въ тоже самое время не дозволяютъ душѣ впасть въ такую нечувствительность и безпечность, кои чувственныя наслажденія сопровождать удобны; но подобно пріятному упражненію по способностямъ, возбуждаютъ его отъ лѣ-

ности и праздности, не ввергая однакожъ въ трудъ и затрудненія.

Начало сего періода неизправно. *Такое естество*, говоритъ онъ, *имѣютъ удовольствія воображенія.* Можно вопросить, какое естество? Въ прошедшемъ періодѣ не описалъ онъ ни какого класса удовольствій. Онъ сказалъ, что долгъ каждаго человѣка есть дѣлать сколько можно болѣе обширнымъ поле невинныхъ своихъ наслажденій, по тому что онъ въ нутри сего поля надежное себѣ убѣжище, и похвальное удовольствіе найти можетъ. Прехожденіе по сему весьма слабо. Лучше бы было, ежели бы онъ сказалъ: „Сея „выгоды мы достигаемъ, или симъ удовольствіемъ мы наслаждаемся„ посредствомъ наслажденій воображенія. Прочая часть періода прекрасна и безъ выключекъ.

Мы можемъ присовокупить здѣсь, что наслажденія воображенія для здоровья слоспособнѣе, нежели какъ наслажденія разума, кои производятся силою размышленія, и сопровождаются напряженіемъ мозга съ лишкомъ сильнымъ.

Подробная Критика можетъ здѣсь замѣтить что *производится силою размышленія,* есть выраженіе, которое съ лишкомъ со сло-

томъ простаго разговора граничитъ, и слѣдовательно въ изправленномъ сочиненіи съ пристойностію позволено быть не можетъ.

Пріятныя явленія, въ природѣ, на картинѣ, или въ стихотвореніи, имѣютъ пріятное вліяніе на тѣло, также какъ и на душу, и не только служатъ на прочищеніе и просвѣщеніе воображенія, но способно также прогонять печаль и унылость, и жизненнымъ духамъ придать движенія пріятныя и насладительныя. По сей причинѣ, Францискъ Баконъ, въ опытѣ своемъ о здравіи, не за непристойное дѣло почелъ предписать своему читателю стихотвореніе или картину, гдѣ онъ особенно отвлекаетъ его отъ затруднительныхъ и подробныхъ изысканій, и совѣтуетъ слѣдовать такимъ упражненіямъ, кои исполняютъ душу блестящими и славными предметами, каковы суть, повѣствованія, басни, и разсматриваніе природы.

Въ послѣднемъ изъ сихъ двухъ періодовъ одинъ членъ непристойно помѣщенъ. *Гдѣ онъ особенно отвлекаетъ его отъ затруднительныхъ и подробныхъ изысканій.* Сіи слова надлежало бы расположить слѣдующимъ образомъ: *Францискъ Баконъ, въ опы-*

тѣ своемъ о здравіи, въ коемъ онъ наипаче отвлекаетъ читателя отъ затруднительныхъ и подробныхъ разсужденій, не за непристойное почелъ дѣло и проч.

Въ семъ мѣстѣ опредѣлилъ я родомъ вступленія, понятіе о тѣхъ наслажденіяхъ воображенія, кои суть предметъ теперешняго моего предпріятія; и различными умозрѣніями старался побудить моихъ читателей заниматься сими наслажденіями; въ слѣдующемъ листѣ буду я изслѣдывать различные источники, откуду сіи наслажденія произтекаютъ.

Сіи два заключающіе члены подаютъ примѣры пристойнаго разположенія обстоятельствъ въ періодѣ. Мы съ начала показали, что разумное разположеніе онаго весьма трудно. Ежели бы онъ слѣдующія случайныя обстоятельства, *родомъ вступленія, различными умозрѣніями, въ семъ листѣ — въ слѣдующемъ листѣ,* помѣстилъ въ какомъ нибудь другомъ порядкѣ, то бы періодъ ни столь пріятенъ, ни столь ясенъ не былъ, какъ въ теперешнемъ разположеніи.

КРАСНОРѢЧІЕ.

Начало краснорѣчія, Греческое краснорѣчіе; Демосфенъ.

Краснорѣчіе есть искуство увѣрять. Самыя существенныя къ оному потребности суть основательныя доказательства, ясное преподаваніе, видъ искренности въ ораторѣ соединенный съ нѣкоторою приятностію слога и выговора, кои возбуждаютъ вниманіе и привлекаютъ къ оному. Хорошій смыслъ долженъ служить основаніемъ. Безъ сего никакой человѣкъ истинно краснорѣчивъ быть не можетъ; ибо глупцы могутъ увѣрить однихъ глупцовъ. Прежде нежели мы разумнаго человѣка увѣрить можемъ, должны мы убѣдить его. Убѣжденіе и увѣреніе, хотя иногда между собою и смѣшиваются, однакожъ разное имѣютъ знаменованіе. Убѣжденіе относится къ одному разсудку, а увѣреніе къ волѣ и упражненію. Должность Философа есть убѣждать насъ съ истинною; а должность оратора есть увѣрять насъ, поступать согласно съ симъ привлекая нашу къ себѣ благосклонность. Не смотря на то убѣжденіе есть одинъ приступъ

къ сердцу; и оно есть то, чего ораторъ прежде всего достигнуть стараться долженъ; ибо никакое увѣреніе не можетъ быть твердо, ежели оно не основывается на убѣжденіи. Однакожъ ораторъ не долженъ быть доволенъ убѣжденіемъ, онъ долженъ прибѣжище брать у страстей, долженъ изображать для воображенія, и трогать сердце; и по сему кромѣ основательныхъ доказательствъ и яснаго преподаванія, всякое плѣняющее и привлекательное искуство какъ въ сочиненіи такъ и въ произношеніи вступаетъ въ идею о краснорѣчіи.

О краснорѣчіи можно сказать, что оно состоитъ изъ трехъ родовъ или степеней. Первая, и самая нижшая есть та, которою ораторъ старается слушателямъ понравиться. Таково есть вообще краснорѣчіе похвальныхъ словъ, посвятительныхъ рѣчей, писемъ къ знатнымъ людямъ, и другихъ рѣчей сего рода. Сей красивой родъ сочиненія можетъ невиннымъ образомъ забавлять и упражнять душу; и можетъ въ тоже время соединенъ быть съ весьма полезными изреченіями. Но замѣтить надобно, что гдѣ ораторъ намѣренъ блистать и нравиться, тамъ немалая имѣется опасность, чтобы не казаться

тщеславнымъ, а въ разсужденіи сочиненія, чтобъ не здѣлаться скучнымъ и глупымъ.

Вторая и вышшая степень краснорѣчія есть, когда Ораторъ предпринимаетъ не только нравиться, но также и научать, наставлять, убѣждать; когда искуство его употреблено на удаленія предразсужденій отъ него и его дѣла, на выборъ самыхъ пристойныхъ доказательствъ, на представленіе ихъ въ величайшей ихъ силѣ, на разположеніе ихъ въ наилучшей порядокъ, на выраженіе и на предложеніе ихъ съ пристойностію и красотою; и чрезъ то на приготовленіе насъ самихъ подать тотъ строгой или благосклонной судъ, или принять ту сторону дѣла, къ которой онъ насъ привлечь желаетъ. Въ сей степени употребляется краснорѣчіе наипаче въ судебныхъ мѣстахъ.

Но еще остается третія, и вышшая еще степень краснорѣчія, отъ коея мы не только убѣждаемся, но и участіе приемлемъ, волнуемся и стремимся вмѣстѣ за Ораторомъ; наши страсти возходятъ съ его страстями; мы раздѣляемъ съ нимъ всѣ его движенія; любимъ, ненавидимъ, чувствуемъ, такъ какъ онъ въ насъ внушаетъ, и приготовля-

емся рѣшить или дѣйствовать съ силою и жаромъ. Споры въ народныхъ собранiяхъ открываютъ самое пространное поле для упражненiя въ семъ родѣ краснорѣчiя; и Каѳедра также оное позволяетъ.

Замѣтить надлежитъ, что сiя высокая степень краснорѣчiя есть всегда чадо страсти. Чрезъ слово страсть разумѣемъ мы то состоянiе души, въ которомъ она волнуется и возпаляется какимъ нибудь въ виду имѣющимся предметомъ. Отсюду произтекаетъ всеобще замѣченное дѣйствiе восторга въ публичныхъ ораторахъ, для привлеченiя къ себѣ слушателей. Отсюду произтекаетъ, что всѣ принужденныя восклицанiя, и трудомъ произведенныя украшенiя слога, показывающiя, что духъ хладенъ и неподвиженъ, съ увѣряющимъ краснорѣчiемъ не согласуется. По сему всякой родъ принужденности въ тѣлодвиженiяхъ и въ произношенiи, столь много умаляетъ достоинства оратора. По сему наконецъ необходимо здѣлаются, и будутъ думать, что здѣлался въ разсужденiи увѣренiя безпристрастнымъ и важнымъ.

Въ изслѣдованiи начала краснорѣчiя, не нужно возвращаться къ первымъ лѣтамъ свѣ-

та, или изыскивать для сего памятники восточныхъ или Египетскихъ древностей. Въ сихъ лѣтахъ имѣлся, по справедливости, нѣкоторой родъ краснорѣчія, но оно ближе сродствовало со стихотворствомъ, нежели съ тѣмъ, что мы собственно называемъ краснорѣчіемъ. Поелику сходбища между людьми были нечасты, и сила и насиліе были главныя средства употребляемыя на разрѣшеніе раздоровъ, то искуство ораторіи и увѣренія, заключенія и опроверженія, мало могло быть извѣстно. Первыя возшедшія государства, Ассирское и Египетское, были самовластнаго роду. Единая особа, или по большой мѣрѣ малое число оныхъ, управляли государствомъ. Толпа привыкла къ слѣпому повиновенію; они были принуждаемы а не увѣряемы; и слѣдовательно никакое изъ тѣхъ поправленій общества, отъ коихъ публичныя рѣчи важнымъ дѣлаются предметомъ, введены еще не были.

Не прежде какъ отъ начала Греческихъ республикъ, примѣчаемъ мы нѣкоторыя достопамятныя появленія краснорѣчія яко искуства увѣрять; и сіи открыли оному такое поле, какого никогда оно прежде не имѣло, и можетъ быть послѣ сего времени

никогда не было употребляемо. Грецїя была раздѣлена на множество малыхъ правительствъ: сїи управлялись сперьва царями, коихъ не безъ причины называли тиранами, и какъ они благоразумїемъ народнымъ одинъ за другимъ изъ государства были выгоняемы, то произошло множество демократическихъ правленїй, основанныхъ почти на томъ же самомъ положенїи, оживленныхъ тѣмъ же самымъ похвальнымъ духомъ вольности, взаимно усердны и ревностны одинъ противъ другаго. Между сими Аѳины блескомъ своимъ наипаче возносились. Въ семъ государствѣ, искусства всякаго роду, но наипаче краснорѣчїе доведено было до высочайшаго степени совершенства. Мы обойдемъ тѣхъ ораторовъ, кои процвѣтали въ первые перїоды сея республики, и взглянемъ на великаго Демосѳена, въ коемъ краснорѣчїе съ высочайшимъ и ни кѣмъ ему неоспориваемымъ блескомъ блистало. Не бывъ отъ природы произведенъ ни на то, чтобъ нравиться, ниже на то чтобъ увѣрять могъ, пересилилъ онъ ее, и преодолѣлъ самыя ужаснѣйшїя препятствїя. Онъ замыкался въ погребу, дабы ничто его отъ трудовъ отвлекать не могло. Онъ кричалъ на берегу

морскомъ, дабы онъ могъ быть употребляемъ при шумѣ волнующагося собранія; и держалъ кремешки во ртѣ, дабы изправить недостатокъ въ произношеніи. Онъ дѣлалъ тѣлодвиженія дома имѣя надъ плечами своими висящій голый мечь, дабы изправить неприятныя тѣлодвиженія, которыя онъ имѣлъ. И такъ примѣръ сего великаго мужа подаетъ наивеличайшее ободреніе всякому человѣку учащемуся краснорѣчію; ибо онъ показываетъ, сколь много можетъ помочь искусство и прилѣжаніе, въ достиженіи приятства, въ которомъ кажется природа отказать намъ хотѣла.

Никакой Ораторъ лучшаго поля не имѣлъ, какъ Демосѳенъ въ Олинѳскихъ и Филиппинскихъ рѣчахъ, кои суть самыя лучшія его слова; и несомнѣнно одолжены онѣ большою частію своего достоинства великости предмета, и тому чистосердечію, и общенародному духу, коимъ онъ дыхалъ. Предметъ оныхъ есть возбудить негодованіе своихъ соотчичей на Филиппа Македонскаго общаго врага Греческія вольности; и предохранить ихъ отъ тѣхъ пагубныхъ средствъ, коими сильный сей тираннъ старался засыпить ихъ, дабы они объ опасностяхъ сво-

ихъ нерадѣли. Для достиженія сего предмета видимъ мы его употребляющаго всякое пристойное средство для оживленія народа отличающагося правосудіемъ, человѣколюбіемъ и силою, которой однако во многихъ случаяхъ измѣняетъ и развращается. Онъ отважнымъ образомъ обвиняетъ ихъ въ подкупленіи, въ нерадѣніи, и равнодушіи въ разсужденіи общаго блага; но въ тоже время напоминаетъ имъ прежнюю ихъ славу, и нынѣшнюю ихъ надежду. Современныхъ себѣ ораторовъ, кои бывъ подкуплены Филиппомъ склоняютъ народъ къ миру, укоряетъ онъ явно такъ какъ измѣнниковъ своего отечества. Онъ не только подаетъ сильныя средства, но и научаетъ, какъ имъ поступать въ совершеніи оныхъ. Рѣчи его сильно оживленны, и преизполнены буйствомъ и жаромъ народнаго духа. Сочиненіе его не отличается украшеніемъ и блескомъ. Оно есть сила мыслей, свойственно ему принадлежащихъ, кои составляютъ его свойство, и возносятъ его надъ подобными ему. Онъ кажется не въ слова вникаетъ, но въ самыя вещи. Мы забываемъ Оратора, и помышляемъ о предметѣ. Въ немъ нѣтъ великолѣпій и похвальбы, нѣтъ напряженныхъ вступленій; но по-

добенъ человѣку полному своимъ предметомъ, который, предъуготовивъ своихъ слушателей однимъ или двумя предложеніями, для принятія ясной истинны, поступаетъ прямо къ своей должности.

Слогъ Демосѳеновъ силенъ и краткоъ; хотя иногда, признаться должно, суровъ и отрывистъ. Слова его высоко выражаютъ, и расположеніе его твердое и мужественное. Будучи нерадивъ въ разсужденіи меньшихъ пріятностей кажется старался онъ о той высокости, которая въ мысляхъ заключается. Тѣлодвиженіе его и произношеніе, сказываютъ, производилось съ необыкновенною силою и жаромъ; чему мы видя образъ его писанія, охотно вѣримъ. Свойство его кажется было болѣе строгое, нежели кроткаго рода. Онъ всегда бывалъ важенъ, скроменъ, горячь; никогда себя не унижая, и ничего не обращая въ смѣхъ. Ежели удивленія достойное его краснорѣчіе имѣетъ какія нибудь погрѣшности, то онѣ состоятъ въ томъ, что оно подходитъ иногда къ суровому и сухому. Можно думать, что въ немъ недоставало мягкости и пріятства, что приписуется съ лишкомъ *строгому* его подражанію Ѳукидидову способу, которой

былъ великій его образецъ въ разсужденіи слога, коего Исторію онъ, какъ сказываютъ, восемь разъ собственною своею рукою переписывалъ. Но сіи недостатки съ лишкомъ заглаживаются отмѣнною силою мужескаго краснорѣчія, которое, такъ какъ оно пересиливало всѣхъ слышавшихъ оное, такъ и нынѣ безъ внутренняго движенія читано быть не можетъ.

Римское краснорѣчіе, Цицеронъ. Новѣйшее краснорѣчіе.

Разсмотрѣвъ состояніе краснорѣчія между Греками, приступимъ мы теперь къ обозрѣнію успѣховъ онаго между Римлянами гдѣ мы, покрайнѣй мѣрѣ, единый образецъ найдемъ краснорѣчія въ самомъ блестящемъ его и изправленномъ видѣ. Римляне получили свое краснорѣчіе, стихотворство и ученость отъ Грековъ, и слѣдовательно гораздо ниже ихъ были дарованіемъ въ разсужденіи всѣхъ сихъ совершенствъ. Они не имѣли ни живности ихъ, ни чувствительности; страсти ихъ не столь удобно возбуждались; и мысли ихъ не столь были сильны; въ сравненіи съ тѣми были они

хладнокровной народъ. Языкъ ихъ сходствовалъ съ ихъ свойствомъ; онъ былъ правиленъ, твердъ и важенъ; но недостатокъ имѣлъ въ той выразительной простотѣ, въ той гибкости согласоваться со всякимъ родомъ сочиненія, коими Греческой языкъ столь свойственно отличается. И по сему, черезъ сравненіе найдемъ мы всегда, что въ Греческихъ произведеніяхъ имѣется всегда болѣе природнаго дарованія; а въ Римскихъ болѣе правильности и искуства.

Поелику Римское государство, будучи республикою, управлялось народомъ, то безъ сумнѣнія публичныя рѣчи подавали рано способы къ достиженію силы, чести, и отличенія. Но въ грубыя, неизправленныя времена государства, рѣчи ихъ едва могли заслуживать имя краснорѣчивыхъ. Не задолго лишь предъ Цицероновыми временами, Римскіе ораторы нѣсколько отмѣнитны быть стали. Кажется, что Крассъ и Антоній были самые знаменитые, но какъ ни которое изъ произведеній ихъ не существуетъ, такъ какъ и изъ произведеній Гортензіевыхъ, который въ судѣ былъ соперникъ Цицероновъ, то не имѣемъ мы нужды списывать того, что Цицеронъ объ нихъ и свойствѣ ихъ краснорѣчія сказалъ.

Наиболѣе вниманія нашего достойный предметъ есть самъ Цицеронъ, коего единое имя напоминаетъ намъ все то, что есть въ ораторіи великолѣпнаго. О жизни его и свойствѣ въ разсужденіи другихъ предметовъ, мы теперь разсуждать нужды не имѣемъ. Мы будемъ разсматривать его только такъ какъ краснорѣчиваго оратора, и стараться замѣтить какъ его добродѣтели, такъ и пороки. Добродѣтели его безъ сумнѣнія, превосходно велики. Во всѣхъ его рѣчахъ обрѣтается искуство. Онъ обыкновенно начинаетъ правильнымъ вступленіемъ, и съ великимъ искуствомъ привлекаетъ къ себѣ слушателей, и старается приобрѣсть ихъ благосклонность. Образъ преподаванія его ясной, и доказательства его расположены съ точною пристойностію. Въ ясности образа своего преподаванія имѣетъ онъ предъ Демосѳеномъ преимущество. Каждая вещь является въ пристойномъ своемъ мѣстѣ; онъ никогда не покушается подвигнуть прежде нежели постарается убѣдить; и въ возбужденіи, особливо нѣжныхъ страстей, весьма бывалъ благоуспѣшенъ. Никто лутче не зналъ силу словъ, какъ Цицеронъ. Онъ разпространяетъ съ наивели-

чайшею красотою и великолѣпіемъ, и въ сложеніи своихъ періодовъ отмѣнно разборчивъ и точенъ. Онъ всегда обиленъ и плавенъ; никогда не бываетъ отрывистъ. Онъ разпространяетъ каждую вещь; но хотя образъ писанія его вообще пространенъ, однакожъ онъ удачно перемѣняется, и принаровляется къ предмету. Ежели какой важной общественный предметъ душу его возбуждаетъ, и требуетъ негодованія и силы, то онъ слабой и разпространяющей способъ оставляетъ, къ коему онъ въ другое время привязанъ бываетъ, и дѣлается силенъ и жестокъ.

Не смотря на то сей великій ораторъ не безъ погрѣшностей. Въ большой части его рѣчей съ лишкомъ много искусства обрѣтается, которое даже нѣкоторую степень похвальбы имѣетъ. Часто кажется, что его желаніе стремилось болѣе къ достиженію удивленія себѣ, нежели къ произведенію убѣжденія. Посему онъ иногда болѣе бываетъ слабъ, нежели основателенъ; и пространенъ, когда бы ему надлежало быть краткимъ. Періоды его всегда круглы и звонки; въ единогласіи обвинять его не можно, ибо въ *мѣрахъ* наблюдается у него разность; но отъ большой привязанности къ

великолѣпїю, въ нѣкоторыхъ случаяхъ недостаточенъ бываетъ въ силѣ. Хотя услуги, кои онъ государству своему оказалъ, и весьма велики, однакожъ онъ съ лишкомъ много самъ себя похваляетъ. Древнїе нравы, налагающїе менѣе принужденїя со стороны пристоинства, могутъ его нѣсколько извинить, но совершенно тщеславїя его оправдать не могутъ.

Демосѳенъ ли или Цицеронъ былъ самый совершенный ораторъ, есть вопросъ, о которомъ критики ни какъ между собою не согласуются. Фенелонъ, славный Камбрейской Архїепископъ, и сочинитель Телемака, по моему мнѣнїю, кажется достоинства ихъ опредѣлилъ съ великою справедливостїю и ясностїю. Судъ свой подалъ онъ въ разсужденїяхъ своихъ о Риторикѣ и стихотворствѣ. Мы переведемъ сїе мѣсто, хотя, какъ то и подозрѣвать можно, не безъ потери большой части духа подлинника. „Я не „усумнюсь, говоритъ онъ, явно сказать, что „Демосѳена чту выше Цицерона. Я увѣренъ, „что никто столько Цицерону удивляться „не можетъ, сколько я. Онъ украшаетъ все, „что ни предприемлетъ. Онъ дѣлаетъ честь „языку. Онъ разполагаетъ словами свой-

„ственнымъ себѣ образомъ. Слогъ его имѣетъ „великую различность свойства. Когда онъ „захочетъ, то даже краткокъ и силенъ бы- „ваетъ; напримѣръ, противъ Катилины, „противъ Верреса, противъ Антонія. Но „украшенія съ лишкомъ въ писаніяхъ его „видны. Искуство его удивленія достой- „но, но оно видно. Когда сей ораторъ „старается о безопасности республики, то „самъ себя не забываетъ, да и другимъ не „позволяетъ забыть о себѣ. Демосѳенъ ка- „жется о себѣ забывалъ, и ничего инаго не „видѣлъ, какъ свое государство. Онъ не „искалъ приятства въ выраженіи; ибо безъ „исканія онъ ихъ имѣлъ. Онъ выше уди- „вленія. Онъ дѣлаетъ такое употребле- „ніе изъ языка, какъ кроткой человѣкъ „изъ платья, только для покрытія своего. „Онъ гремитъ и блистаетъ. Онъ подобенъ „быстрой рѣкѣ влекущей за собою всякую „вещь. Мы его охуждать не можемъ, по „тому что не владѣемъ болѣе собою: пред- „метъ его привязываетъ къ себѣ наше вни- „маніе, и заставляетъ насъ забывать языкъ „его. Мы его изъ виду теряемъ; единый „Филиппъ занимаетъ нашу душу. Для меня „оба сіи ораторы приятны; но я признаюсь,

„что я менѣе плѣняюсь безконечнымъ иску-„ствомъ и великолѣпнымъ краснорѣчіемъ Ци-„церона, нежели порывистою простотою „Демосѳена.„

Владычество краснорѣчія между Римлянами было весьма краткое. Оно изчезло вмѣстѣ съ Цицерономъ. Да мы и удивляться сему случаю не можемъ, поелику вольности уже болѣе не имѣлось; и поелику Римское правленіе предано было наипоноснѣйшимъ тираннамъ одинъ за другимъ слѣдовавшимъ, кои всегда человѣческой родъ посрамляли и терзали.

Во время упадка Римскаго государства, введеніе Христіянства произвело новой родъ краснорѣчія въ защитительныхъ рѣчахъ, въ проповѣдяхъ, и въ пастушескихъ сочиненіяхъ отцовъ состоящій: но ни которой изъ нихъ не подалъ подлинно точнаго образца краснорѣчія. Языкъ ихъ, по мѣрѣ какъ мы спускаемся къ третьему или четвертому столѣтію, дѣлается грубъ; и обыкновенно заражены они бываютъ вкусомъ своего вѣка, привязанностію къ надутымъ и напряженнымъ мыслямъ, и къ игрѣ словъ.

Поелику въ среднемъ вѣкѣ ничего не попадается, что бы заслуживало вниманія,

то мы перейдемъ теперь къ состоянію краснорѣчія въ новѣйшихъ временахъ. Здѣсь замѣтить должно, что ни у какого Европейскаго народа, публичныя рѣчи столь высоко уважаемы или со столь великимъ раченіемъ изправляемы не были, какъ въ Греціи и Римѣ. Кажется, будто бы дарованія свѣта въ разсужденіи сего претерпѣли нѣкоторую перемѣну. Тѣ два народа, у которыхъ мы надѣяться можемъ найти наиболѣе духа краснорѣчія, суть Франція, и Великобританнія: Франція, по причинѣ отмѣнной склонности жителей ея ко всѣмъ свободнымъ наукамъ, и ободренія, которое болѣе нежели за сто лѣтъ сіи науки ото всѣхъ получали: Великобританнія по причинѣ вольнаго ея правленія, вольнаго духа и дарованій ея народа. Однакожъ ни у котораго изъ сихъ народовъ дарованіе къ ораторіи не достигло до степени древняго его блеска.

Разныя причины приведены быть могутъ, отъ чего новѣйшее краснорѣчіе въ стараніи своемъ было столь ограничено, и кротко. Во первыхъ, кажется, что сію перемѣну можно частію приписать той точности мыслей, на которую въ новѣйшія времена столь

много старанія прилагали. Наши публичные ораторы обязаны гораздо болѣе нежели древніе быть осторожными въ стараніяхъ своихъ возвышать воображеніе и разжигать страсти. Отъ вліянія царствующаго вкуса, собственное ихъ дарованіе здѣлалось, можетъ быть, въ большей степени скромнѣе и разборчивѣе. Сверьхъ того вѣроятно, что мы то изправности нашей и хорошему смыслу приписываемъ, что наипаче отъ нашего равнодушія или естественной хладнокровности нашего сложенія произходитъ. Ибо кажется что живность и чувствительность Грековъ и Римлянъ, но наипаче первыхъ, предъ нашими гораздо были превозходнѣе, и сообщали имъ вышшую склонность ко всѣмъ красотамъ ораторіи.

Хотя Парламентъ есть самое знатное поле, которое въ нынѣшнія времена Европа публичнымъ ораторамъ подаетъ, однакожъ краснорѣчіе было тамъ всегда слабѣйшее орудіе, нежели въ народныхъ собраніяхъ Греціи и Рима. Во время преждебывшихъ правительствъ желѣзо въ рукахъ судейской силы удерживало усилія онаго; а въ поздѣйшія времена вліянія отъ государственныхъ чиновъ произходящія здѣлали

оное вообще маловажнымъ. Въ судахъ, невыгода наша въ сравненіи съ древними весьма велика. У нихъ, судьи бывали обыкновенно многочисленны; законы невелики и просты; рѣшенія дѣлъ предоставлено бывало, по большой мѣрѣ правотѣ и разсудку человѣческаго рода. По сему поле судебнаго краснорѣчія было широко и пространно. Но нынѣ система законовъ здѣлалась гораздо болѣе сложенна. Достиженіе познанія оныхъ сопряжено быть стало съ толикимъ трудомъ, что составляетъ должность цѣлой жизни человѣческой И такъ ораторія есть токмо второе совершенство, для котораго мало имѣется свободнаго времени.

Въ разсужденіи церковныя каѳедры, весьма невыгодно было то, что привычка къ читанію проповѣдей, вмѣсто того, чтобы ихъ сказывать, столь всеобще въ Италіи царствовать начала. Чрезъ сіе, по справедливости, введена была точность, но краснорѣчіе весьма ослабѣло. Сверьхъ того имѣлось еще другое для него вредное обстоятельство: основатели сектовъ и сумозбродные набожные, прежде возстановленія истиннаго закона, употребляли жаркой, ревностной и общій образъ проповѣдованія; и

послѣдователи ихъ наблюдали такой же жаръ. Злоба сихъ сектовъ довела основанную церьковь до совсемъ противной чрезвычайности, до совершенной хладности выраженія. Отъ сего, вмѣсто искуства увѣренія, чѣмъ проповѣдованіе должно всегда знаменоваться, сдѣлалось оно вмѣстѣ съ нами разсуждающимъ и поучающимъ.

Краснорѣчіе народныхъ собраній.

Основаніе всякаго рода краснорѣчія, есть хорошей смыслъ, и основательныя мысли. Первое стараніе того, которой намѣревается говорить передъ народнымъ собраніемъ, должно быть то, чтобы совершенно познать то дѣло, о которомъ онъ говорить намѣренъ; онъ долженъ быть весьма хорошо снабженъ матеріею и доказательствами и держаться главнаго основанія оныхъ. Сіе придастъ рѣчи видъ мужества и силы, что есть главное орудіе увѣренія. Украшеніе, ежели онъ къ тому имѣетъ врожденную склонность, послѣдуютъ ему въ теченіи его; во всякомъ случаѣ заслуживаетъ оно токмо втораго вниманія.

Чтобы здѣлаться убѣдительнымъ ораторомъ въ народномъ собраніи, главное прави-

ло кажется въ томъ состоитъ, что человѣкъ долженъ быть всегда увѣренъ въ томъ, въ чемъ онъ другихъ увѣрить намѣренъ. Никогда не долженъ онъ, ежели оно быть можетъ, иную брать сторону спора, какъ ту, которую онъ почитаетъ справедливою. Всякое высокое краснорѣчіе должно произтекать отъ истинныя, непринужденныя страсти. Сіе дѣлаетъ всякаго человѣка убѣдительнымъ и придаетъ дарованію его силу, которую онъ иначе имѣть не можетъ.

Споры въ народныхъ собраніяхъ рѣдко подаютъ случай оратору къ приготовленію себя напередъ, что церковная каѳедра всегда и судебныя мѣста иногда позволяютъ. Всеобщее и не несправедливое предразсужденіе преимуществуетъ надъ опредѣленными рѣчами въ публичныхъ собраніяхъ. При началѣ спора могутъ онѣ по справедливости начинаться съ пристойностью; но по мѣрѣ какъ споръ возрастаетъ, дѣлаются онѣ непристойными; онѣ теряютъ обыкновенно тотъ видъ, что были возбуждены по должности; стараніе и похвальба покажутся съ лишкомъ очевидными; и слѣдовательно, хотя и будутъ имъ удивляться такъ какъ изящнымъ рѣчамъ, однакожъ онѣ

рѣдко столь убѣдительны бываютъ, какъ вольныя и непринужденныя рѣчи.

Но не смотря на то никакъ не запрещается напередъ подумать о предметѣ, о которомъ говорить намѣрены. Въ разсужденіи матеріи мы не можемъ съ лишкомъ быть точными въ нашемъ предъуготовленіи; но въ разсужденіи словъ и выраженія, весьма остерегаться должно быть до того рачительнымъ, чтобъ рѣчь наша казалась принужденною и точною. Однакожъ нѣкоторыя краткія замѣчанія о существѣ рѣчи не только позволительны, но и великую дѣлаютъ услугу. наипаче для тѣхъ, кои въ публичномъ собраніи говорить начинаютъ. Онѣ придадутъ имъ нѣкоторую степень точности, которую, ежели они часто говорятъ, съ лишкомъ скоро потерять могутъ. Онѣ приучатъ ихъ къ порядочному разположенію, безъ котораго краснорѣчіе, хотя бы оно и сильно было, совершеннаго убѣжденія произвести не можетъ.

Народныя собранія подаютъ случай къ самому живому роду публичныхъ словъ. Въ большомъ собраніи страсти удобно возбуждаются, гдѣ движенія сообщаются чрезъ взаимное сочувствіе между ораторомъ и слушателями.

Жаръ рѣчи, сильныя и возпаленныя мысли произходящія отъ оживленнаго духа, и возбужденнаго какимъ ни есть великимъ и общественнымъ предметомъ, составляетъ собственной характеръ народнаго краснорѣчія въ высочайшей степени совершенсшва.

Не смотря на то, жаръ, съ которымъ мы выражаемъ, долженъ быть всегда сообразенъ съ самымъ предметомъ; ибо смѣшно бы было съ великою силою говорить о такой матеріи, которая либо маловажна, либо по естеству своему требуетъ кроткія рѣчи. И такъ должны мы имѣть попеченіе, чтобы не показывать жара безъ чувствій. Самое лутчее правило есть слѣдовать природѣ; и никогда не напрягать себя къ такому краснорѣчію, которое не отъ собственнаго нашего дарованія произтекаетъ. Ораторъ можетъ какъ славу такъ и силу получить, чрезъ простой, кроткой, доказательной образъ глаголанія. Для достиженія сильно подвигающаго и высокаго рода ораторіи требуется та сильная чувствительность души, и та высокая сила выраженія, которая есть даръ весьма малой части человѣческаго рода.

Даже и тогда, когда сильное слово позволяется самымъ предметомъ, и отъ истиннаго дара разума произтекаетъ, когда жаръ чувствуется и не притворенъ, должны мы остерегаться, чтобы стремительность наша не завела насъ за предѣлы благоразумія и пристоинства. Какъ скоро ораторъ потеряетъ власть надъ самимъ собою, то тогдажъ перестанетъ и слушателей своихъ трогать. Онъ долженъ начинать умѣренно, и стараться разжигать своихъ слушателей постепенно и одинаково съ самимъ собою. Ибо ежели страсти ихъ съ нашими не согласуются, то несогласіе сіе скоро здѣлается неприятнымъ и досаднымъ. Уваженіе своихъ слушателей должно жаръ его всегда пристойнымъ образомъ обуздывать, и предостерегать, чтобы онъ надлежащіе не преступилъ предѣлы. Ежели случится, что ораторъ до того надъ собою властвуетъ, что строгое вниманіе прилагаетъ къ доказательству и даже къ нѣкоторой степени точности выраженія, то сія власть надъ собою, сіе усиліе къ разсужденію посреди самыя страсти, въ весьма великой степени способствуетъ какъ ко благоприятству, такъ и къ убѣжденію. Страсти возбуждаются для

увѣренія, но остерегаться должно замѣшательства и безпорядка, кои суть обыкновенные ихъ сопутники.

Въ самомъ оживленнѣйшемъ родѣ публичныхъ словъ, должны мы всегда надлежащимъ образомъ примѣчать то, что ухо публики безъ отвращенія внемлетъ. Ежели мы о семъ стараться не будемъ, то неразсудительное подражаніе древнимъ ораторамъ можетъ показать оратора дерзко говорящимъ, чемъ хладность новѣйшаго вкуса можетъ сдѣлаться недовольна, и получитъ отъ онаго отвращеніе. Также необходимо нужно рачительно наблюдать благопристоинство въ разсужденіи времени, мѣста и характера. Съ нерадѣніемъ о сихъ предмѣтахъ жаръ краснорѣчія никогда не можетъ быть пріятенъ. Никто не долженъ предпринимать говорить предъ публикою не здѣлавъ себѣ напередъ точной и справедливой идеи о томъ, что съ его собственными лѣтами и характеромъ согласуется, что согласуется съ предметомъ, со слушателями, мѣстомъ и случаемъ. Съ сею идеею долженъ онъ сообразовать все теченіе и весь образъ своего глаголанія.

Какая степень краткости или пространности въ народномъ краснорѣчіи пристойна съ точностію опредѣлить не льзя. Пространный образъ почитается обыкновенно самымъ пристойнымъ. Несмотря на то, кажется, что здѣсь опасаться должно, чтобы въ разсужденіи сего не заблудиться; и что отъ съ лишкомъ пространнаго слога, публичные ораторы часто болѣе теряютъ силы, нежели выигрываютъ чрезъ обиліе своихъ объясненій. Но излишней краткости, надобно, по справедливости, рачительно избѣгать. Намъ надобно изъяснять и впѣчатлѣвать; но содержать насъ самихъ въ надлежащихъ предѣлахъ. Намъ никогда забывать ненадобно, что хотя слушаніе нашихъ собственныхъ словъ и можетъ намъ нравиться, но слушателя можетъ оно утомить; и какъ скоро мы начнемъ слушателя утомлять, то краснорѣчіе наше будетъ безплодно. Вообще лутче говорить съ лишкомъ мало, нежели съ лишкомъ много; нашу мысль представить въ одномъ сильномъ видѣ, и на ономъ остановиться, нежели представленіемъ оной въ каждомъ ея свѣтѣ, и распространеніемъ по оной обилія словъ изтощевать вниманіе слушателей, обременять ихъ и утомлять.

Судебное краснорѣчіе.

Предметы судебнаго краснорѣчія, и краснорѣчіе народныхъ собраній, обыкновенно между собою различны бываютъ. Въ послѣднемъ старается ораторъ наипаче о томъ, чтобы увѣрить, чтобъ побудить своихъ слушателей къ какому нибудь выбору, или чтобъ повести ихъ такъ, какъ то хорошо, пристойно или полезно быть имѣется. Слѣдовательно онъ себя принаровляетъ ко всякому основанію дѣйствія въ нашей природѣ, къ страстямъ и къ сердцу такъ какъ и къ разуму. Но въ судебномъ мѣстѣ главный предметъ есть убѣжденіе. Здѣсь ораторская должность не въ томъ состоитъ, чтобы увѣрить судей въ томъ, что хорошо или полезно, но надобно ему представить справедливое и истинное дѣло; и слѣдовательно краснорѣчіе его должно относиться къ одному разуму.

Въ судѣ относятся ораторы къ одному или къ немногимъ судьямъ, къ особамъ отличающимся обыкновенно своими лѣтами, важностію и достоинствомъ своего характера. Здѣсь не позволяются тѣ выгоды, кои для упражненія во всѣхъ искусствахъ крас-

норѣчія подаетъ смѣшенное и многолюдное собраніе. Страсти столь удобно не возбуждаются; оратору внемлютъ съ большею холодностію; наблюдаютъ его съ большею строгостію. Онъ бы сдѣлалъ себя смѣшнымъ, ежели бы сей высокой и оживленный гласъ предпринялъ, которой пристоенъ только въ тѣснящемся и смѣшенномъ собраніи. Кромѣ того поле ораторское, въ судѣ, весьма ограничено и узко. Законы и установленія суть препоны, за которыя проходить не позволяется. Воображенію наложены узы. Стряпчей видитъ передъ собою линейку, квадратъ и циркулъ. Главная его должность состоитъ въ спорахъ принаровлять ихъ къ своимъ предметамъ.

По сему судебное краснорѣчіе есть гораздо болѣе ограниченнаго, умѣреннаго и принужденнаго роду, нежели какъ краснорѣчіе народныхъ собраній; и слѣдовательно судебныя слова древнихъ не могутъ служить точными образцами того рода рѣчей, кои въ нынѣшнемъ состояніи суда употребляются. При томъ, точный законъ былъ тогда гораздо менѣе предметомъ вниманія, нежели нынѣ. Въ Демосѳеновы и Цицероновы времена, гражданскія установленія были въ

маломъ числѣ, просты и всеобщи; и рѣшеніе дѣла по большой части произходило по вѣроятности и по общему согласію судей. Ораторы занимались нестолько Юриспруденціею, сколько краснорѣчіемъ. Цицеронъ увѣдомляетъ насъ, что въ три мѣсяца можно сдѣлаться совершеннымъ учителемъ гражданскихъ правъ; да и вѣроятно даже, что можно было быть хорошимъ ораторомъ безо всякаго себя къ тому приготовленія. У Римлянъ имѣлось нѣкоторое общество людей называемыхъ Pragmatici, коихъ должность въ томъ состояла, чтобы снабжать оратора всѣми тѣми свѣденіями о законахъ, кои дѣло его требуетъ, и кои онъ располагалъ въ семъ общемъ видѣ, и украшалъ сими цвѣтами краснорѣчія, кои наиболѣе были способны дѣйствовать надъ судьями.

Можно также замѣтить, что какъ гражданскіе такъ и уголовные судьи въ Греціи и Римѣ, обыкновенно гораздо были многочисленнѣе, нежели у насъ, и составляли родъ народнаго собранія. Славное судилище Ареопагово въ Аѳинахъ состояло по крайней мѣрѣ изъ пятидесяти судей. Въ Римѣ judices Selecti, какъ они назывались, были всегда многочисленны, и имѣли должность и

силу какъ судей, такъ и *доносчиковъ*. Въ извѣстномъ Милоновомъ дѣлѣ говорилъ Цицеронъ къ пятьдесятъ одному человѣку сихъ judices ſelecti, и такъ въ разсужденіи закона имѣлъ ту выгоду, что всю свою рѣчь не къ одному или не ко немногимъ изученнымъ судьямъ относилъ, такъ какъ нынѣ, но къ собранію Римскаго гражданства. Отсюду произтекаютъ тѣ искусства народнаго краснорѣчія, кои онъ съ толикимъ употребилъ успѣхомъ. Отсюду извѣстныя дѣянія, кои бы почлись у насъ ѳеатральными, столь были обыкновенны въ Римскомъ судѣ; такъ напримѣръ введеніе не только обвиненной особы въ глубокую печаль погруженной, но и представленіе судьямъ его семейства, и младыхъ чадъ тщащихся воплемъ своимъ и рыданіемъ преклонить ихъ къ жалости.

Слава и успѣхъ стряпчаго нынѣшнихъ временъ должны основываться всегда на глубокомъ познаніи своего ремесла. Сколь бы ораторское его искуство превозходно ни было, однакожъ ежели свѣденія его въ правахъ признаются слабыми, то немногіе выберутъ его на защищеніе свое. Кромѣ предуготовляющаго ученія, и кромѣ обширнаго

богатства приобрѣтенныхъ познаній, неразлучная отъ успѣха каждаго стряпчаго вещь состоитъ въ томъ, чтобы прилѣжно и рачительно разсматривать каждое ему повѣренное дѣло, дабы совершенно познать всѣ случаи и обстоятельства, съ коими оно сопряжено. Симъ образомъ будетъ онъ большою частію предуготовленъ къ возраженіямъ своихъ противниковъ; и познавъ напередъ слабыя стороны своего собственнаго дѣла, будетъ онъ въ состояніи утвердить ихъ наилутчимъ образомъ противу нападеній враговъ.

Хотя древней народной и сильной образъ словопренія нынѣ большою частію оставленъ; однако не должно заключать, чтобы не имѣлось для онаго мѣста и въ судебномъ краснорѣчіи, и чтобы изученіе онаго было совсемъ излишнее. Можетъ быть нѣтъ публичныхъ рѣчей, гдѣ бы краснорѣчіе болѣе требовалось какъ здѣсь. Сухость и тонкость производимыхъ на суду предметовъ, требуютъ болѣе нежели всякой другой предметъ нѣкоторой родъ выраженія, для привлеченія къ себѣ вниманія, для придаянія пристойной силы употребленнымъ доказательствамъ, и для предостереженія, чтобы говоренное стряп-

чимъ, нерадивымъ образомъ не пройдено было мимо. Дѣйствіе отъ краснорѣчивыхъ словъ всегда бываетъ весьма хорошее. Разность между впечатлѣніемъ получаемымъ отъ хладнаго, сухаго и запутывающаго оратора, и тѣмъ, которое дѣлаетъ въ насъ такой, которой говоритъ о томъ же дѣлѣ съ красотою, порядкомъ и силою, столь же велика, какъ между понятіемъ о предметѣ, которой мы видимъ въ темныхъ сумеркахъ, или разсматриваемъ при обширномъ свѣтѣ лѣтняго полдня.

Въ семъ родѣ краснорѣчія наипаче стараться должно о чистыхъ и приятныхъ выраженіяхъ, о ясномъ и пристойномъ слогѣ, не обременяя оной излишнимъ приведеніемъ приказныхъ словъ, и не отвращаясь отъ нихъ принужденнымъ образомъ, когда онѣ пригодны и потребны. Многословіе есть погрѣшность, въ коей люди сего ремесла часто обвиняются, и въ которую они почти неизбѣжно впадаютъ отъ привычки говорить и писать скоро, и отъ малаго приготовленія себя, какъ то они часто принуждены бываютъ: по сему необходимо нужно для тѣхъ, кои стряпческую должность отправлять начинаютъ, чтобъ они заранѣе старались сего избѣгать, по

тому что они полную свободу для приготовленія своего имѣютъ. Пускай они приучаютъ себя къ строгому и исправному слогу, которой здѣлается имъ по томъ естественнымъ, когда множествомъ должностей своихъ принуждены будутъ сочинять торопливѣе. По тому что, ежели слабой и нерадивой слогъ до того потерпимъ, что онъ совершенно здѣлается намъ легкимъ, то не будемъ мы въ состояніи выражать мысли свои съ силою и пріятствомъ, даже и въ такихъ случаяхъ, когда небыкновенное усиліе приложить захотимъ.

Различеніе въ судебныхъ рѣчахъ необходимо нужно. Оное должно являться во перьвыхъ, въ утвержденіи самаго случая, о которомъ дѣло идетъ; въ ясномъ представленіи того, въ чемъ состоитъ споръ; въ предложеніи того, что мы уступаемъ, и что отрицаемъ; и гдѣ имѣется тотъ рубежъ, которой насъ отъ противной стороны отдѣляетъ. При томъ должно оно являться въ порядкѣ и разположеніи всѣхъ частей рѣчи. Ясной способъ во всякомъ родѣ рѣчей весьма важенъ; но въ сихъ запутанныхъ случаяхъ, каковы попадаются въ приказахъ, онъ необходимо нуженъ.

Разсказываніе дѣла самаго должно быть всегда столь кратко, сколько естество онаго позволяетъ. Дѣло самое всегда весьма налобно помнить, и слѣдовательно медлительность въ разсказываніи онаго, и ненужная подробность тягчитъ и обременяетъ память. По сему ежели стряпчей оставляетъ въ повѣствованіи своемъ всѣ излишнія обстоятельства, то существенному дѣлу придаетъ силу, подаетъ яснѣйшій видъ тому, о чемъ говоритъ, и впечатлѣніе дѣлаетъ долговременнымъ. Но въ показаніи доказательствъ пространнѣйшій образъ разсказыванія, кажется, болѣе требуется на судѣ, нежели въ другомъ какомъ случаѣ. Ибо въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ предметъ спора обыкновенно явенъ и видимъ бываетъ, доказательства получаютъ силу отъ краткости. Но въ запутанностяхъ правъ часто требуется, чтобъ доказательства пространнѣе, и съ различнымъ свѣтомъ предлагаемы были, дабы оныя совершенно понять можно было.

Наблюдать честность въ предложеніи доказательствъ своего противника, весьма совѣтуется всякому стряпчему. Ежели онъ будетъ ихъ скрывать, или представлять ихъ въ ложномъ видѣ, то хитрость его скоро

откроется, и судьи со слушателями заключатъ, что либо онъ не имѣетъ разсудка для пониманія ихъ, либо честности для уступленія силѣ противныхъ разсужденій. Но ежели онъ учиненныя себѣ возраженія предложитъ съ точностію и честностію, прежде нежели предприметъ опровергать ихъ, то сильное предразсужденіе привлечетъ ихъ болѣе на свою сторону; онъ долженъ казаться, что совершенную имѣетъ довѣренность къ своему дѣлу, хотя онъ не долженъ покушаться подкрѣплять оную хитростію и утаеніемъ. Слѣдовательно судьи будутъ склонны принять скорѣе впечатлѣнія учиненныя стряпчимъ, которой въ одно время и честнымъ, и свѣдущимъ быть кажется.

Острота можетъ иногда быть на суду полезна, наипаче въ проворномъ отвѣтѣ, отъ чего утверждаемое противникомъ можетъ здѣлаться смѣшнымъ. Но молодой стряпчей долженъ остерегаться, чтобъ не съ лишкомъ вольно позволять себѣ сію привязанность къ ослѣпляющему сему дарованію. Должность его не въ томъ состоитъ, чтобы смѣхъ возбуждать, но въ томъ, чтобы убѣждать; и никто, можетъ быть, по сему

дѣлу не здѣлался великимъ, чрезъ то, что былъ насмѣшливый стряпчей.

Поелику стряпчей представляетъ себя въ видѣ своего Кліента, то долженъ онъ говорить о его дѣлѣ съ пристойною степенью жара. Однакожъ ему остерегаться надобно, чтобы ревность свою и чувствительность не обезславить одинакою степенью жара при всякомъ предметѣ. Есть нѣкоторое достоинство характера, которое подкрѣплять великой есть важности, для всякаго симъ дѣломъ занимающагося. Увѣренность о правдивости и честности стряпчаго, есть самое сильное орудіе въ его увѣреніи. По сему надобно ему всегда уклоняться отъ приниманія на себя такого дѣла, которое поносно и очевидно несправедливо; и ежели онъ подкрѣпляетъ сомнительное дѣло, то главнымъ своимъ основаніемъ полагать онъ долженъ тѣ доказательства, кои по разсужденію его наиболѣе твердыми быть кажутся, сохраняя свое усердіе и отвращеніе при такихъ дѣлахъ, коихъ неправость и нечестность весьма очевидны.

Церьковное краснорѣчїе.

Разсудивъ краснорѣчїе народныхъ собранїй и судебное, разсмотримъ мы теперь гласъ и духъ краснорѣчїя сопровождающїе церькву. Сїе поле публичныхъ словъ имѣетъ очевидно свойственныя себѣ выгоды. Достоинство и важность ихъ предметовъ, признаться должно, имѣютъ предъ всѣми другими преимущество. Они позволяютъ самыя высочайшїя украшенїя въ описанїи, и наивеличайшїй жаръ и силу въ выраженїи. Въ предложенїи своего предмета, имѣетъ проповѣдникъ также свойственныя себѣ выгоды. Онъ говоритъ не предъ однимъ, или немногими судьями, но предъ многочисленнымъ собранїемъ. Онъ не опасается прерванїя своей рѣчи, избираетъ предметъ свой по волѣ, и имѣетъ всѣ тѣ пособїя, кои ему наиточнѣйшее предъидущее разсужденїе подать можетъ. Однако и невыгоды сопровождающїя церьковное краснорѣчїе никакъ не маловажны. Проповѣдникъ, это правда, спора съ противникомъ не имѣетъ; но споръ возбуждаетъ умъ, и привлекаетъ вниманїе. Предметы его хотя и благородны, но съ лишкомъ извѣстны и обыкновенны. Слухъ публики столько къ нимъ привыкъ, что они

необыкновеннаго остроумія въ проповѣдникѣ требуютъ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе слушателей. Нѣтъ ничего столь труднаго, какъ обыкновенному дѣлу придать пріятство новости. Кромѣ того предметъ проповѣдника состоитъ обыкновенно въ отвлеченныхъ качествахъ, каковы суть добродѣтели и пороки; между тѣмъ какъ предметъ другихъ народныхъ словъ заставляетъ говорить о самихъ особахъ, о коихъ слушатели обыкновенно болѣе заботятся, и кои сильнѣе воображеніе ихъ занимаютъ. Отъ проповѣдника научаемся мы токмо гнушаться порокомъ; а отъ стряпчаго гнушаться порочнымъ. Отъ сего происходитъ, что хотя число умѣренно хорошихъ проповѣдниковъ и велико, однако столь мало имѣется такихъ, кои славы достигли. Совершенство, по справедливости, отъ новѣйшаго проповѣданія весьма отдаленно. Не смотря на то предметъ сей истинно благороденъ и знатенъ; и заслуживаетъ, чтобы о немъ рачительно, ревностно и неутомимо тщались.

Чтобы быть славнымъ проповѣдникомъ, надобно имѣть твердой и вкоренѣлой видъ о концѣ и предметѣ проповѣдованія. Сей несомнѣнно состоитъ въ томъ, чтобы убѣ-

лить людей здѣлаться добрыми. Слѣдовательно всякая проповѣдь должна быть убѣждающее слово. ПроповѣдникЪ всходитЪ на каѳедру не для изслѣдованія какой нибудь темной матеріи; не для того, чтобы научить ихЪ чему нибудь новому; но для того, чтобы ихЪ исправить; чтобы подать имЪ вЪ тоже время ясные виды, и увѣрительныя впечатлѣнія обЪ истиннахЪ до закона касающихся.

Главныя свойства церьковнаго краснорѣчія, отличающія оное отЪ другихЪ родовЪ публичныхЪ словЪ, суть кажется сіи два: важность и жарЪ. Соединеніе сихЪ свойствЪ краснорѣчія есть ниже легкое, ниже обыкновенное дѣло. Важное, ежели оно сЪ лишкомЪ преимуществуетЪ, то дѣлается нелѣпою и однородною пышностію. ЖарЪ, ежели онЪ не имѣетЪ важности, то сЪ лишкомЪ близко сЪ ѳеатральнымЪ и вѣтренымЪ сходствуетЪ. Пристойное соединеніе сихЪ двухЪ качествЪ составляетЪ то свойство проповѣдованія, которое Французы именуютЪ omtion; сей привлекательный, проницательный, и кЪ соучаствованію побуждающій образЪ краснорѣчія, произтекающій отЪ сильнаго вЪ проповѣдникѣ чувствованія важности предлагае-

мой имъ истинны, и отъ усерднаго желанія, чтобы онѣ полное впечатлѣніе въ сердцахъ слушателей здѣлали.

Главное, что при сочиненіи проповѣди примѣчать надлежитъ, есть единство: чрезъ сіе разумѣемъ мы, что въ оной долженъ имѣться нѣкоторой главной предметъ, къ коему все прочее содержаніе рѣчи относиться должно. Не надобно, чтобъ она состояла изъ скопища различныхъ предметовъ безъ разбору накопленныхъ, но единъ предметъ долженъ преимуществовать предъ всѣми другими. Однакожъ подъ симъ не надобно разумѣть того, что въ рѣчи не должны быть раздѣленія или отдѣленныя главы; или что единая токмо мысль должна представлена быть въ различныхъ видахъ. Единство не въ толь узкихъ предѣлахъ заключенно; оно позволяетъ нѣкоторую перемѣну; оно требуетъ только того, чтобы согласіе и связь наблюдаемы были до такой степени, чтобы все способствовало къ какому ни есть одному впечатлѣнію въ душѣ. Такъ напримѣръ проповѣдникъ можетъ всякія разныя употреблять доводы къ побужденію любить Бога; можетъ также изслѣдовать причины упадка сея добродѣтели; однакожъ всегда единый

великой предметъ душѣ представляется: но ежели бы онъ по причинѣ, что предложеніе его гласитъ такъ: „любящій Бога долженъ „любить и брата своего„ началъ бы въ одной и той же рѣчи смѣшивать доводы въ разсужденіи любви къ Богу и въ разсужденіи любви къ ближнему, то бы онъ весьма въ разсужденіи единства погрѣшилъ, и учинилъ бы весьма запутанное впечатлѣніе въ сердцахъ своихъ слушателей.

Проповѣди всегда тѣмъ болѣе трогаютъ, и вообще тѣмъ полезнѣе, чемъ предметъ оныхъ опредѣленнѣе, и чемъ болѣе она на особенные случаи ссылается. Единство никогда не можетъ быть столь совершенно соблюдено во всеобщемъ, сколько въ особенномъ предметѣ. Всеобщіе предметы, это правда, какъ то превозходство и удовольствія отъ закона произтекающія, часто молодыми проповѣдниками избираются, такъ какъ самые изящные, и для сочиненія легкіе предметы; и безъ сомнѣнія всеобщія обозрѣнія закона оставлять втуне не надобно, ибо оныя во многихъ случаяхъ весьма пристойны бываютъ. Но сіи предметы высокаго дѣйствія проповѣдыванія не производятъ. Гораздо болѣе наблюдать надлежитъ то, что-

бы какой нибудь великой предметъ разсматривать съ особенной какой нибудь стороны, и употребить на оную всю силу доводовъ и краснорѣчія. Склоненіе къ одной какой нибудь добродѣтели, или отвлеченіе отъ какого ни есть особеннаго порока, подаетъ предметъ, которой въ единствѣ или точности недостатка не имѣетъ; но ежели сія добродѣтель или порокъ разсматриваемы будутъ въ особливомъ видѣ, такъ какъ они являются въ нѣкоторыхъ свойствахъ, или такъ какъ они разныя положенія въ жизни приемлютъ, то предметъ дѣлается болѣе привлекательнымъ. Исполненіе онаго конечно не столь легко, но достоинство и дѣйствіе больше.

Проповѣднику остерегаться надобно, чтобъ предметъ свой не изтощить; ибо для увѣренія нѣтъ ничего столь противнаго, какъ ненужное и скучное обиліе. Всегда имѣются такія вещи, о коихъ положить можно, что онѣ извѣстны, и такія, кои краткаго вниманія требуютъ. Ежели онъ старается, ничего того не упускать, что ему предметъ его внушаетъ, то необходимо онъ его отягчитъ, и ослабитъ его силы.

Главный предметъ всякаго проповѣдника долженъ состоять въ томъ, чтобы настав-

ленія свои здѣлать для слушателей важными. Онъ долженъ вперять въ сердца ихъ истинны, о коихъ сказываетъ, и дѣлать такъ, чтобы каждой предполагалъ, что рѣчь его къ нему особенно относится. По сему надлежитъ ему избѣгать всѣ запутанныхъ толкованій, избѣгать выраженій своихъ мыслей во всеобщихъ глубокомысленныхъ предложеніяхъ; или практическія истинны предлагать въ отвлеченномъ метафизическомъ видѣ. Рѣчь должна стремиться такимъ голосомъ, какъ бы прямо къ слушателю относилась; а не такъ, что какъ бы писана была для опыта, но такъ какъ бы говорена была собранію, и стараясь съ учебною и поучительною частію рѣчи соединить то, что называется обращеніемъ, или что непосредственно относится къ самой практикѣ.

Всегда весьма есть полезное дѣло, брать въ разсужденіе различные возрасты, свойства и состоянія людей, и соображать свои поученія и увѣщанія съ каждымъ изъ сихъ различныхъ обстоятельствъ. Когда ты говоришь что нибудь такое, о чемъ человѣкъ чувствуетъ, что къ его собственному свойству относится, или къ его собственнымъ обстоятельствамъ принаровлено быть мо-

жетъ, то ты на его вниманіе надѣяться можешь. По сему ни какое познаніе для проповѣдника столько не нужно, какъ познаніе жизни и сердца человѣческаго. Способность открывать человѣка предъ самимъ собою, въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ онъ собственныхъ своихъ свойствъ ни когда не видалъ, производитъ удивительное дѣйствіе. Не только прекрасны, но и преполезны, хотя для сочиненія и трудны суть тѣ рѣчи, кои основываются на объясненіи особеннаго какого ни есть свойства, или достопамятной части какой либо Исторіи въ священномъ писаніи, при созерцаніи коихъ можемъ мы начертать и открыть самыя сокровеннѣйшія стороны человѣческаго сердца. Другія общія мѣста проповѣдованія здѣлались съ лишкомъ заматерѣлы, и обыкновенны; но сіе то есть обширное поле, на которое доселѣ столь мало покушались, и кое всѣ выгоды приманчивости, новости и величайшей пользы имѣетъ. Рѣчь Епископа Бутлера о *свойствѣ Валаама* есть примѣръ сего образа проповѣдыванія.

Мода дѣйствующая столь сильно надъ человѣческими нравами перемѣняла въ разныя времена качества проповѣдыванія. Но она есть рѣка, которая сего дня подымается,

а завтра опять опадаетъ. Иногда бываетъ въ модѣ стихотворческое, иногда философическое проповѣдываніе; иногда должно оно совершенно трогать, иногда совершенно доказывать, смотря по тому, какіе нѣкоторые славные проповѣдники подавали примѣры. Каждая изъ сихъ ежели дойдетъ до крайности, то негодится; и тотъ, кто себя съ нею соображаетъ, и ограничитъ и испортитъ свой даръ разума. Истинна и добрый смыслъ суть единыя основанія, на коихъ онъ безопасно созидать можетъ. Мода и охота слабы и непостоянны. Никакому примѣру, хотя бы ему и удивлялись, рабски подражать не надобно. Отъ разныхъ примѣровъ можетъ себѣ проповѣдникъ собрать средствъ для изправленія, но рабское подражаніе затмитъ его даръ разума и обнажитъ предъ слушателями его убожество.

Разположеніе рѣчи по всѣмъ частямъ: вступленіе, раздѣленіе, повѣствованіе и толкованіе.

Разсмотрѣвъ то, что свойственно всѣмъ онымъ тремъ обширнымъ полямъ публичныхъ словъ, какъ то народныхъ собраній, судебныхъ, и церьковныхъ, будемъ мы теперь

говорить о томъ, что всѣмъ имъ обще; и представимъ разположеніе рѣчи или слова вообще.

Частей составляющихъ правильное совершенное слово имѣется шесть: начало или вступленіе; опредѣленіе или раздѣленіе предмета; повѣствованіе или толкованіе; разсужденіе или доводы; трогающая часть; заключеніе. Не требуется того, чтобъ онѣ въ каждомъ публичномъ словѣ имѣлись, или чтобъ онѣ поставляемы были въ томъ порядкѣ, въ какомъ я ихъ предложилъ. Есть многія прекрасныя рѣчи, въ коихъ нѣкоторыя изъ сихъ частей совсемъ выпущены. Но какъ онѣ суть естественныя и составляющія части правильнаго слова, и какъ во всякой рѣчи, нѣкоторыя изъ нихъ должны попадаться, то съ предметомъ нашимъ не несогласно будетъ, изслѣдовать каждую изъ нихъ особенно.

Намѣреніе вступленія въ томъ состоитъ, чтобы привлечь къ себѣ доброе мнѣніе слушателей, возбудить ихъ вниманіе, и склонить ихъ къ принятію увѣренія. Ежели Ораторъ напередъ увѣренъ о добрыхъ мысляхъ, о внимательности и послушности слушателей, то правильное вступленіе не непристой-

но оставлено быть можетъ. Уваженіе къ своимъ слушателямъ требуетъ въ семъ случаѣ токмо краткой приступъ, для приготовленія ихъ къ прочимъ частямъ рѣчи.

Вступленіе, ежели гдѣ оно нужно, есть такая часть рѣчи, которая не малаго раченія требуетъ. Всегда надобно начинать хорошо; здѣлать благосклонность возбуждающее впечатлѣніе при первомъ началѣ, когда сердца слушателей будучи еще свободны и ничемъ не заняты удобнѣе въ пользу оратора предразположены быть могутъ. Мы должны также присовокупить, что хорошее вступленіе часто весьма труднымъ дѣломъ почиталось. Мало частей рѣчи столько сочинителя въ замѣшательство приводятъ, или столько разборчивости въ исполненіи требуютъ.

Вступленіе должно быть легкое и естественное. Оно должно быть всегда возбуждено самымъ предметомъ. Писатель не прежде долженъ начертать оное, какъ раздумавъ напередъ самъ съ собою существо своей рѣчи. Пошедши противною дорогою, и сочинивъ напередъ вступленіе, писатель увидитъ часто, что либо принужденъ онъ будетъ прибѣгать къ общимъ топическимъ мѣ-

стамЪ, либо что вмѣсто того, чтобЪ вступленіе принаровить кЪ рѣчи, будетЪ онЪ вЪ необходимости всю рѣчь принаровить ко вступленію, которое онЪ напередЪ написалЪ.

ВЪ сей части рѣчи весьма рачительно стараться должно о точности вЪ выраженіи. Сіе наипаче требуется вЪ разсужденіи расположенія, вЪ какомЪ имѣются слушатели. ВЪ началѣ они болѣе расположены кЪ критикѣ, нежели во всякое другое время; они тогда предметомЪ и доводами еще не заняты; все вниманіе ихЪ направляется кЪ ораторскому слогу и образу выраженія мыслей. По сему надлежитЪ имѣть попеченіе о предрасположеніи ихЪ вЪ свою пользу; однакожЪ излишнее искусство рачительно избѣгать должно, ибо оно тогда удобнѣе открывается, и умалитЪ то увѣреніе, которое прочія части рѣчи произвести стремятся.

Кротость есть также неразлучное качество всякаго разумнаго вступленія. Ежели ораторЪ начинаетЪ сЪ надменнымЪ и похваляющимся видомЪ, то самолюбіе и гордость слушателей тотчасЪ возбудится, и будетЪ сЪ подозрѣвающимЪ окомЪ слѣдовать за нимЪ

по прочей части его рѣчи. Кротость его не только въ выраженіяхъ, но и во всѣхъ дѣйствіяхъ являться должна; на лицѣ его, въ тѣлодвиженіяхъ, и въ голосѣ. Каждому слушателю льстятъ сіи знаки почтенія и боязни, изъявляемые имъ говорящею имъ особою. Однакожъ сія кротость вступленія не должна ничего показывать низкаго или подлаго. Вмѣстѣ съ кротостью и уваженіемъ къ своимъ слушателямъ, долженъ ораторъ показывать нѣкоторый видъ достоинства, происходящій отъ увѣренности о справедливости и важности предмета, о которомъ говорить намѣрены.

Исключая особенныхъ случаевъ, никогда не долженъ ораторъ начинать со всею своею силою; но долженъ возходить и возрастать надъ своими слушателями, по мѣрѣ какъ рѣчь его возрастаетъ. Вступленіе рѣдко бываетъ пристойнымъ мѣстомъ для силы и страсти. Слушатели мало по малу приготовляемы быть должны, прежде нежели ораторъ на сильныя и страстями возбужденныя мысли отважится. Однакожъ ежели предметъ есть такого роду, что настоящее упоминаніе онаго возбуждаетъ нѣкоторое волнующееся движеніе; или ежели неожиданное

присудствіе какой нибудь особы или предмета въ народномъ собраніи возпламеняетъ оратора; то каждой изъ сихъ случаевъ оправдаетъ отрывистой и сильной приступъ. Такъ появленіе Катилины въ Римскомъ Сенатѣ учинило сильное начало первой Цицероновой противъ него рѣчи весьма естественнымъ и пристойнымъ. „Доколѣ ты, Катилина, „во зло употреблять будешь терпѣніе на„ше?„ И Епископъ Аттербури проповѣдуя о семъ сказаніи: „Блаженъ тотъ, кто не „огорчается на меня„ дерзаетъ на сей отважный приступъ: „и можетъ ли кто огор„читься на тебя блаженный Іисусе?„ Сіе обращеніе къ Спасителю нашему, продолжаетъ онъ нѣсколько времени, прежде нежели приступаетъ къ раздѣленію своей рѣчи. Но на такія вступленія весьма не многіе покушаться должны, поелику оныя обѣщають толь великую силу и жаръ въ прочей части рѣчи, что весьма трудно удовольствовать ожиданіе слушателей.

Во вступленіи никакую вещественную часть предмета вмѣщать не должно. Ежели общія мѣста или доводы, кои послѣ разпространять надобно, были назначены и частію уже предложены во вступленіи, то

во вторичномЪ своемЪ появленіи теряютЪ видЪ новости. Впечатлѣніе, которое намѣрены учинить помощію главной какой идеи, всегда дѣлается сЪ великою выгодою, ежели оно здѣлано совершенно, и на пристойномЪ мѣстѣ.

Послѣднее обстоятельство, которое мы касательно вступленія замѣтимЪ, есть то, чтобЪ оно было соразмѣрно какЪ сЪ длиною такЪ и сЪ родомЪ рѣчи, которая за нимЪ слѣдуетЪ: сЪ длиною, по тому что нѣтЪ ничего такЪ страннаго, какЪ здѣлать пространный подЪѣздЪ передЪ маленкимЪ домикомЪ; а сЪ родомЪ, по тому что не менѣе есть смѣшное дѣло обременять простое жилье блестящими украшеніями, или здѣлать дорогу кЪ памятнику столь веселую и милую какЪ кЪ лѣтней бесѣдкѣ.

ПослѣвступленіяслѣдуетЪ обыкновенно по порядку предложеніе или обЪявленіе предмета; вЪ разсужденіи коего мы только то замѣтимЪ, что оно должно быть столь ясно и вразумительно, сколько возможно, и выражено безЪ принужденія, самымЪ краткимЪ и простымЪ образомЪ. За симЪ слѣдуетЪ обыкновенно раздѣленіе, или показаніе способа, какЪ будемЪ говорить рѣчь на-

шу; въ разположеніи коего слѣдующія правила рачительно наблюдать должно.

Первое, чтобы части, на которыя мы предметъ нашъ раздѣляемъ, истинно были между собою различны; то есть, чтобъ одна другую въ себѣ не заключала. Напримѣръ весьма бы смѣшно было, ежели бы ораторъ предложилъ, что онъ сперьва будетъ говорить о пользѣ добродѣтели, а потомъ о пользѣ правосудія и воздержанія, ибо первая часть заключаетъ въ себѣ совершенно вторую, такъ какъ родъ заключаетъ въ себѣ видъ. По сему такой способъ предлаганія здѣлаетъ предметъ невразумительнымъ и безпорядочнымъ.

Второе, мы должны всегда рачительно слѣдовать естественному порядку; начиная самыми простыми предложеніями, такими, кои наиудобнѣе разумѣть можно, и кои необходимо напередъ изслѣдовать надобно, и поступая потомъ къ тѣмъ, кои на перьвыхъ основываются, и предполагаютъ ихъ уже извѣстными. Наконецъ надобно предметъ на столько раздѣлять частей, на сколько онъ самымъ удобнымъ и естественнымъ образомъ раздѣляется.

Третїе, члены раздѣленія должны заключать въ себѣ весь предметъ, въ противномъ случаѣ раздѣленїе будетъ несовершенное; предметъ будетъ представленъ только отрывками и кусками безо всякаго порядочнаго начертанїя, въ коемъ цѣлое изображалось.

Четвертое, да стараются наипаче о краткости и точности. Раздѣленїе будетъ для большой части людей выгодою, ежели разныя статьи выражаются самыми ясными, самыми сильными, и въ тоже время, самыми малыми словами. Сїе никогда не преминетъ учинить надлежащее въ слушателяхъ впечатлѣнїе; и способствуетъ притомъ къ тому, что раздѣленія удобнѣе въ памяти остаются.

Пятое, надлежитъ рачительно избѣгать не нужнаго умноженїя отдѣленїй. Раздѣленїе предмета на великое множество малыхъ частей, чрезъ раздробленїе ихъ на статьи, и отдѣленїя, производитъ въ рѣчахъ всегда худое дѣйствїе. Въ логическомъ сочиненїи сїе не непристойно быть можетъ; но слово дѣлаетъ оно скучнымъ и сухимъ, и безъ нужды отягчаетъ память. Слово можетъ содержать въ себѣ три до пяти, или шесть отдѣленїй, включая тутъ и главы подъ

отдѣленіями еще имѣющимися; рѣдко больше позволяется.

Слѣдующая за сею составляющая часть рѣчи, о которой мы упомянули, есть повѣствованіе или изъясненіе. Обѣ онѣ соединены вмѣстѣ по той причинѣ, что точно одни и тѣже правила имѣютъ, и обыкновенно на одинъ и тотъ же конецъ служатъ; на объясненіе дѣла или предмета, о которомъ разсуждается, прежде нежели приступимъ доказывать которую нибудь сторону онаго, или прежде нежели начнемъ стараться о возбужденіи страстей въ слушателяхъ.

Ясность, вразумительность, достовѣрность и краткость суть качества, кои критики почитаютъ повѣствованію существенными. Вразумительность требуется во всей рѣчи, но наипаче въ повѣствованіи, которое должно разпространять свѣтъ по всѣмъ прочимъ частямъ рѣчи. Въ судѣ, ежели какое нибудь дѣло, или одно только обстоятельство оставлено будетъ темнымъ, или судьямъ будетъ не вразумительно, то оно можетъ разрушить дѣйствіе всѣхъ доводовъ и разсужденій, кои стряпчей употребитъ. Ежели повѣствованіе

не вѣроятно, то оное презрятъ; ежели оно скучно и пространно, то оно утомитъ и забудется. Чтобы здѣлать повѣствованіе вразумительнымъ, требуется особливое вниманіе въ ясномъ показаніи именъ, чиселъ, мѣстъ, и всякаго другаго важнаго обстоятельства повѣствуемыхъ дѣлъ. Чтобы быть въ повѣствованіи вѣроятнымъ, надобно предлагать свойства тѣхъ людей, о коихъ говоримъ, и показать, что дѣйствія ихъ отъ такихъ побудительныхъ причинъ произошли кои естественны, и что они также выиграть надѣялись. Надобно быть столь краткимъ, сколько позволяетъ предметъ, оставляя всѣ излишнія обстоятельства, отъ чего повѣствованіе здѣлается и сильнѣе и яснѣе.

Въ проповѣдяхъ, изъясненіе предмета, о которомъ говорить намѣрены, занимаетъ мѣсто судебнаго повѣствованія, и оное подобнымъ же образомъ писать надобно. Оно должно быть кратко, ясно, и вразумительно; словомъ исправно и пріятно болѣе, нежели, чтобъ изобиловало украшеніями. Пристойное изъясненіе ученія заключающагося въ предложеніи; полное и ясное представленіе естества той добродѣтели или должности, которая составляетъ предметъ на-

шей рѣчи есть собственно поучительная часть проповѣдованія, отъ надлежащаго исполненія коего зависитъ великая часть того, что послѣ въ увѣреніи употребляется. Для полученія успѣха долженъ проповѣдникъ глубоко размышлять о предметѣ, дабы представить оной въ ясномъ и чувствительномъ видѣ. Онъ долженъ наблюдать, какой свѣтъ можетъ онъ получить отъ другихъ мѣстъ священнаго писанія, примѣчать сколь тѣсно предметъ его соединенъ съ какимъ либо другимъ, отъ коего оной различать надлежитъ; или невыгодно ли объяснять оной чрезъ сравненіе, или чрезъ противу положеніе другой какой ни есть вещи; чрезъ изслѣдованіе причинъ, или начертаніе дѣйствій; чрезъ показаніе примѣровъ, или чрезъ призываніе сердецъ слушателей; дабы такимъ образомъ опредѣленной, точной и обстоятельной подать видъ о изъясняемомъ ученіи. Такими вразумительными и пристойными объясненіями дознанной истинны закона Божія, можетъ проповѣдникъ и такъ какъ сочинитель показать великія достоинства, и что безконечно еще драгоцѣннѣе, можетъ рѣчь свою содѣлать важною, поучительною и благотворною.

Доказывающая часть рѣчи, чувствительная часть, заключенїе.

Поелику великой предметъ, для котораго люди во всякомъ важномъ случаѣ говорятъ, въ томъ состоитъ, чтобы убѣдить своихъ слушателей въ какомъ либо дѣлѣ, что оно справедливо, честно, или хорошо; и слѣдовательно побудить къ самому онаго произведенїю въ дѣйство; то разсужденїя и доводы должны составлять основанїе всякаго мужественнаго и увѣрительнаго краснорѣчїя.

Въ разсужденїи доводовъ три вещи наблюдать надлежитъ: первое изобрѣтенїе оныхъ; второе пристойное ихъ расположенїе и учрежденїе; и третїе выраженїе ихъ самымъ сильнымъ слогомъ и образомъ. Вымышленїе есть, безъ сумнѣнїя самое вещество и основанїе прочаго. Но въ семъ искуство слабымъ токмо пособїемъ быть можетъ. Не смотря на то можетъ оно пособить оратору въ расположенїи и выраженїи тѣхъ доводовъ, кои познанїе его предмета открыло.

Положивъ, что доводы пристойнымъ образомъ выбраны, должны мы избѣгать того, чтобы не смѣшивать вмѣстѣ тѣ, кои особаго суть роду. Всѣ доводы, какїе бы

они ни были, стремятся къ тому, чтобы доказать которую нибудь изъ сихъ трехъ вещей: что справедливо; что честно либо пристойно; или что выгодно либо хорошо. Истинна, долгъ и польза суть три великїе предмета изслѣдованїй между человѣками. Но доводы употребляемые на каждой изъ нихъ въ родѣ между собою различаются; и тотъ кто соединитъ ихъ всѣхъ подъ одно общее мѣсто, которое своимъ доказательствомъ называетъ, какъ то часто въ проповѣдяхъ поступали, учинитъ разсужденїя свои невразумительными и неприятными.

Въ разсужденїи различныхъ степеней силы доводовъ, общее правило въ томъ состоитъ, чтобы итти путемъ возвышенїя отъ слабѣйшихъ къ самымъ сильнымъ. Сей способъ похваленъ ежели ораторъ убѣжденъ, что дѣло его ясное, и удобно доказано быть можетъ. Но сїе правило не всеобще наблюдать надобно. Ежели онъ на дѣло свое не надѣется, и одно только вещественное доказательство имѣетъ, на которомъ онъ основаться можетъ, полагая менѣе довѣренности въ прочихъ, то въ такомъ случаѣ часто пристойно бываетъ полагать самыя сильныя свои доказательства въ на-

чалѣ, чтобы расположить своихъ слушателей какъ можно скорѣе въ свою пользу, и побудить ихъ приложить вниманіе къ слабымъ разсужденіямъ, кои онъ потомъ привести можетъ. Ежели между множествомъ разныхъ доказательствъ имѣются одно или два, кои слабѣе прочихъ, хотя они употреблены быть и могутъ, то совѣтуетъ Цицеронъ полагать ихъ въ срединѣ, такъ какъ на мѣстѣ, которое не столь примѣтно, какъ начало или конецъ всѣхъ разсужденій.

Ежели доказательства сильны и удовлетворительны, то чемъ далѣе онѣ одно отъ другаго отдѣлены, тѣмъ лучше. Каждое можетъ тогда стоять особенно, можетъ помѣщено быть въ полномъ своемъ свѣтѣ, распространено и созерцаемо. Но ежели онѣ сомнительны или подозрительны, то надежнѣе стѣснять ихъ вмѣстѣ, поставлять ихъ въ боевой порядокъ, дабы хотя каждое особенно и слабо, однакожъ бы взаимными силами подкрѣплять себя могли.

Доказательсшва никогда не должно ни съ лишкомъ распространять. ни съ лишкомъ размножать. Сіе служитъ болѣе къ учиненію дѣла подозрительнымъ, нежели къ увеличенію его силы. Излишнее множество дока-

зательствъ какъ память отягчаетъ, такъ умаляетъ и силу того убѣжденія, которое не многія хорошо подобранныя доказательства произвести не преминутъ. Столь же всегда ослабляетъ и разпространеніе ихъ за предѣлы разсудительнаго объясненія. Ежели ораторъ старается какое нибудь любезное свое доказательство представлять во всевозможныхъ видахъ, то обыкновенно случается, что утомясь отъ усилій своихъ, теряетъ тотъ духъ, съ которымъ началъ, и оканчиваетъ то слабо, что началъ сильно.

Разсмотрѣвъ пристойное разположеніе доказательствъ, приступаю я теперь къ другой существенной части рѣчи, къ чувствительной; въ которой, ежели она только имѣется, краснорѣчіе царствуетъ, и изъявляетъ свою силу. Въ сей статьѣ предложимъ мы слѣдующія наставленія, кои кажется припамятованія заслуживаютъ.

Надобно рачительно примѣчать, позволяетъ ли самой предметъ, и дѣлаетъ ли онъ пристойнымъ сіе возбужденіе страстей; и ежели онъ позволяетъ, то которая часть рѣчи есть для сего дѣла наипристойнѣшая. Въ опредѣленіи сихъ предметовъ здравый разсудокъ есть единый истинный путеводи-

тель. Многіе предметы возбужденіе страстей совсемъ не позволяютъ, да даже и въ тѣхъ, кои оное позволяютъ, возбужденіе страстей на непристойномъ мѣстѣ сдѣлаетъ оное смѣшнымъ. Вообще примѣчать надобно, что ежели мы желаемъ, чтобы произведенное нами движеніе въ сердцѣ, имѣло продолжительное дѣйствіе, то должны разположить въ нашу пользу какъ разумъ такъ и разсужденіе. Слушатели должны быть удовлетворены въ томъ, что имѣются достаточныя причины на принятіе дѣла съ усердіемъ и жаромъ. Ежели доводы и разсужденія полное свое дѣйствіе произвели, то возбужденіе страстей съ наивеличайшею силою и пристоинствомъ употреблено быть можетъ.

Оратору рачительно избѣгать надобно того, чтобъ слушателямъ своимъ не давать знать напередъ, что онъ намѣренъ возбуждать ихъ страсти. Всякое предъуготовленіе сего рода охлаждаетъ ихъ чувствительность. Притомъ вещественное имѣется различіе между показываніемъ человѣку, что онъ долженъ быть чувствителенъ, и между настоящимъ возбужденіемъ его страстей. Къ каждому движенію или страсти прина-

ровила природа нѣкоторые соотвѣтственные предметы, кои ежели ораторъ предъ душею не поставитъ, то никогда не возможно ему будетъ возбудить движенія въ сердцѣ. Мы преизполняемся благодарностію, чувствуемъ сожалѣніе не тогда, когда ораторъ показываетъ намъ, что ето суть благородныя разположенія души, и что чувствовать ихъ есть долгъ нашъ, или ежели онъ вопіетъ на насъ противу нашего равнодушія и хладнокровности. Сіе относится только къ нашему разсудку или совѣсти. Онъ долженъ изображать намъ добродушіе и сердечную любовь нашего друга; долженъ представить злощастіе претерпѣваемое тою особою, къ которой онъ насъ привлечь желаетъ; и тогда, не прежде, сердца наши сочувствовать, а благодарность наша или сожалѣніе дѣйствовать въ насъ начинаютъ. И такъ основаніе всякаго благоуспѣшнаго совершенія въ страсти возбуждаемой ораторіи въ томъ состоитъ, чтобы предметъ страсти, которую мы возбудить желаемъ изображать самымъ естественнымъ и чувствительннымъ образомъ; описывать оной съ такими обстоятельствами, какими вѣроятно возбуждается она въ душахъ другихъ людей.

Для полученія успѣха въ возбужденіи страстей надобно примѣчать языкъ страстямъ пристойной. Сей, ежели мы будемъ наблюдать природу, найдемъ мы всегда непринужденнымъ и простымъ. Онъ можетъ оживленъ быть отважными и сильными фигурами, но украшенія и прикрасъ онъ не требуетъ. Между изображеніемъ для воображенія и изображеніемъ для сердца имѣется существенное различіе. Перьвое можетъ быть производимо съ разсужденіемъ и холодностію; второе должно быть всегда быстро и воспаленно. Въ перьвомъ искуство и трудъ являться можетъ; въ послѣднемъ никогда не произведется надлежащее дѣйствіе, ежели оно не имѣетъ виду, что есть дѣло единыя природы. По сему надлежитъ избѣгать всѣхъ тѣхъ отступленій отъ матеріи, кои могутъ прервать или отвратить волненіе страсти. По сему уподобленія всегда опасны, и обыкновенно совершенно въ возбужденіи страстей непристойны. Также примѣчать надлежитъ, что движенія сердца, когда онѣ сильны, не могутъ быть продолжительны. По сему возбужденіе страстей не должно быть съ лишкомъ длинно и пространно. Надобно всегда надлежащее вниманіе прила-

тать къ тому, сколько слушатели пренести могутъ; ибо покушаясь довести ихъ въ страсти далѣе, нежели какъ сколько они за нимъ слѣдовать хотятъ, уничтожимъ мы наше намѣреніе. Ежели мы стараемся разгорячить ихъ до послѣдней крайности, то предпринимаемъ самое надежное средство къ совершенному ихъ охлажденію.

Въ разсужденіи заключенія рѣчи, нѣсколько словъ сказать довольно будетъ. Иногда вся, страсти возбуждающая часть наипристойнѣйшимъ образомъ въ заключеніи помѣщается. Иногда, ежели вся рѣчь была доказывающая, надлежитъ заключать счисленіемъ всѣхъ доказательствъ, помѣщеніемъ ихъ во единъ видъ, и учиненіемъ впечатлѣніе оныхъ въ сердцахъ слушателей полнымъ и сильнымъ. Ибо главное правило заключенія, и что естество обыкновенно повелѣваетъ, состоитъ въ томъ, чтобы поставлять на концѣ то, на чемъ по мнѣнію нашему сила дѣла останавливается.

Во всякомъ родѣ публичныхъ рѣчей, важное есть дѣло попасть на надлежащее время для заключенія, такъ чтобы привести рѣчь прямо къ концу; не оканчивая оную прерывисто и сверьхъ чаянія, ниже обманывая

ожиданіе слушателей, когда они думаютъ, что рѣчь окончена. Заключеніе должно всегда оканчиваться съ достоинствомъ и живостію, дабы сердца слушателей могли остаться въ жарѣ, и чтобъ они оставляли насъ съ благопріятнымъ для насъ впечатлѣніемъ предмета и оратора.

Произношеніе или преподаваніе.

Великіе предметы, кои всякой публичный ораторъ въ преподаваніи своемъ наблюдать долженъ, суть первое, говорить такъ чтобы слушатели насъ совершенно и удобно разумѣли; а потомъ изъясняться съ такимъ пріятствомъ и силою, чтобъ могли имъ нравиться и трогать ихъ.

Чтобъ быть совершенно и удобовразумительнымъ требуется надлежащая степень громкости голоса, ясности, протяжности, и пристоинства въ произношеніи.

Слушаніе насъ есть безсомнѣнія перьвая потребность. Ораторъ долженъ стараться голосомъ своимъ наполнить все пространство, которое собраніемъ занято. Хотя сія сила голоса, большою частію есть естественное дарованіе, однакожъ она великія пособія отъ

искуства приобрѣсть можетъ. Много зависитъ отъ силы и управленія голоса Сей можетъ раздѣленъ быть на три степени, на высокой, средней и низкой. — Высокой употребляется, когда громко кричимъ кому въ отдаленности: низкой приближается къ шептанію. Средней есть тотъ, которой въ обыкновенныхъ разговорахъ употребляется, и которое вообще въ публичныхъ рѣчахъ употреблять должно: ибо тѣ заблуждаются, кои думаютъ, что самая высокая степень голоса потребна, дабы насъ въ великомъ собраніи слышали. Сіе значитъ смѣшивать между собою двѣ существенно разныя вещи, звонкость или силу голоса, съ ключемъ или нотою, по которой говоримъ. Голосъ можно учинить громче не перемѣняя ключа, и ораторъ будетъ всегда способенъ придать наибольшую крѣпость, наибольшую выдерживающую силу звона, той степени голоса, къ которой онъ привыкъ въ разговорахъ. Ибо ежели онъ начнетъ самою высокою степенью голоса, то утомитъ себя, и будетъ говорить съ затрудненіемъ; а ежели кто говоритъ съ затрудненіемъ самому себѣ; то его и слушатели слушаютъ всегда съ затрудненіемъ. По сему голосу можно

придать полную силу и звонкость, но онъ долженъ всегда оставаться на ключѣ обыкновеннаго разговора; большее количество голоса никогда не должно произносить, развѣ что ежели оно можетъ быть безъ затрудненія и безъ чрезвычайнаго усилія. Для удобнаго слышанія полезно, ежели ораторъ устремляетъ око на самую отдаленную особу въ собраніи, и представляетъ себѣ, что онъ съ нею говоритъ. Мы естественнымъ и механическихъ образомъ выражаемъ наши слова съ такою силою, чтобъ насъ слышалъ тотъ, къ которому мы относимъ рѣчь свою, ежели онъ только въ такомъ стоитъ разстояніи, до какого голосъ нашъ достигнуть можетъ. Въ публичныхъ рѣчахъ будетъ тотъ же случай, что и въ обыкновенныхъ разговорахъ. Но надобно помнить, что съ лишкомъ громкая рѣчь свойственно себѣ предъосудительна. Ухо оскорбляется, ежели голосъ изтекаетъ гремящими неясными *выраженіями*; сверьхъ того покажется, что будто бы ораторъ одною жестокостію и силою голоса согласія требуетъ.

Для удобнаго слышанія и яснаго разумѣнія ясность въ соединеніи словъ болѣе можетъ быть способствуетъ, нежели простая гром-

кость голоса. Количество голоса потребное для наполненія даже и широкаго пространства, не столь велико, какъ обыкновенно думаютъ; и человѣкъ имѣющій слабый голосъ, съ яснымъ соединеніемъ словъ можетъ достигнуть далѣе нежели какъ самой сильной голосъ за нимъ слѣдовать можетъ. По сему требуетъ сіе пристойнаго вниманія. Ораторъ долженъ придавать каждому голосу надлежащую соразмѣрность, и дѣлать, чтобы каждый складъ, и даже каждую литеру ясно слышали. Чтобы въ семъ успѣть, надлежитъ избѣгать скораго произношенія. Однакожъ никакъ не надобно быть вялымъ и протяжнымъ. Въ разсужденіи пристойнаго степени протяжности, и полнаго и яснаго соединенія словъ рачительное стараніе не можетъ быть съ лишкомъ велико, ни совѣтъ объ ономъ съ лишкомъ усерденъ. Такое произношеніе придаетъ слову силу и достоинство. Оно вспомоществуетъ голосу, помедленіемъ и остановками, кои оно въ пособіе ему позволяетъ; и дѣлаетъ оратора способнымъ водить свой голосъ какъ съ большею силою, такъ и съ большимъ согласіемъ. Симъ образомъ можетъ онъ сохранить надлежащую

надъ собою власть, и отвратить разсѣваніе духа, которое происходитъ отъ скораго и торопливаго изпущенія онаго, которое вредитъ всякому истинному и совершенному краснорѣчію.

Ничто столько пристоинству въ произношеніи не способствуетъ, какъ прилѣжное раченіе о придаваніи каждому нами сказанному слову, тотъ голосъ, которой самое изправленное употребленіе языка пристойнымъ дѣлаетъ, избѣгая грубаго, простонароднаго, провинціальнаго произношенія. Не смотря на то въ разсужденіи сего писменныя наставленія ничего не помогутъ. Но есть одно примѣчаніе, о которомъ съ пользою упомянуть можно: въ нашемъ (Аглинскомъ) языкѣ всякое слово имѣющее больше одного слога имѣетъ одинъ слогъ длинной. Свойство языка требуетъ отъ голоса, чтобы означать тотъ слогъ большимъ удареніемъ, а прочее произносить скоро. Въ публичной рѣчи должно дѣлать тоже удареніе, что и въ обыкновенныхъ разговорахъ. Многіе въ разсужденіи сего въ заблужденіе впадаютъ. Когда они говорятъ публично, и съ торжествомъ, то произносятъ иначе, нежели какъ въ другое время. Они на слогахъ останавливаются и

протягиваютъ ихъ; умножаютъ ударенія на одномъ и томъ же словѣ, отъ ложнаго мнѣнія, что оно придаетъ рѣчи важность и силу, и возвышаетъ великолѣпіе публичнаго слова. Но сія есть наивеличайшая погрѣшность, какую въ произношеніи здѣлать можно; она составляетъ то, что называютъ ѳеатральнымъ и мужицкимъ образомъ, и придастъ рѣчи искуственный и принужденный видъ, которой большою мѣрою отвращаетъ отъ пріятности и впечатлѣнія рѣчи.

Теперь упомянемъ мы о тѣхъ вышнихъ частяхъ преподаванія, при изученіи коихъ, ораторъ старается не только, чтобы здѣлать себя вразумительнымъ, но чтобы придать также пріятность и силу тому, что онъ преподаетъ. Сіи могутъ заключаться въ четырехъ статьяхъ; въ удареніи, остановкѣ, звонѣ, и тѣлодвиженіяхъ.

Подъ удареніемъ разумѣется полнѣйшее и сильнѣйшее напряженіе голоса, чрезъ что мы отличаемъ долгіе слоги нѣкоторыхъ словъ, которымъ мы намѣрены придать особливую силу, и показать, сколь оно къ прочему относится. Для достиженія пристойнаго управленія симъ удареніемъ, главное и истинно единое правило, которое

подать можно, состоитъ въ томъ, чтобы ораторъ старался достичь точнаго познанія силы и духа тѣхъ мыслей, кои онъ преподавать намѣренъ. Во всѣхъ напередъ приготовляемыхъ рѣчахъ весьма бы полезно было, если бы мы прежде нежели станемъ говорить публично, про себя прочитывали и повторяли наши рѣчи съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пріискивать пристойныя ударенія; замѣчая въ то самое время, въ каждомъ изрѣченіи тѣ слова, на коихъ ударять надобно, или покрайней мѣрѣ замѣчая самыя важныя мѣста въ рѣчи, и впечатлѣвая ихъ лучше въ памяти своей. Не смотря на то остерегаться надобно, чтобы не съ лишкомъ умножать такія ударяемыя слова. Онѣ тогда только трогаютъ насъ, когда съ благоразумною бережливостію употребляются. Ежели онѣ попадаются съ лишкомъ часто; ежели ораторъ старается всякую имъ сказанную вещь здѣлать, множествомъ сильныхъ удареній весьма важною; то скоро перестанутъ оныя возбуждать вниманіе слушателей.

По удареніи, требуютъ вниманія остановки: онѣ двоякаго роду: перьвое, ударяемыя остановки; второе, такія, кои смыслъ

отмѣчаютъ. Ударятельная остановка дѣлается послѣ какого нибудь изрѣченія, имѣющаго особливую важность, и куда намъ надобно направить вниманіе слушателей. Иногда остановка сего рода бываетъ и прежде важной матеріи. Такія остановки тоже имѣютъ дѣйствіе, что и сильныя ударенія, и тѣмъ же самымъ подвержены правиламъ; а особливо въ разсужденіи той предосторожности, о которой мы недавно говорили, чтобъ не повторять ихъ съ лишкомъ часто, ибо поелику они возбуждаютъ особливое вниманіе, и слѣдовательно производятъ ожиданіе, то ежели они сему не совершенно соотвѣтственны, то ожиданіе обманывается, и дѣлается отвращеніе.

Но самое обыкновенное и главное употребленіе остановокъ дѣлается для раздѣленія смысла, и въ тоже самое время дабы ораторъ могъ собираться духомъ; а правильное и приятное управленіе такими остановками есть одна изъ нѣжнѣйшихъ и труднѣйшихъ частей въ преподаваніи. Особенно требуется, чтобы достичь пристойной власти надъ своимъ духомъ. Для достиженія сего, каждой ораторъ долженъ весьма о томъ стараться, чтобы собирать въ

себя совершенно столько духу, сколько на произнесеніе потребно. Весьма заблуждаются тѣ, кои думаютъ, что духъ должно тянуть только до конца періода, когда голосъ упадать начинаетъ. Онъ можетъ удобно быть собираемъ при концахъ періодовъ, когда голосъ минутное токмо отдохновеніе имѣетъ; и симъ образомъ достаточно доставлять можно духу, для произнесенія самаго длиннаго періода, безъ непристойнаго прерыванія.

Остановки въ публичныхъ рѣчахъ, надлежитъ дѣлать такимъ же образомъ, какъ и въ обыкновенныхъ, чувствительныхъ разговорахъ дѣлаемъ, а не тѣмъ принужденнымъ искуственнымъ образомъ, къ которому мы приучаемся отъ чтенія книгъ, по обыкновеннымъ въ оныхъ знакамъ. Всеобщій способъ означенія точекъ весьма произволенъ; часто отъ прихоти зависитъ и ложно дѣлается; и показываетъ такое въ остановкахъ единообразіе, которое весьма неприятно: по сему примѣчать надлежитъ, что дабы учинить остановки приятными и выражательными, онѣ не только должны быть въ надлежащихъ мѣстахъ но и сопровождаться пристойною перемѣною голоса; чемъ есте-

ство сихъ остановокъ гораздо болѣе назначается, нежели оныхъ долготою, которую никогда съ точностію измѣрять нельзя. Иногда пристойно бываетъ малое токмо и простое отдохновеніе голоса; иногда требуется нѣкоторая степень паденія; а иногда тотъ собственный голосъ и паденіе, кои заключеніе періодовъ показываютъ. Во всѣхъ сихъ случаяхъ надлежитъ оратору стараться сображать себя съ тѣмъ образомъ глаголанія, которому научаетъ его природа, когда онъ съ кѣмъ другимъ настоящую и важную ведетъ рѣчь.

Въ читаніи или сказываніи стиховъ трудно дѣлать остановки съ пристойностію. Два есть рода остановокъ, кои принадлежатъ къ согласію стиха; одна на концѣ строки, а другая въ срединѣ оной. Риѳма дѣлаетъ перьвую всегда чувствительною, и побуждаетъ къ наблюденію оной въ произношеніи. Въ бѣлыхъ стихахъ она не столь примѣтна; и ежели бы не было конца въ смыслѣ, то бы сомнительно было, можно ли въ чтеніи какое нибудь прилагать вниманіе къ замѣчанію себѣ конца строки? На Ѳеатрѣ, гдѣ той примѣтности, чтобъ говорить стихами истинно избѣгать надобно,

такія концы строкъ слуху чувствительными дѣлать не надлежитъ, потому что они остановки въ смыслѣ не показываютъ. Въ другихъ случаяхъ для согласія лучше, читать бѣлые стихи такимъ образомъ, чтобы каждую строку примѣтно отличать отъ другой. Однакожъ въ предприняттіи сего всякой видъ пѣнія и звона рачительно избѣгать надобно. Конецъ строки, въ коей остановки въ смыслѣ не имѣется, надобно означать такимъ только послабленіемъ голоса, чтобъ онъ не оскорбляя смысла, означалъ переходъ отъ одной строки къ другой.

Остановка по серединѣ строки падаетъ на 4 ой, 5 ой, 6 ой, или 7 ой слогъ, а не на другіе. Ежели случится, что остановка падаетъ туда же гдѣ и слабое раздѣленіе смысла имѣется, то строка прочтена быть можетъ: какъ то въ первыхъ двухъ стихахъ въ Попевомъ мессіи.

Начните пѣніе, о вы Солимски нимфы!
Потребенъ вышшій трудъ, для вышшаго предмета.

Но ежели случится что слова, имѣющія столь тѣсную связь между собою, что даже и минутнаго отличенія не позволяютъ; раз-

дѣлятся одно отъ другаго такою остановкою посрединѣ стиха, то мы увидимъ споръ между смысломъ и голосомъ, которой труднымъ дѣлаетъ чтеніе такихъ строкъ съ пріятностію и согласіемъ. Въ такимъ случаяхъ всегда лучше пожертвовать голосомъ смыслу. Такъ напримѣръ въ слѣдующихъ Мильтоновыхъ строкахъ. „Что мрачно, ты тому дай свѣтъ; что низко, то возвысь и подкрѣпи„.

Смыслъ очевидно показываетъ остановку послѣ „дай свѣтъ„ что примѣчать надобно; хотя ежели бы слѣдовать одному согласію, то бы „дай свѣтъ„ надлежало соединить со слѣдующимъ, и не въ иномъ бы мѣстѣ надлежало дѣлать остановки какъ на шестомъ слогѣ. Также и въ слѣдующей строкѣ Попева посланія къ Арбутноту:

Сижу; съ худымъ учтивствомъ я читаю.

Слухъ показываетъ остановку падающую послѣ „ худымъ „ но весьма бы это было неразсудное чтеніе; ежели бы „худымъ„ и „учтивствомъ„ отдѣлить одно отъ другаго. Смыслъ никакой другой остановки не позволяетъ какъ послѣ „сижу„ и сія есть по сему единая, которую примѣчать надлежитъ.

Теперь мы приступаемъ къ разсужденію о голосѣ въ произношеніи, которой какъ отъ ударенія, такъ и отъ остановокъ отличается, и состоитъ въ управленіи голоса, звона или перемѣнъ голоса, употребляемаго въ публичныхъ рѣчахъ. Самыя вещественныя наставленія, кои въ разсужденіи сего предмета подать можно, состоятъ въ томъ, чтобы голосъ въ публичныхъ рѣчахъ соображать съ голосомъ чувствительнаго и оживленнаго разговора. Всякой, которой обязывается говорить о предметѣ, которое къ нему близко относится, имѣетъ краснорѣчивой или увѣрительной голосъ и образъ глаголанія. Но ежели ораторъ отъ природнаго своего голоса въ выраженіи отступаетъ, то онъ рѣчь свою вѣрно здѣлаетъ холодною и неувѣрительною. Нѣтъ ничего столь вздорнаго, какъ предполагать, что какъ скоро ораторъ всходитъ на каѳедру, или вступаетъ въ публичное собраніе, то ему непосредственно отложить надобно голосъ, которымъ онъ говоритъ въ приватныхъ случаяхъ, и принимать новой, на которой онъ приготовился, и паденіе совсемъ отличное отъ природнаго. Сіе опорочивало всякое преподаваніе, и возбуждало принужденное и скуч-

ное единогласіе. Да предостерегается каждый ораторъ отъ сего заблужденія. Хотя бы онъ говорилъ привашно, хотя бы въ большихъ собраніяхъ, да не забудетъ того, что онъ говоритъ. Да приемлетъ природу вождемъ своимъ. И она научитъ его выражать мысли свои и чувствованія такимъ образомъ, что наисильнѣйшее и наиприятнѣйшее учинитъ впечатлѣніе въ сердцахъ своихъ слушателей.

Теперь остается намъ говорить о тѣлодвиженіяхъ, или что называется дѣйствіемъ, въ публичныхъ рѣчахъ. Наилучшее правило въ томъ состоитъ, чтобы примѣчать взоръ и тѣлодвиженія, кои важность, досада, сожалѣніе, или всякое другое движеніе сердца показываетъ въ обыкновенномъ человѣческомъ обхожденіи самыми выгодными; и да будутъ сіи образцомъ подражанія. Не смотря на то долженъ публичный ораторъ принимать тотъ образъ; которой ему наипаче сроденъ. Всѣ его движенія должны изъявлять тотъ родъ выраженія, которой сказываетъ ему природа; и безъ сего никакое ученіе неизправитъ принужденнаго и неприятнаго ихъ вида. Но хотя природа и должна быть полагаема основаніемъ всякаго

пріятства въ тѣлодвиженіи и дѣйствіи, однакожъ не должно нерадѣть и о украшающихъ изправленіяхъ, кои искуство подать можетъ. Наука дѣйствованія состоитъ наипаче въ предостереженіи себя отъ непристойнаго и непріятнаго тѣлодвиженія, и въ достиженіи такого, которое оратору весьма пріятнымъ образомъ естественно. Безчисленны суть правила поданныя писателями въ разсужденіи достиженія пристойнаго тѣлодвиженія. Но опасаться должно, что письменныя наставленія о семъ предметѣ мало услуги оказать могутъ. Чтобъ онѣ были полезны, надобно на хорошихъ примѣрахъ показывать. Не смотря на то нѣсколько самыхъ простыхъ правилъ съ пользою примѣчать можно. Такъ напримѣръ, каждой ораторъ долженъ въ положеніи своего тѣла, имѣть столько достоинства, сколько возможно. Онъ долженъ вообще предпочитать прямое положеніе; оно должно быть твердое, такъ чтобы онъ имѣлъ самую совершенную и вольную власть надъ всѣми своими движеніями; ежели онъ употребитъ какое наклоненіе, то оно должно быть въ передъ къ слушателямъ, которое есть естественное выраженіе важности. Видъ долженъ соотвѣтствовать съ естествомъ рѣ-

чи; и ежели не выражается особливое движеніе, то важной и мужественной видЪ всегда предпочитать надобно. Глаза никогда недолжны быть обращены совершенно на одинЪ какой нибудь предметЪ, но удобно ходить по всему собранію. ВЪ движеніяхЪ производимыхЪ руками состоитЪ главная часть тѣлодвиженія вЪ рѣчахЪ. Естественно, что правую руку надобно чаще употреблять, нежели лѣвую. Сильныя движенія требуютЪ дѣйствія обѣими вмѣстѣ. Но хотя бы ораторЪ одною или обѣими руками дѣйствовалЪ, важное правило состоитЪ вЪ томЪ, что всѣ его движенія должны быть легки, и непринужденны. Тѣсныя и ограниченныя движенія обыкновенно неприятны бываютЪ; и слѣдовательно движенія производимыя руками должны происходить болѣе отЪ плечей нежели отЪ локтей. Перпендикулярныя движенія по прямой линеѣ сверьху вЪ низЪ, которое ШакеспирЪ ,, разсѣканіемЪ воздуха рукою ,, называетЪ, избѣгать надобно. Косыя движенія наиболѣе нравятся и приятны. Проворныя и скорыя движенія рѣдко бываютЪ хороши. Важность можетЪ совершенно выразиться безЪ ихЪ помощи.

Мы не можемъ заключить примѣчаній нашихъ о семъ предметѣ, безъ приложенія строгаго совѣта для каждаго оратора остерегаться отъ всякой принужденности, которая всякое хорошое преподаваніе портитъ. Да будутъ дѣйствія его, какія бы онѣ ни были, его собственныя, безъ подражанія другому, ниже взяты отъ мысленнаго какого нибудь образца, которой ему несроденъ. Что естественно, хотя бы оно и разные недостатки имѣло, равно намъ нравится; по тому что показываетъ намъ человѣка; по тому что оно имѣетъ видъ, что отъ сердца происходитъ. Достиженіе совершенно изправнаго и пріятнаго способа преподаванія есть такое дѣло, коего мало надѣяться можно; ибо весьма много естественныхъ дарованій въ образованіи онаго способствовать должны. Но достиженіе сильнаго и увѣрительнаго способа есть въ силахъ человѣческаго рода вообще. Имъ надобно только оставлять непристойныя, и изпорченныя привычки; имъ надобно слѣдовать природѣ; и они будутъ публично такъ же говорить какъ и приватно, ежели они говорятъ о важномъ дѣлѣ и отъ сердца своего.

Средства къ изправленію себя въ краснорѣчіи.

Для тѣхъ, кои желаютъ превознестись въ которомъ нибудь высокомъ родѣ краснорѣчія, ничто столь не нужно, какъ пріучать себя къ разнымъ добродѣтелямъ, и очистить и изправить нравственныя свои чувствованія. Истинный ораторъ долженъ имѣть благородныя мысли, и душу склонную удивляться всѣмъ тѣмъ великимъ и высокимъ предметамъ, кои человѣческой родъ отъ природы уважать склоненъ. Вмѣстѣ съ мужественными добродѣтелями надобно ему имѣть сильную и нѣжную чувствительность ко всѣмъ обидамъ, бѣдамъ и горестямъ ближняго своего.

Послѣ нравственныхъ качествъ требуется для оратора обиліе свѣденій. Нѣтъ ни въ какой части такого искуства, которое бы могло научить краснорѣчію, ежели не имѣютъ достаточнаго свѣденія въ томъ, что до сей части касается. Вниманіе къ украшеніямъ слога можетъ пособить оратору только въ выгодномъ представленіи матеріяловъ, кои онъ имѣетъ; но самые матеріялы надлежитъ собирать изъ инаго источника, нежели изъ Риторики. Стряпчей дол-

женъ совершенное имѣть познаніе въ законахъ; онъ долженъ имѣть всю ту ученость и опытность, кои въ ремеслѣ его въ защищеніи дѣла, или въ убѣжденіи судей полезны быть могутъ. Проповѣдникъ долженъ въ тайнѣ стараться познавать божество, практической законъ Божій, нравственную науку, и человѣческое естество, дабы онъ былъ богатъ всѣми предметами, какъ для наученія такъ и для увѣренія. Тотъ, кто желаетъ превознестись такъ какъ членъ вышшаго народнаго совѣта, или въ какомъ ни будь публичномъ собраніи, долженъ подробно знать всѣ тѣ должности, кои съ такимъ собраніемъ смежны, и съ точностію долженъ примѣчать всѣ тѣ дѣла, кои могутъ быть предметомъ вопроса, или разсужденія.

Кромѣ свѣденій, кои болѣе свойственно съ ремесломъ его соединены, публичному оратору надобно познавать всеобщія изправленныя науки. Стихотворство будетъ ему полезно въ украшеніи слога, въ подаваніи живыхъ картинъ, или пріятныхъ ослѣпленій. Исторія можетъ для него еще быть выгоднѣе; ибо познаніе дѣяній, знатныхъ характеровъ, и теченія дѣлъ человѣческихъ имѣ-

етъ мѣсто во многихъ случаяхъ. Недостатокъ въ познаніи и самыхъ такихъ предметовъ, кои съ ремесломъ его непосредственно не соединены, приведутъ публичнаго оратора во многія замѣшательства, и сопернику его, которой лучше его одаренъ, придадутъ неоспоримое преимущество.

Для всякаго желающаго превознестись въ качествѣ публичнаго оратора, совѣтъ, чтобы приучать себя къ прилѣжанію и старательности, не можетъ быть довольно нахвалимъ. Сіе неразлучно соединено съ покушеніемъ на всякой родъ превозходства. Никто не дѣлался никогда отмѣннымъ стряпчимъ, проповѣдникомъ, или ораторомъ какого собранія, безъ приложеннаго напередъ труда и прилѣжанія. Старательность, по справедливости, не только во всякомъ достойномъ достиженіи есть необходимое дѣло, но назначено провидѣніемъ такъ какъ приправою всякаго удовольствія, безъ котораго жизнь дѣлается томною и неприятною. Ни что столько, какъ благороднымъ покушеніямъ, такъ и истиннымъ и оживленнымъ увеселеніямъ жизни не противно, какъ то послабленное состояніе души, которое отъ нечувствительности и беззаботливо-

сти произходитъ. Тотъ, которой опредѣлилъ себя превознестись въ какомъ нибудь искусствѣ, долженъ отличаться восторгомъ къ сему искусству, которой воспаляя его душу имѣющимся въ виду предметомъ, приведетъ его въ состояніе пренести всякую необходимую степень старательности и труда. Симъ отличались великіе мужи въ древности, и симъ должны отличаться новѣйшіе, кои блестящему ихъ примѣру подражать хотятъ. Тѣ, кои учатся ораторіи, должны сей благородный восторгъ наблюдать съ наиревностнѣйшимъ вниманіемъ. Ежели его недостаетъ въ юности, то мужественныя лѣта весьма повянутъ.

Внимательность къ наилучшимъ образцамъ много способствуетъ къ изправленію въ рѣчахъ и въ писаніи. Всякой долженъ по справедливости стараться имѣть что нибудь собственное, что нибудь ему свойственное, и что сочиненіе его и слогъ отличаетъ. Даръ разума отягчается, и убожество его обнажается, отъ рабскаго подражанія. Однакожъ нѣтъ столь примѣрнаго остроумія, которой бы не могъ получить изправленія отъ пристойныхъ примѣровъ въ слогѣ сочиненія, и въ способѣ препода-

ванія. Они подаютъ всегда нѣкоторыя новыя идеи, и способствуютъ къ разпространенію и изправленію своихъ собственныхъ. Они ускоряютъ теченіе мыслей, и возбуждаютъ жаръ соревнованія.

Въ подражаніи слогу какого нибудь любимаго нашего сочинителя, надлежитъ наблюдать вещественное различіе между письменною и произносимою рѣчью. Сіи суть истинно два различные образа сообщенія мыслей. Въ книгахъ ожидаемъ мы изправность, точность, уменьшеніе всѣхъ излишествъ, избѣганіе всякихъ повтореній, языкъ совершенно изправленный. Произношеніе рѣчи позволяетъ слогъ обильнѣйшій, и менѣе правилами ограниченный; повторенія часто требуются; скобки иногда могутъ придавать украшеніе; одна и таже самая мысль должна часто быть въ различныхъ видахъ представляема; ибо слушатели могутъ только единожды изъ устъ оратора захватить, и такъ какъ въ чтеніи повторять, и разсмотрѣть то, что несовершенно поняли, случаю не имѣютъ. По сему покажется слогъ нѣкоторыхъ хорошихъ писателей труднымъ, принужденнымъ и даже неяснымъ, ежели онъ въ народную рѣчь обращенъ будетъ. Сколь

напримѣрЪ не естественно раздаваться быстали мысли Лорда ШафтсбуриВ устахЪ публичнаго оратора? Нѣкоторые роды публичныхЪ словЪ, какЪ то церьковныхЪ, гдѣ точнѣйшее приготовленіе, и болѣе раздуманный слогЪ быть можетЪ, истинно такой образЪ болѣе позволяютЪ, нежели другіе роды, отЪ коихЪ болѣе ожидаютЪ, чтобы они якобы безо всякаго приготовленія произносимы были. Но вообще между произношеніемЪ, и такимЪ сочиненіемЪ, которое писано единственно для чтенія, различіе столь велико, что оно должно предостерегать насЪ отЪ тѣснаго и непристойнаго подражанія.

Сочиненія нѣкоторыхЪ писателей подходятЪ ближе кЪ слогу произносимыхЪ рѣчей, нежели другихЪ, и по сему симЪ сЪ большимЪ пристоинствомЪ подражать можно. На нашемЪ (АглинскомЪ) собственномЪ языкѣ СвифтЪ и БолинброкЪ такого суть рода. Перьвой, хотя и изправенЪ, однакожЪ сохраняетЪ легкой естественной образЪ, непринужденнаго оратора; и сіе есть превозходство, коимЪ онЪ свойственно себѣ отличается. СлогЪ послѣдняго великолѣпнѣе; однакожЪ и сей есть слогЪ рѣчей; или лучше сказать публичныхЪ

словъ. Въ Болинброкѣ могутъ истинно съ особенною выгодою учиться тѣ, кои желаютъ достигнуть естественной изящности, и приятства сочиненія.

Частое упражненіе какъ въ сочиненіи, такъ и въ сказываніи рѣчей совѣтуется такъ какъ необходимое средство къ изправленію. Тотъ родъ сочиненія есть безъ сомнѣнія самой полезной, которой имѣетъ связь съ тѣмъ ремесломъ, или съ тѣмъ родомъ публичныхъ рѣчей, которымъ себя люди посвящаютъ. Сіи должны они всегда имѣть въ мысляхъ своихъ, и мало по малу къ нимъ приучаться. Въ тоже время недолжны они позволять себѣ сочинять, въ какомъ бы ни было случаѣ, нерадиво. Тотъ, кто желаетъ писать или говорить изправно, долженъ и въ самыхъ простыхъ родахъ сочиненія въ писаніи письма, или даже и въ обыкновенномъ разговорѣ, стараться выражать себя съ пристоинствомъ. Чрезъ сіе не разумѣемъ мы того, что онъ не иначе долженъ писать или говорить, какъ приготовленнымъ или искуственнымъ языкомъ. Сіе бы произвело тугость и принужденность, кои гораздо хуже наивеличайшаго нерадѣнія. Но мы должны примѣчать, что въ каждомъ дѣлѣ есть при-

стоинство и принадлежность; и съ другой стороны, что тоже дѣло можетъ и непристойно совершено быть. Пристойной образъ часто бываетъ весьма легокъ, и имѣетъ видъ, что раченія не требуетъ; но вкусъ и вниманіе потребны для полученія настоящей объ ономъ идеи. И ежели сія идея единожды приобрѣтется, то должно оную постоянно содержать въ мысляхъ своихъ, и по оной образовать все, что мы пишемъ, или говоримъ.

Упражненіе въ сказываніи рѣчей совѣтовалось всегда для учащихся краснорѣчію; и при надлежащемъ управленіи должно оно быть весьма полезно. Въ тѣхъ народныхъ и смѣшенныхъ обществахъ, въ коихъ соединено вмѣстѣ великое число людей, часто низкія состоянія и упражненія имѣющихъ, никакими узами союза несоединенныхъ, развѣ что смѣшнымъ влеченіемъ къ публичному сказыванію рѣчей, и не иной какой предметъ въ мысляхъ своихъ имѣющихъ, какъ изъявлять мнимыя свои дарованія, учрежденія не только безполезны, но и оскорбительны. Они учреждены для составленія училищь вздорности, своевольства и пристрастія. Даже и тѣ позволительныя общества, въ

которыхъ учащїеся ораторїи могутъ образовать себя, должны подъ пристойнымъ быть надзиранїемъ, чтобы онѣ полезными содѣлаться могли. Ежели предметы ихъ споровъ непристойно избираются, ежели они терпятъ вздорныя и непристойныя общїя мѣста, ежели терпятъ слабое и пустое краснословїе, или приобучаютъ себя безъ приготовленїя говорить безразсудно обо всякомъ предметѣ; то приобрѣтутъ они неизбѣжнымъ образомъ весьма неизправной и порочной вкусъ въ сказыванїи рѣчей. По сему всѣмъ членамъ такихъ обществъ совѣтуется вникать въ выборъ своихъ предметовъ; стараться, чтобъ сїи предметы были полезны и мужественны, либо имѣя связь съ теченїемъ ихъ ученїй, либо относясь къ нравственной наукѣ и ко вкусу, къ дѣйствїю и жизни. Они должны быть въ упражненїи своемъ въ сказыванїи рѣчей умѣренны; не говорить съ лишкомъ часто, и о такомъ предметѣ, котораго они не разумѣютъ; но только тогда, когда они расположили пристойные матерїялы для рѣчи, и напередъ разсмотрѣли и разсудили предметъ свой. Въ сказыванїи рѣчи должны они всегда стараться смотрѣть болѣе на здравый разсудокъ и увѣренїе, нежели на изъявле-

ніе краснорѣчія. Симъ образомъ, приобрѣтутъ они наилучшій способъ къ постепенному образованію себя въ мужественномъ, изправномъ и убѣдительномъ краснорѣчіи.

Теперь вопросится, въ изправленіи тѣхъ, кои желаютъ превознестись въ краснорѣчіи, какую имѣетъ пользу изученіе критическихъ и риторическихъ писателей? О сихъ подлинно нерадѣть не надобно; хотя можетъ быть весьма большой пользы ожидать отъ нихъ не можно. Не смотря на то отъ примѣрныхъ древнихъ писателей наивеличайшія выгоды приобрѣсти можно; и всякому, коего званіе заставляетъ говорить публично, стыдно, ежели онъ о нихъ свѣденія не имѣетъ. Во всѣхъ древнихъ риторическихъ писателяхъ, имѣется, по справедливости, одинъ недостатокъ, что они писали съ лишкомъ систематически; они старались совершить съ лишкомъ много; они хотѣли сдѣлать Риторику совершенною наукою, могущею снабдить вымыселъ матеріялами на всякой предметъ; такъ, что положить бы можно было, что они надѣялись содѣлать оратора правилами, такъ какъ механикъ можетъ научиться своей должности; однако истинно, все что чрезъ сіе подать можно, состоитъ въ пособ-

ленїи и просвѣщенїи вкуса, и дару разума проложить стезю, по которой онъ ступать долженъ.

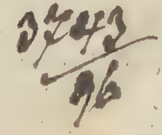
Аристотель кажется первой былъ, который Риторику исторгнулъ изъ рукъ софистовъ, и основалъ оную на здравомъ разсудкѣ, и твердомъ смыслѣ. Нѣкоторыя изъ наиподробнѣйшихъ наблюденїй учиненныхъ о страстяхъ и нравахъ людей можно найти въ разсужденїи его о Риторикѣ; однако въономъ, какъ и во всѣхъ его сочиненїяхъ, великая его краткость дѣлаетъ его темнымъ. Греческїе писатели Риторикъ, кои за нимъ слѣдовали, и изъ коихъ большая часть потеряны, положенныя имъ основанїя поправляли. Двое изъ нихъ еще существуютъ, Димитрїй Фалерейскїй, и Дїонисїй Галикарнасскїй. Оба писали о сложенїи рѣченїй, и чтенїя заслуживаютъ; наипаче Дїонисїй, который есть весьма точный и искусный критикъ.

Совѣтыванїе чтенїя Цицероновыхъ риторическихъ сочиненїй покажется уже излишнимъ. Все о краснорѣчїи, столь велйкимъ ораторомъ предложенное, должно заслуживать вниманїя. Самое пространнѣйшее его сочиненїе о семъ предметѣ de oratore, состо-

ипъ въ трехъ книгахъ. Никакое сочиненіе его столь высоко не оканчивается какъ сіе. Разговоръ весьма искусно управляется, характеры весьма хорошо подкрѣпляются, и все разположеніе красы и приятности преизполнено. Его же Orator ad M. Brutum есть также драгоцѣнное сочиненіе; и истинно во всѣхъ Риторическихъ Цицероновыхъ сочиненіяхъ являются тѣ высокія и великолѣпныя мысли краснорѣчія, кои весьма способствуютъ къ образованію вкуса, и ко внушенію того восторга къ наукѣ, которой весьма удобно приводитъ къ достиженію превосходства.

Между всѣми древними писателями ораторіи, никто, можетъ быть, столько не поучителенъ, и столько не полезенъ, какъ Квинтиліянъ. Его наставленія преизобилуютъ драгоцѣнными свѣденіями, и показуютъ вкусъ въ высочайшемъ степени точный и совершенный. Онъ весьма хорошо разсудилъ мысли древнихъ касательно Риторики, и предложилъ наставленія свои изящнымъ и изправнымъ слогомъ.

КОНЕЦЪ.

ніе
сіе.
ха-
и
из-
ак-
во
не-
ыя
ву-
їю
ма
оз-

ра-
не
кЪ
у-
у-
ый
у-
и,
и

